

ФИЛОЛОГИЯ

Е. В. Аверьянова

ИСКУШЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ И КАТОЛИЧЕСКОМ ЖИТИЙНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XV–XVII ВЕКОВ

Выявляется грамматическая репрезентация речевого акта искушения в православном и в католическом житийном дискурсе середины XV–XVII вв. Многие исследователи сейчас стремятся обнаружить взаимосвязь между манипуляцией и грамматикой. Автор пришел к выводу, что речевой акт искушения представлен в житийном дискурсе на церковнославянском и на латинском языках исключительно условными конструкциями.

Ключевые слова: речевой акт искушения, манипуляция, условные конструкции, религиозный дискурс, житийный дискурс.

Статья посвящена выявлению средств выражения искушения в православном и католическом житийном дискурсе на материале житий святых середины XV–XVII вв. (2400 страниц на церковнославянском языке и 2400 страниц на латинском языке). Актуальность темы обусловлена тем, что манипуляция в житийном дискурсе пока не была изучена. Наряду с искушением, мы исследуем в других работах запугивание, обольщение, провокацию, предписание и запрет¹.

А.-Ж. Греймас и Ж. Куртес рассматривают искушение как вид манипуляции и понимают как предложение обмена положительными ценностями², например: Приди ко мне, и я исцелю тебя. Представляется, что существует взаимозависимость между таким явлением дискурса, как искушение, и грамматикой. Согласно нашей гипотезе, искушение имеет регулярные языковые средства выражения в православном и католическом житийном дискурсе середины XV–XVII вв.

Искушение реализуется в дискурсе в виде речевого акта искушения. В древнерусских житиях середины XV–XVII вв. нами было выявлено 762 речевых акта искушения. Рассмотрим конкретную реализацию речевого акта искушения: **аще с вѣроу приидеши, всяко исцѣлѣши**³. Данный речевой акт искушения реализуется при помощи условной конструкции, где зависимая часть содержит глагол 2 лица в будущем времени. При этом в главном предложении употребляется глагол 2 лица в будущем времени.

В. С. Храковский с соавторами относит к прототипическим условным конструкциям сложноподчиненные предложения условия и осложненные предложения условия, тогда как

к периферии относятся сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения, сверхфразовые единства и обобщенные условные конструкции⁴. Все другие необобщенные конструкции принято называть реальными, поскольку они имеют конкретные референты.

Проведенное нами исследование выявило, что речевой акт и макроакт искушения представлены только условными конструкциями. Всего мы обнаружили 762 речевых акта и макроакта искушения. Реальных условных конструкций было выявлено 395, или 51,9 % от общего числа искушений.

Нами было выявлено 113 речевых актов искушения в виде сложноподчиненных предложений условия, или 14,9 % от общего числа искушений. При этом условное придаточное предложение вводится при помощи союза **аще** (если): **аще же исцѣлѣтъ отрок мой, на едино лѣто вставлю его троужатисѣ во вбители твоей стѣжей на стѣжоу братію**⁵.

Как правило (108 случаев из 113), главная часть условной конструкции, выражающая обязательство, следует за зависимой частью, выражающей условие: **аще избавиши мѧ ѿ недѣга сегѣ, то идѣ в монастырь твой и встригѣ власы главы своеѧ, и прочѧ лѣта поживѣ в покааніи**⁶.

В 56 случаях после зависимой части стоит коррелятивный союз **то**: **Аще ли Бгѣхъ ѿиметъ волѣзнь сію, и подастъ мнѣ зравіе, то овѣщаюся инокъ быти въ Печерскомъ стѣжомъ монастырѣ при блаженномъ Полкарпѣ**⁷.

В 38 случаях между зависимой и главной частями союз отсутствует: **аще вѣрѣете и крижитесь, спасени вѣдете**⁸.

Было обнаружено 248 речевых актов искушения, представленных сложносочиненными и бессоюзными сложными предложениями условия, или 31,5 % от общего числа искушений. Такие предложения относятся к периферийным условным конструкциям.

Как правило, предложение, выражающее условие, содержащее повелительное наклонение, предшествует предложению, выражающему следствие: **Ты ж иску́пайса въ Иерданѣ, авіе исцѣлѣши**⁹.

В 108 случаях из 240 главная часть условной конструкции присоединяется к зависимой при помощи союза **и**: **маріа вѣрѹ имѣй къ близженномѹ крїсталѹ вѣломѹ, и бѹдеши здрава ѿ болѣзни сеа**¹⁰.

Главная часть условной конструкции может быть присоединена к зависимой части при помощи соединительного союза **да** (76 случаев из 248): **молитесьж другъ за друга да исцѣлѣете**¹¹.

В главной части условной конструкции может не быть соединительного союза (61 случай из 248). Тогда речь идет о бессоюзном сложном предложении: **скажи ми г҃жи поутѣ твоя, в онже пойдѹ**¹².

Нами были выявлены 34 макроакта искушения, представленных сверхфразовыми единствами (4,5 % от общего числа искушений).

Как правило, зависимая часть сверхфразового единства, выражающая условие, предшествует главной части, выражающей следствие (26 из 34): **живоначалаа трѣца исцѣлїти тѣ может и здравіе подасть ти вскорѣ. Токмо ты не ослабевай в дѣло сіе**¹³.

Мы рассмотрели реальные предложения, реализующие речевой акт искушения. Но были также обнаружены обобщенные условные конструкции, относящиеся к периферии. Всего их мы выявили 367, или 48,1 % от общего числа искушений.

При обобщенном искушении самая распространенная группа примеров представлена осложненными предложениями, которые не были зафиксированы в реальных предложениях. Как правило, адресат выражен причастием (147 случаев). Тогда зависимая часть представлена сжато и не содержит глагола, тогда как главная часть содержит глагол. Рассмотрим обобщенное искушение в осложненном предложении: **претерпѣвый бо, рече, до конца, той спасетсѣ**¹⁴. Как видно, зависимая часть и адресат выражены страдательным причастием прошедшего времени.

Обратимся к католическому житийному дискурсу. Предпринятое нами исследование вы-

явило, что речевой акт искушения реализуется в речевом акте и макроакте искушения и представлен в католическом житийном дискурсе только условными конструкциями. Всего мы обнаружили 148 речевых актов и макроактов искушения на материале объемом в 2400 страниц. В православном житийном дискурсе искушение встречается в 5,1 раза реже, чем в католическом. Это объясняется тем, что в последнем дискурсе прямая речь используется реже, поэтому искушение реализуется также при помощи косвенной речи, которую мы не рассматривали.

Мы выявили 87 реальных условных конструкций, или 58,8 % от всех искушений. Из них 43 предложения, или 29 % от общего числа искушений, являются сложноподчиненными предложениями условия.

Условное придаточное может содержать глагол в *Futurum II indicativi*. При этом в главной части употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (31 пример из 43, или 72 %):

*Tibi voveo, S. Joseph, Я даю тебе обет, si infantem meum meritis tuis suscitaveris, ipsum ad sepulcrum tuum praesentabo cum oblationibus*¹⁵. Св. Иосиф, если бенка моего своими слугами поставишь на ноги, я сам на твою могилу приду с дарами.

Условное придаточное содержит глагол в *Futurum I indicativi*. При этом в главной части употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (12 примеров из 43, или 28 %):

*Ioannes, si meis consiliis acquiescas, pristinae te sanitati restituum et ab hostium tuorum insidiis diuino munimine liberabo*¹⁶. Иоанн, если в моих советах найдешь утешение, верну тебе прежнее здоровье и от козней твоих врагов божественной оградой избавлю.

Как правило, зависимая часть условной конструкции предшествует главной части (38 из 43), но в 5 случаях в постпозиции оказывается зависимая часть, что является признаком маркированного порядка слов:

*Haec, inquit, omnia tibi dabo, si prostratus adoraveris me*¹⁷. Все это, говорит, дам тебе, если ты, пав ниц, поклонишься мне.

В католическом житийном дискурсе мы не зафиксировали осложненных предложений условия среди реальных конструкций.

Что касается сложносочиненных предложений условия, то всего их было зафиксировано 29 (19,6 %). Зависимая часть с императивом предшествует главной части с глаголом в *Futurum I indicativi* (29 примеров, или 33,3 %):

S. Wilhelme, redde Св. Вильгельм, верни mihi accipetrem meum, мне мою хищную птицу, et dabo tibi mercam et cerae¹⁸. и я дам тебе меру воска.

Главная часть всегда присоединяется к зависимой при помощи соединительного союза et: Surge et vade ad B. Встань и иди к блаженному Андрею sepultum in ecclesia Carmelitarum, et benvenuto в церкви Кармелитов, et sanabit te¹⁹. и он исцелит тебя.

15 речевых макроактов искушения (10 %) реализуются при помощи сверхфразовых единств:

Serui, subditi estote in Рабы, будьте покорны omni timore dominis. в страхе своим хозяевам. Sicque res eo processit, ut fidelis famuli пени это важно, что obsequium fideli aequos послушание верного que domino magnum слуги также является praerogaret beneficium, большим благодеянием господину, forisque multiplicatis, приумножаете богатства sed et in caelo, ubi fures не только дома и non effodiunt, neque снаружи, но и на небе, tinea demolitur, the где воры не копают и saurizatis²⁰. червь не разрушает, вы накапливаете.

Было зафиксировано 61 обобщенное искушение, или 41,2 % от общего числа искушений. В центре этой группы находятся осложненные предложения с адресатом, представленным предикатом (29 примеров):

Iusti autem in praesentia А праведники живут tuum vivunt, et apud во веки; награда их – Dominum est merces eorum²¹.

Следует отметить, что в обоих исследованных дискурсах среди обобщенных конструкций доминируют осложненные предложения.

Затем по частотности следуют сложноподчиненные предложения условия. Всего их было выявлено 20 (32,8 %). Но всего 6 примеров содержат условный союз si:

Si amas, amaberis: si Если любишь, будешь times, timeberis: si любим: если боишься, servis, servietur tibi: si тебя будут бояться: bene te geris erga alios, если служишь, тебе alii se bene gerent erga будут служить: si хорошо ведешь себя с другими, другие будут вести себя хорошо по отношению к тебе.

Остальные 14 предложений содержат указание на адресата в зависимой части в виде местоимения qui и не имеют условного союза:

Qui vult pacem et tranquillitatem habere, debet Тот, кто хочет жить в мире и спокойствии, omnem hominem superiorem se reputare²³. должен всякого человека считать выше себя.

Сложносочиненные предложения условия наименее распространены: их оказалось 12, или 19,7 % от общего числа, например:

Date, et dabitur vos²⁴. Давайте, и воздастся вам.

Таким образом, мы рассмотрели грамматическую репрезентацию речевого акта искушения в православном и католическом житийном дискурсе середины XV–XVII вв. Было установлено, что в обоих дискурсах речевой акт искушения представлен сложноподчиненными, сложносочиненными условными предложениями, сложными бессоюзными условными предложениями, а также осложненными условными предложениями и сверхфразовыми единствами. Следовательно, можно говорить о взаимозависимости речевого акта искушения и условных конструкций в церковнославянском и латинском языках.

Примечания

¹ См.: Аверьянова, Е. В. 1) Архетипическая структура искушения и запугивания в древнерусском языке // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 165–170; 2) Фигура провокации в религиозном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 17–19; 3) Предписание и запрет как манипулятивные категории // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 60–63; 4) Манипулятивная фигура обольщения в религиозном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 17 (271). С. 13–17.

² См.: Greimas, A.-J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.-J. Greimas, J. Courtés. P., 1993. P. 220.

³ Макарий. Великие Минеи Четии [Электронный ресурс] // Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). СПб., 2009. Святоотеческое наследие. Вып. 1. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Т. 4. С. 34.

⁴ См.: Храковский, В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1998. С. 7–96.

- ⁵ Житие преподобного Антония Сийского [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>. С. 98.
- ⁶ Житие преподобного Павла Обнорского (чудеса) [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>. С. 4.
- ⁷ Димитрий Ростовский. Жития Святых в четырех книгах [Электронный ресурс]. Киево-Печерская Лавра, 1764 // Святоотеческое наследие. Вып. 2. Святитель Димитрий Ростовский (1651–1709). СПб., 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Т. IV. С. 795.
- ⁸ Там же. Т. III. С. 629.
- ⁹ Макарий. Указ. соч. Т. 16. С. фк\с.
- ¹⁰ Житие преподобного Кирилла Новоезерского [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>. С. 67.
- ¹¹ Житие преподобного Дионисия Глушицкого [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>. С. 40.
- ¹² Житие преподобного Антония Сийского. С. 34.
- ¹³ Житие преподобного Антония Сийского. С. 92.
- ¹⁴ Макарий. Указ. соч. Т. 1. С. 1520.
- ¹⁵ Acta Sanctorum aprilis [Reprod. en fac.-sim.] [Электронный ресурс]. Т. I. Societe des Bollandistes. 1675. 910 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>. P. 712.
- ¹⁶ Acta Sanctorum januarii [Reprod. en fac.-sim.] [Электронный ресурс]. Т. II. Societe des Bollandistes. 1643. 1160 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>. P. 1074.
- ¹⁷ Acta Sanctorum aprilis. P. 39.
- ¹⁸ Там же. P. 640.
- ¹⁹ Acta Sanctorum januarii. P. 1072.
- ²⁰ Acta Sanctorum februarii [Reprod. en fac.-sim.] [Электронный ресурс]. Т. I. Societe des Bollandistes. 1658. 1056 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>. P. 678.
- ²¹ Acta Sanctorum februarii [Reprod. en fac.-sim.] [Электронный ресурс]. Т. II. Societe des Bollandistes. 1658. 978 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>. P. 632.
- ²² Acta Sanctorum aprilis. Т. III. P. 227.
- ²³ Там же. P. 228.
- ²⁴ Там же. P. 327.

СУБЪЕКТИВНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОНЦЕПТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

(на примере Индивидуальной психологии А. Адлера)

Статья печатается при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-04-00045

Исследуется роль личного экзистенциального опыта в процессе познания, анализируются этапы формирования концептуальной и терминологической системы в «Индивидуальной психологии» А. Адлера.

Ключевые слова: эпистемология, генезис нового знания, научный концепт, терминологическая номинация, деривация, мотивированность термина, интерпретационное поле.

Современный этап научного развития, получивший название «постнеклассической» науки (термин В. С. Степина), характеризуется отсутствием жесткой грани между субъективным и объективным познанием, признанием взаимодействия между индивидуальными ценностями и объективной истиной, осознанием важности понятий «смысл», «ценность», «понимание» для процессов духовно-практического освоения мира. В основе познавательной деятельности лежит эмпирический и обыденно-практический опыт, образующий ценностно-смысловые предпосылки когниции и превращающий логику формальных понятий науки в характеристику социокультурной реальности человека [3]. Лингвистическая реконструкция деривационной истории научных концептов может способствовать осмыслению феномена обыденно-практической и социокультурной детерминации познавательного процесса, моделированию этапов генезиса и порождения нового знания – от субъективного мнения до объективного понятия, содействовать расширению представлений о механизмах смыслообразования.

Специфика познания внутренней реальности человека в психологической науке состоит в том, что в его основе часто лежит личный экзистенциальный опыт ученого, что предопределяет особую значимость субъективных мотивационно-смысловых факторов для познавательной установки, поэтому научные концепты часто имеют сходство с лингвокультурными концептами, т. е. **обладают не только понятийной, но и образной составляющей.** В научной картине мира А. Адлера таким ментальным репрезентантом, образующим ядро концептосферы Индивидуальной психологии, является научный концепт *Minderwertigkeitsgefühl* (чувство неполноценности). Целью данного ис-

следования является установление некоторых закономерностей процесса терминологизации и функционирования ядерной словоформы как центра терминораздела психологии, куда входят специальные языковые единицы, номинирующие понятия Индивидуальной психологии А. Адлера [1].

Формирование научной теории включает в себя несколько этапов: возникновение базовых понятий, формулирование научных концептов, создание терминологической базы, моделирование структур знания, которые можно представить в виде фреймовой организации научного дискурса. Семантика ядерного концепта *Minderwertigkeit* также претерпевает несколько стадий развития: от отнесенности к физиологической характеристике органов тела человека, затем к феноменам психической организации и, наконец, к факторам ценностно-этических представлений личности. Это развитие можно проследить на материале научных работ создателя Индивидуальной психологии.

В первой книге А. Адлера „*Studie über die Minderwertigkeit von Organen*“ [4] была сформулирована концепция болезни как нарушения баланса в отношениях органа с его средой и рассмотрены возможности компенсации для достижения стабильного функционирования организма. Специальная терминологическая единица *Minderwertigkeit* возникла в результате семантической деривации от общеупотребительного немецкого слова со значениями: меньшая ценность; неполноценность; недоброкачественность; низшее качество; негодность; низкопробность (литературы и т. п.). Терминологическая специализация лексем „*minderwertig*“ и „*Minderwertigkeit*“ в книге А. Адлера осуществляется через многократные повторы (486 употреблений на 62 страницах), вхождение в антонимические оппозиции

(*minderwertig* – *vollwertig*, *Minderwertigkeit* – *Überwertigkeit*), использование в качестве компонентов в композитах (*Organ- und Nervenminderwertigkeit*, *Organ-Minderwertigkeitslehre* и др.), а также за счет включенности языковой единицы в терминопле клинической медицины и образования контекстуальных связей, в первую очередь с названиями различных органов тела и терминологической единицей *Kompensation*. Последняя также характеризуется значительной рекуррентностью (347 употреблений) и деривационной активностью.

В следующей книге „*Über den nervösen Charakter*“ [5] меняется интерпретационное поле и вместе с ним значение специальных лексических единиц. Наряду с лексемой *Minderwertigkeit* используется также композит *Minderwertigkeitsgefühl*, в котором последний компонент („чувство“) является функтором, транспонирующим данное значение в область психического. Это знаменует переход на качественно иной уровень осмысления данного качества и включения этого понятия в контекст психической деятельности субъекта. Таким образом, понятия *Minderwertigkeit* и *Kompensation* толкуются как универсальные механизмы психической деятельности. В то же время многочисленные ссылки автора на свою первую работу означают не столько отрицание и преодоление, сколько расширение и одновременно специализацию этих значений в рамках данной теории.

О значимости для ученого понятия «ценность» свидетельствует тот факт, что, помимо исключительной рекуррентности лексемы *Minderwertigkeit* (227 употреблений на 157 страницах), в работе используются и другие лексические единицы с этим же корнем – *Entwertungstendenz*, *Vollwertigkeit*, *wertlos*, *Umwertung der Werte* и даже одного неологизма *Mehrwertigkeit*, что приблизительно можно перевести как «повышение ценности». Использование в качестве словообразовательных основ исконной немецкой лексики («*mind-er*») и особенно лексемы «*wert*» с ее многозначностью и эмоциональной нагруженностью) обуславливают мотивированность ключевой терминологической единицы; её содержание отражает субъективированное знание, связанное с эмоциогенными факторами и экзистенциальным переживанием. Эти особенности лежащего в основе терминологической номинации ментального образа связаны с его происхождением в результате ситуативного практического

опыта в отличие от понятия, которое формируется в процессе теоретического познания и в основе которого лежит рассудочное конструирование и логический анализ. Известно, что сам автор в юности страдал от описанного им комплекса, и можно предположить, что созданная им теория и разработанная на ее основе психотерапевтическая практика способствовали решению его личных проблем.

К этому надо добавить необычное для абстрактных понятий использование лексемы *Minderwertigkeit* во множественном числе, что подчеркивает множественность проявлений качества и свидетельствует о недостаточной для термина обобщенности значения. В то же время предпосылки дефинируемости как необходимого признака термина создаются употреблением данной лексемы в контексте, номинирующем специальные понятия области Индивидуальной психологии, её включенностью в развернутый синонимический ряд и противопоставленностью такому же развернутому множеству антонимов.

В последующих работах А. Адлера [6] происходит дальнейшее расширение интерпретационного поля, включающего наряду с физиологическим и психологическим компонентами ценностно-этическую составляющую, а также развитие системных связей и достраивание теории Индивидуальной психологии. Ключевая лексема здесь выступает в трех вариантах: *Minderwertigkeit*, *Minderwertigkeitsgefühl* и *Minderwertigkeitskomplex*, которые в основном соответствуют как общезыковым, так и специальным требованиям к терминологии. Ключевые концепты *Minderwertigkeit* и *Kompensation* образуют центр фреймной структуры понятийной области Индивидуальной психологии, которая разворачивается за счет ряда других фреймов и субфреймов, имеющих прототипический характер для появления новых понятий и выражающих их терминов.

Окончательное оформление понятийной системы и выражающей ее специальной лексики Индивидуальной психологии происходит в поздних работах ученого и его последователей. Ключевыми терминами данного термина раздела являются *Minderwertigkeitskomplex* и *Überkompensationskomplex* (комплекс превосходства), обладающие формальным морфологическим сходством, дефинируемостью и четкой соотносительностью со специальными понятиями. На этом этапе развития теории

их значение приобретает более высокий уровень обобщенности, так как эти качества, по мнению ученого, присущи не только отдельным личностям, но и вообще всем людям. Сформированность терминологического значения выражается также в интернационализации и устойчивости переводческих эквивалентов этих ключевых терминов в других языках.

По сравнению с этими терминами первичные специальные номинации *Minderwertigkeit* и *Kompensation* отличаются большей многозначностью. Так, номинация *Minderwertigkeit* в разных работах А. Адлера имеет значения: физиологическая неполноценность отдельных органов; социально-культурные формы неполноценности; биологическая неполноценность человека как вида в его противопоставленности природе; «генерализированное чувство» неполноценности, которое служит импульсом к действию. Терминологическую номинацию *Kompensation* можно отнести к консубстанциональным терминам, получающим свою интерпретацию в качестве термина лишь в психоаналитическом и неофрейдистском контексте в зависимости от контекстуального окружения.

Ключевые понятия образуют ядро концептуального поля Индивидуальной психологии, в котором концепты связаны друг с другом отношениями конкретизации и спецификации (компенсация и ее типы: неполная компенсация, полная компенсация, сверхкомпенсация и мнимая компенсация - уход в болезнь), каузальными (порядок рождения – чувство неполноценности), инструментальными (компенсация через социальный интерес), детерминации (фикционный финализм – стиль жизни), оппозитивными (чувство неполноценности – стремление к превосходству) и другими логическими связями. Наличие логических и иерархических связей между научными концептами и их номинациями свидетельствует о сформированности семиотической системы данной научной области и соответствующего терминораздела психологии личности. Одни из специальных единиц вошли в терминосистему современной психологии, другие обладают понятийной отнесенностью в рамках научной теории А. Адлера, но различной степенью устойчивости и определенности из-за их полисемантической и наличия синонимических форм выражения. Эта особенность характерна для многих терминологических номинаций гуманитарных наук, которые в результате эволюции и более поздних интерпретаций могут приобретать все

большую многозначность и меньшую ясность, а потому нуждаются в специальном объяснении исследователя.

Анализ становления ключевых понятий теории позволяет сделать некоторые выводы относительно общих закономерностей генезиса нового знания. Сравнение понятийного содержания специальных единиц *Minderwertigkeit* и *Kompensation* на разных этапах развития теории показывает, что в основе деривационных процессов данной концептуальной системы лежат механизмы производности, аналогии и спецификации. Производность проявляется во вторичности значения терминов, возникающих в результате семантической деривации термина из общеупотребительного слова или первичного термина. Аналогия выражается в сходстве отношений между ключевыми концептами на физиологическом, психическом и поведенческом уровнях человека; на основе аналогии происходит редукция первоначальных признаков, обобщение содержания и расширение интерпретационного поля. В результате спецификации на базе первичных концептов развиваются вторичные концепты, связанные с базовыми логическими отношениями, и производные научные концепты, заполняющие субфреймы и слоты макрофрейма концептуального поля.

Важным представляется то обстоятельство, что процесс обобщения и расширения содержания ключевых понятий *Minderwertigkeit* и *Kompensation* связан с изменением их оценки. Первое из них, оцениваемое вначале как негативное и аномальное, по мере своей генерализации в дальнейшем признается универсальным явлением и рассматривается как главный фактор развития личности. В конечном итоге автор приходит к выводу, что как неполноценность, так и её компенсация (в случае развития комплекса превосходства) могут принимать негативное (деструктивное) или позитивное (конструктивное) выражение. Таким образом, как генерализация, так и дифференциация понятия в данном случае влечет за собой изменение его оценки.

Мотивированность ключевого термина обуславливает его богатый коннотативный ореол, при этом пейоративные коннотации вступают в противоречие со смыслом данного понятия в поздней версии Индивидуальной психологии. Неслучайно российская последовательница адлерианства Е. В. Сидоренко считает, что термин «неполноценность» не соответствует духу

концепции и более адекватным эквивалентом, по ее мнению, явился бы термин «недостаточность» [2. С. 13]. Однако, вопреки ее мнению, немецкое слово „Minderwert“ имеет сему негативной оценки, и неполное соответствие мотивировочной основы значению термина в окончательной версии концепции объясняется как субъективными факторами, так и эволюцией его значения. По всей видимости, аксиологическая энантиосемия с самого начала была заложена в его содержании. Так, Е. В. Сидоренко пишет: «И критики, и сторонники Адлера так или иначе идентифицируют его с его собственной концепцией недостаточности и совершенствования, но первые делают это «понижу», а вторые – «поверху». Одни говорят: он всю жизнь компенсировался; другие – он всю жизнь совершенствовался» [2. С. 14].

Анализ терминологии Индивидуальной психологии со всей непреложностью демонстрирует, что механизмы познания неразрывно связаны с формированием мировоззренческой и ценностной позиции, которая лежит в основе концептуальной картины реальности и зависит как от ситуативных условий рефлексивной деятельности, так и от личного экзистенциального опыта ученого. В то же время необходимо дальнейшее изучение специфики процедур

смыслообразования и процессов терминообразования в авторских концепциях социально-гуманитарного знания в их аксиологическом значении и в социально-семиотическом контексте культуры.

Список литературы

1. Адлер, А. Понять природу человека. М., 2011. 256 с.
2. Сидоренко, Е. В. Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. СПб., 2002. 347 с.
3. Яковлев, В. Ю. Ценностно-смысловые основания научного познания : автореф. дис ... д-ра филос. наук. Киров, 2009. 47 с.
4. Adler, A. Studie über Minderwertigkeit von Organen. Urban u. Schwarzenberg. Wienu. Berlin, 1907 [Электронный ресурс]. URL: <http://de.wikisource.org/wiki/Studie%C3%BC>.
5. Adler, A. Über den nervösen Charakter. Wiesbaden. Grundzüge einer vergleichenden Individualpsychologie und Psychotherapie. Verlag von J. F. Bergmann, 1912 [Электронный ресурс]. URL: <http://de.wikisource.org/wiki/%C3%9>.
6. Adler, A. Menschenkenntnis, 1927 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textlog.de/alfred-adler-menschenkenntnis.html>.

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ (на материале ассоциативных полей)

Предпринимается попытка проанализировать содержание общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании студентов и курсантов. Материалом для исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в военном вузе и нескольких гражданских вузах города Челябинска, а также данные Русского ассоциативного словаря. Автор выявляет общие и профессионально-специфичные компоненты в языковом сознании указанных категорий респондентов и динамику формирования профессионального языкового сознания курсантов.

Ключевые слова: *психолингвистика, общечеловеческая ценность «безопасность», языковое сознание, ассоциативный эксперимент, студенты, курсанты.*

Проблемой общечеловеческих ценностей традиционно занимаются социологи, которые исследуют отношение членов различных социальных групп к общечеловеческим ценностям. Объектом исследований лингвистов является язык как «живой организм», фиксирующий все изменения, происходящие в социуме, язык как «зеркало» культуры, отражающий содержание ценностей как ядерной части любой культуры. По меткому замечанию В. П. Синячкина, язык «выступает как основной носитель культурных ценностей» [1. С. 419].

Безопасность является одной из базовых ценностей в русской культуре [2. С. 15]. Мы предполагаем, что под влиянием корпоративной (профессиональной) культуры общечеловеческие или национальные ценности могут трансформироваться и получить новое осмысление и выражение в сознании индивида. Труд военного специалиста относится к одному из сложных и опасных видов человеческой деятельности и связан с применением военной техники, при управлении которой любая ошибка может привести к трагическим последствиям. Следовательно, безопасность, являясь базовой ценностью в русской культуре, приобретает еще и статус профессиональной ценности в сознании офицеров.

В 2011–2013 гг. на базе нескольких вузов был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В качестве респондентов выступили курсанты военного вуза, готовящего штурманов, и студенты гражданских вузов города Челябинска. Полученные данные было решено сравнить также с материалами Русского ассоциативного словаря (РАС). Анализ ассоциативных полей стимула «безопасность», по-

лученных от студентов конца 20 века (РАС), современных студентов 21 века и курсантов разных этапов профессионального обучения (данные нашего эксперимента) позволит судить об изменениях, произошедших в сознании респондентов указанных категорий под влиянием различных факторов.

Количество информантов, принявших участие в наших экспериментах (233 реакции были получены от студентов 1–5 курсов разных факультетов ЮУрГУ, ЧелГУ, РАНХиГС, 104 реакции от курсантов 1 курса, 123 реакции от курсантов 2–3 курсов, 101 реакция от курсантов 4–5 курсов ВУНЦ ВВС ВВА, филиал в г. Челябинск) и в экспериментах, результаты которых представлены в РАС (103 реакции), разное. На этом основании мы пришли к выводу о правомерности проведения анализа в процентном соотношении. В рамках данной работы в качестве иллюстративного материала будут приведены ядерные и некоторые периферийные реакции, имеющие индекс частотности не ниже 0,5 %.

При сравнении ассоциативных полей очевидными становятся изменения, произошедшие в сознании респондентов за несколько десятилетий. В языковом сознании современных молодых людей безопасность связана прежде всего с охраной, а не с движением, как в сознании студентов 90-х годов. В РАС реакция *движения* – 41,7 % является первой по частотности, реакции *охрана* – 0,8 % единичная, реакция *защита* отсутствует. В сознании современных студентов и курсантов семантическая зона «дорожное движение» представлена реакциями, находящимися на периферии ассоциативных полей. Реакции *охрана* – 11,6 % и *защи-*

та – 9,4 % составляют ядерную часть ассоциативного поля «безопасность», выстроенного по ответам современных студентов. В ответах курсантов реакция *охрана* – 8,7 % также занимает первое место по частотности на 1 курсе. Однако на последующих курсах ее удельный вес значительно снижается: на 2–3 курсах *охрана* – 5,7 % является третьей по частотности, на 4–5 курсах *охрана* – 2,9 % переходит на периферию поля. В ассоциативных полях курсантов имеется реакция *защита* – 4,8 % (1 курс); – 2,9 % (4–5 курсы) и ее дериваты *защищенность* – 0,8 % (2–3 курсы), *защищенный* – 0,9 % (4–5 курсы). Следовательно, безопасность для современной молодежи, в отличие от студентов 90-х годов, – это категория, состояние человека, которое достигается только при его целенаправленной охране и защите.

В РАС указан всего один социальный институт, задачей которого является обеспечение безопасности: *КГБ* – 1,9 %. Современные студенты (*армия* – 0,9 %, *МЧС* – 0,9 %, *полиция* – 0,9 %) и курсанты (*агентство* – 0,9 % (1 курс); *ФСБ* – 3,3 %, *МЧС* – 1,6 %, *Вооружённые силы* – 0,8 %, *милиция* – 0,8 %, *медицина* – 0,8 %, (2–3 курсы); *ФСБ* – 1,9 %, *тюрьма* – 0,9 % (4–5 курсы)) указывают в качестве субъектов, которые обеспечивают безопасность, целый ряд служб и социальных институтов. Мы можем предположить, что переход реакции *охрана* в ядерную часть поля и увеличение реакций – наименований служб, обеспечивающих безопасность, свидетельствует о росте социальной тревожности и напряженности в современном обществе.

В ответах курсантов кроме перечисления служб и институтов, ответственных за обеспечение общественной безопасности, присутствует также сама реакция *служба* – 0,8 % (2–3 курсы), – 1,9 % (4–5 курсы) и ее дериваты *служб* – 0,8 %, *службы* – 0,8 % (2–3 курсы), *службы* – 0,9 % (4–5 курсы). Армия является социальным институтом, созданным государством для удовлетворения потребности в обеспечении безопасности. Однако в отличие от остальных общественных институтов (МЧС, полиция и т. д.), на Вооруженные Силы возложена задача обеспечения внешней (национальной) безопасности, защиты страны от возможной агрессии других государств. Не случайными в этой связи представляются следующие реакции, обнаруженные только в ответах курсантов: *оборона* – 0,9 %, *Родины* – 0,9 % (1 курс); *граница* – 0,8 %, *борьба* – 0,8 % (2–3 курсы).

При сравнении ассоциативных полей мы также обнаружили, что реакция *дом* является частотной (третья по частотности) в ответах современных студентов (*дом* – 6 %), и полностью отсутствует в РАС. Необходимо отметить, что при исследовании ядра языкового сознания современных русских была установлена тенденция «к социальной интровертности, ориентации на личную жизнь в пределах своего дома и в кругу семьи» [3. С. 175–176]. Появление ранее не зарегистрированной реакции *дом* с высоким удельным весом свидетельствует о существенной перестройке в ядре ассоциативного поля стимула «безопасность». Это позволяет предположить, что личная безопасность, безопасность дома становится все более актуальной для молодежи.

В ответах курсантов лексема «дом» присутствует только на периферии ассоциативных полей (*дом* – 1,9 % (1 курс); *дом* – 1,6 % (2–3 курсы) *дом* – 0,9 %, *дома* – 0,9 % (4–5 курсы). Кроме того, в ассоциативных полях курсантов есть реакции *наша* – 0,9 %, *всех* – 0,9 %, *экипажа* – 0,9 % (4–5 курсы). Следовательно, безопасность в сознании курсантов связана не только с личной безопасностью одного человека и его жизненного пространства (например, дома), но с безопасностью группы людей, военных специалистов, совместно выполняющих боевую задачу. Ошибка одного военного специалиста может привести к гибели всего экипажа, таким образом, безопасность в данном случае выступает коллективной категорией.

В ассоциативных полях курсантов 2–3 и 4–5 курсов самой частотной является реакция *полетов*. На первом курсе указанная реакция находится лишь на периферии ассоциативного поля. Кроме того, удельный вес ядерной реакции на 2–3 и 4–5 курсах значительно отличается: *полетов* – 9,8 % на 2–3 курсах и *полетов* – 16,8 % на старших курсах. На периферии ассоциативных полей двух последних категорий респондентов также встречаются реакции: *полета* – 3,3 %, *безаварийность* – 0,8 %, *полет* – 0,8 % (2–3 курсы), *полета* – 0,9 %, на *ВТ* (воздушная трасса) – 0,9 % (4–5 курсы). В сознании курсантов первого года обучения безопасность связана, прежде всего, с понятием «охрана», т. е. ядерная реакция курсантов 1 курса и студентов совпадает. Значимость соблюдения безопасности полетов актуализируется в сознании курсантов на 2–3 году обучения. К 4–5 курсу обучения реакция «полетов»

не только остается ядерной, но и увеличивает показатель частотности.

Итак, анализ нескольких ассоциативных полей показал динамику образов, составляющих содержание базовой ценности «безопасность», в сознании молодых людей. Для современных студентов актуальным становится необходимость охраны и защиты безопасности в разных сферах, о чем свидетельствует расширение ассоциативного поля за счет включения в него новых объектов (например, реакция *дом*) и субъектов (например, реакции *МЧС, полиция*) безопасности, которые отсутствуют в ассоциативном поле этого стимула в РАС. Кроме того, между первой (41,7 %) и второй (3,8 %) ядерной реакцией в РАС существует заметный отрыв, что позволяет сделать вывод о более однородном представлении о безопасности в сознании студентов 90-х годов. Анализ вербальных репрезентаций содержания указанной ценности дал нам возможность выявить профессиональный компонент безопасности в сознании курсантов (реакции: *полетов, безаварийность, на ВТ* и т. д.). Появление ядерной реакции *полетов* на стимул «безопасность» на 2–3 курсе и рост ее удельного веса в ассоциа-

тивном поле стимула к концу обучения говорит о становлении профессионального языкового сознания курсантов.

Список литературы

1. Синячкин, В. П. Психолингвистический подход к использованию описательной лингвокультурологии в преподавании русского языка // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика : материалы X междунар. конгресса междунар. общества по прикладной психолингвистике / под ред. Н. В. Уфимцевой, А. А. Степановой, Д. В. Маховикова, Л. С. Жуковой. М., 2013. С. 418–419.
2. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопр. психолингвистики. 2012. № 15. С. 8–17.
3. Шапошникова, И. А. Устойчивость и изменчивость вербальных ассоциаций русских как отражение процессов самоидентификации при нарушении целостности этнокультурной среды // Межэтническое общение: контакты и конфликты : сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2012. С. 171–193.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОРНЕВОЙ МОРФЕМЫ В БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Проведено сопоставительное описание морфемной структуры слова в башкирском и английском языках. В сопоставительном плане анализируются корневые морфемы, функционирующие в данных языках. Утверждается, что между корневыми морфемами в башкирском и английском языках нет однозначного соответствия, хотя имеются общие моменты.

Ключевые слова: башкирский язык, английский язык, сопоставительная грамматика, корневая морфема, свободные корни, связанные корни, изолированные корни, полусвязанные / полусвободные морфемы.

Сопоставительные исследования разноструктурных языков в настоящее время утверждается как одно из центральных направлений в лингвистике. Анализ в таком плане позволяет выявить общие тенденции развития языков как способа отражения мира, показать уникальность и национальное своеобразие каждого из них.

Значительный опыт сопоставительного исследования башкирского, английского и других иностранных языков в структурно-грамматическом аспекте в башкирском языкознании уже накоплен. Можно выделить таких представителей сравнительной типологии, как М. А. Хасанов, Р. З. Мурясов, Р. Х. Каримов, А. М. Азнабаев, Р. Х. Хайруллина, Д. Д. Хисамова, З. З. Ишбаев и другие. Однако в этих работах не уделяется должного внимания морфемике сопоставляемых языков. Новизна данной работы заключается в том, что впервые подробно в сопоставительном плане описано морфемное строение слова в башкирском и английском языках.

По морфемной структуре и способам образования слов и их грамматических форм башкирский язык относится к типу агглютинативных языков, а английский язык – к типу аналитических языков, поэтому в башкирском языке структура словоформы значительно отличается от структуры словоформы английского языка.

В башкирском и английском языках, по своему значению, местоположению и функциям морфемы подразделяются на два типа: 1) корневые морфемы, или корни; 2) аффиксальные морфемы, или аффиксы.

Корневая морфема – это основная и постоянная часть слова, содержащая в себе его лексическое значение [4. С. 15]. Корни служат базой для образования новых лексических

единиц, называемых родственными словами. Например, на базе корня *юл* ‘дорога, путь’ созданы следующие родственные слова: *юлдаш* ‘спутник, попутчик’, *юлсы* ‘путник, странник’, *юлыз* ‘без дороги’, *юлык* ‘предназначенный на дорогу (о деньгах, о питании)’ и т. д.

В башкирском языке корни сохранили свои древние фонологические структуры, они представляют собой односложные (*йөз* ‘сто’, *һыу* ‘вода’, *ал-* ‘брать’, *ак* ‘белый’), двусложные (*буре* ‘волк’, *иртә* ‘утро’, *матур* ‘красивый’, *йылы* ‘тёплый’), а иногда и трехсложные конструкции (*карагай* ‘сосна’, *бәнембә* ‘одуванчик’, *карлугас* ‘ласточка’, *коралай* ‘козуля; дикая коза’).

В башкирской лингвистике выделяют свободные (ирекле) и связанные (бәйле) корни. Свободными называются такие корни, которые могут свободно сочетаться с другими корнями или словообразовательными аффиксами и употребляться и без них: *таза* ‘чистый’, *тазалык* ‘чистота’, *тазар-* ‘чистить’, *тазарткыс* ‘очиститель’; *ер* ‘земля’, *ерле* ‘имеющий землю’, *ерһезлек* ‘безземелье’, *ер-һыу* ‘земля-вода (общее наименование родной земли), угодье; земноводный’.

Связанные корни – это такие корни, которые употребляются лишь в сочетании с другими корнями или со словообразовательными аффиксами, их первичные варианты в языке не сохранились и самостоятельно не встречаются: корень *эл-* в словах *элек* ‘давно’, *элекке* ‘прежний, прошлый’, *элгәре* ‘прошедший’; корень *йүт-*, выделяемый в словах *йүт-эл* – ‘кашель’, *йүт-эл-лә-* ‘кашлять’, *йүт-кер-* ‘кашлять’, *йүт-кер-ек* ‘кашель’. Корень *йүт* сегодня самостоятельно не употребляется [4. С. 15]. Корень *ут-*, встречающийся в словах *ут-лык* ‘ясли (для скота)’, *ут-ау* ‘полоть, сполоть, пропалывать, прополоть, выпалывать’, *ут-ла-у* ‘выгон,

выгул, пастись’, *ут-ла-уык* ‘пастбище, выгон’ *ут-а-гыс* (диалект.) ‘тыпка, мотыжка’, также уже не употребляется в своём первоначальном значении “трава” и является связанным.

Следует отметить, что в башкирском языке слова *тамыр* (корень) и *нигез* “основа” равнозначны. Итак, корневая морфема, будучи основой значимой части слова, употребляясь самостоятельно, выступает как отдельное слово и служит базой для образования новых слов, их лексико-грамматических и грамматических форм. Поэтому корень слова часто называют и основой (или производящей основой) [5. С. 38].

Например, корневая морфема в следующих словах употребляется в чистом виде, без словоизменятельных аффиксов: *һыу* ‘вода’, *ер* ‘земля’, *йыр* ‘песня’, *ике* ‘два’, *ал-* ‘брат’, *йй* ‘медленно’.

В сопоставляемом английском языке корневые морфемы – это, прежде всего, односложные элементы. Корневая морфема отвечает в слове за передачу более конкретного значения. В знаменательных словах корневая морфема (или морфемы, если в слове их несколько, как, например, *sign-* и *board* в слове *signboard* ‘вывеска’ или *space* и *man* в слове *spacesman* ‘космонавт, астронавт; пришелец с другой планеты’) несет часть целостного лексического значения, образуя смысловое ядро слова; именно на корневой морфеме основывается и мотивировка слова.

Корневая морфема, по определению В. Н. Ярцевой, – это то, что едино в словах, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам [3. С. 6]. Например, *green* ‘зеленый’, *greenish* ‘зеленоватый’, *greenness* ‘зелень; незрелость, неопытность’, *greeny* ‘зеленоватый’. В этом ряду выделяется корневая морфема *green-*.

В английском языке, как правило, корневая морфема по своему звуковому составу совпадает с основой, как и в сопоставляемом башкирском языке. На современном этапе своего развития английский язык характеризуется одноморфемной структурой слова; например: *kind-* – корневая морфема, равная основе, суффикс *-ness* прибавляется к основе, которую в этом случае можно назвать корнеосновой: *kindness* ‘доброта, доброжелательность; любезность’. Английский глагол *read* ‘читать’ совпадает по своей звуковой форме как с корневой морфемой *read-*, так и с основой *read-*, к которой присоединяются суффиксальные

морфемы, например: *reader* ‘читатель, преподаватель (университета)’, *reading* ‘чтение, начитанность’, *readability* ‘удобочитаемость; читабельность’; *readable* ‘чёткий, удобочитаемый, хорошо написанный’.

Корневые морфемы делятся на свободные (*free morphemes*) и связанные (*bound morphemes*). Свободные морфемы совпадают со словоформами независимо функционирующих слов. К свободным морфемам относятся главным образом корневые, совпадающие с самостоятельным словом по форме и части значения.

Очевидно, что свободные морфемы совпадают с корнем слова, поэтому морфема *boy-* в слове *boy* ‘мальчик’ – свободная морфема; в слове *return* ‘возвращение, доход, прибыль; возвращать, вернуться’ выделяется только одна свободная морфема *turn*; слово *playground* ‘детская площадка’ имеет две свободные морфемы – это *play-* и *ground-*; слово *fancy-dress-maker* ‘производитель маскарадного костюма’ имеет три свободные морфемы.

Некоторые корневые морфемы также могут оказаться связанными. Если анализировать слова *phobia* ‘боязнь, фобия’, *inept* ‘неспособный, глупый, неподходящий’, *defunk* ‘умерший, усопший; несуществующий, исчезнувший’, то морфемы *phob-*, *-ept*, *-funk* не существуют в языке отдельно и, следовательно, являются связанными. Отсюда следует, что связанные морфемы – это те, которые не совпадают с самостоятельными словоформами.

Кроме свободных и связанных морфем в языке существуют и уникальные (изолированные) морфемы, то есть корневые морфемы, которые можно выделить только в одном слове, несмотря на наличие регулярной словообразовательной модели. Изолированными являются следующие корневые морфемы: *cran-* в слове *cranberry* ‘клюква’, *bil-* в слове *bilberry* ‘черника’, *whortle-* в слове *whortleberry* ‘черника’. Хотя данные слова образованы по той же модели, что и лексемы *blackberry* ‘ежевика’, *blueberry* ‘черника’, *raspberry* ‘малина’, *strawberry* ‘земляника’, *bilberry* ‘черника’, *blackberry* ‘ежевика; черная смородина’, *bog-berry* ‘клюква’, *cowberry* ‘брусника’, *gooseberry* ‘крыжовник’, *dogberry* ‘свидина кроваво-красная (растение с несъедобными ягодами)’, *dewberry* ‘ежевика’, которые содержат свободные морфемы.

В английском языке также выделяются полусвязанные / полусвободные морфемы (*semi-bound (semi-free) morphemes*). Полусвязанные /

полусвободные морфемы (или полуаффиксы) могут функционировать как аффикс (префикс или суффикс) и в то же время обозначать слово. Например, *ill* имеет разные значения: в роли прилагательного – ‘больной, нездоровый’; дурной, плохой; злой, враждебный; вредный, губительный’; в роли имени существительного – ‘зло, вред’; а как наречие означает ‘плохо, худо; дурно; неблагоприятно’. А в словах *ill-placed* ‘неудачно расположенный; неуместный’; *ill-suited* ‘непригодный, неподходящий’; *ill-tempered* ‘со скверным характером; раздражительный, брюзгливый’; *ill-timed* ‘несвоевременный, неподходящий’ *ill-* вступает в роли префикса. Слово *proof* ‘доказательство; непроницаемый; непробиваемый, недоступный, не поддающийся (лести и т. п.); делать непроницаемым’ является уже суффиксом в следующих лексических единицах: *acid-proof* ‘кислотоупорный’; *bullet-proof* ‘не пробиваемый пулями, пуленепробиваемый’; *crashproof* ‘неломающийся’; *fireproof* ‘несгораемый; огнеупорный’; *heatproof* ‘теплостойкий, жаропрочный’; *noiseproof* ‘защищенный от шума, помех; не пропускающий шума’; *sunproof* ‘непроницаемый для солнечных лучей; не выгорающий на солнце’.

В составе слова может быть также несколько корней. Такие слова называются сложными (compound words). В тех случаях, когда оба корня в составе сложного слова являются свободными, морфемный анализ слова не представляет особых трудностей. Например, *headway* ‘продвижение, прогресс’ > *head* ‘главный, старший, передний (прил.)’ + *way* ‘путь, направление, метод, способ, отношение, аспект’; *flashlight* ‘ручной электрический фонарь’ > *flash* ‘вспышка, сверкание’, + *light* ‘свет, освещение, огонь, пламя’; *footwear* ‘обувь’ > *foot* ‘нога’ + *wear* ‘носить, одевать’; *standpoint* ‘точка зрения’ > *stand* ‘иметь определённую точку зрения; занимать определённую позицию’ + *point* ‘точка, пункт, момент, дело’ и т. п. Но бывает так, что слово состоит из двух (или более) связанных морфем, причем ни одна из них не может быть с достаточным основанием признана аффиксом. Например: *geology* ‘геология’ > от греческого *geo* ‘земля’ + *logos* ‘наука, учение, слово’, *biology* ‘биология’ > греч. *bios* ‘жизнь’ + *logos* ‘слово’, *psychology* ‘психология’ > греч. *psyche* ‘душа’ + *logos* ‘слово, понятие, учение’; *aristocrat* ‘аристократ’, *telescope* ‘телескоп’ > от др.-греч. *tele* — далеко + *skopeo* ‘смотреть’; *microscope* ‘микроскоп’ > *mikros*

‘малый’ + *skopeo* ‘смотрю’ и т. п. В этих случаях самым приемлемым решением является считать данное слово сложным [1. С. 27].

Сопоставительное описание морфемной структуры слова в башкирском и английском языках позволило сделать следующие выводы:

а) в башкирском и в английском языках определение корня как лингвистической единицы совпадает. Корень – главная значимая часть слова, в которой заключено его основное лексическое значение, общая часть однокоренных (родственных) слов. В обоих языках корневая морфема по своему звуковому составу совпадает с основой. В английском языке к этому типу относится подавляющее большинство знаменательных слов – существительных, прилагательных, глаголов, числительных;

б) в обоих сопоставляемых языках по степени морфемной и семантической самостоятельности различают свободные и связанные корни;

в) в английском языке, кроме свободных и связанных корней, выделяются полусвязанные / полусвободные морфемы.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. 156 с.
2. Зеленский, А. А. Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004. 252 с.
3. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. М., 1981. 285 с.
4. Ишбаев, К. Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие. Уфа, 2000. 247 с.
5. Ишкильдина, З. К. Сопоставительная морфемика русского и башкирского языков. Уфа, 2011. 144 с.
6. Мюллер, В. К. Новый англо-русский словарь. 6-е изд. М., 1999. 888 с.
7. Словообразование : справочник по английскому языку / А. Кейпл, Л. Хислип, М. Майер, Д. Ульямсон. М., 2003.
8. Эйто, Дж. Словарь новых слов английского языка. М., 1990.
9. Marchand, H. The Categories and Types of Present Day English word-formation. Ed. 2. Munchen, 1969. 156 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуются экспрессивные этнонимы в номинациях этнической принадлежности во французской художественной литературе. Выявлено 83 экспрессивных этнонима, характеризующих этнонимы «Африканец», «Выходец из арабских стран» и определены способы их образования. Этнофолизмы обычно образуются с помощью семантической деривации, куда входят метонимический и метафорический переносы; наблюдаются заимствованные наименования из других языков; также образуются с помощью прибавления суффиксов; наблюдаются трансформации наименований: апокопы и аферез. Именно с помощью вышеперечисленных способов образования достигается экспрессия наименований, придающая выразительность слову.

Ключевые слова: этнические группы, иммигранты, этнофолизмы, язык вражды, лексические единицы, способы образования, интолерантность, толерантность.

Население современной Франции составляет 65 миллионов человек. По разным данным от 5 до 6 миллионов из них являются иммигрантами. Официальная политика Франции по отношению к иммигрантам способствует постоянному росту количества приезжающих за лучшей долей чужестранцев. В страну каждый год въезжает 150000 легальных иммигрантов, также 150000 иммигрантов принимает французское гражданство. Количество нелегальных иммигрантов не поддается фиксации, поэтому нет точных данных. Неконтролируемые армии безработных и готовых на все ради куска хлеба иммигрантов дестабилизируют жизнь общества. В разные годы во Франции происходили волнения, которые были связаны с межнациональными отношениями. В годы экономического кризиса взаимное недовольство исконных французов и иммигрантов обостряется как никогда. Проблема иммигрантов в основном изучается социологами. Между тем лингвистическая сторона представляет интересное поле для изучения и анализа ситуации. Правила политкорректности уменьшают неосторожное использование экспрессивных этнонимов в официальной прессе, а их частое появление в социальных сетях, желтой прессе, художественной литературе угрозы для межнациональных взаимоотношений на первый взгляд не представляет. Но при этом данное явление выплескивает наружу имеющиеся социальные тенденции и должно быть тщательно изучено и проанализировано лингвистами и социолингвистами для выработки рекомендаций в государственной национальной политике и изучения внутренних скрытых особенностей межнациональных отношений. Неприязненное

и враждебное взаимоотношение выражается в речи, просачивается в язык, рождая все новые и новые прозвища этносов. На западе подобную лексику принято называть также термином этнофолизм (от др.-греч. ἔθνος – племя, род и φαῦλος – дурной, ничтожный), который обычно толкуется как «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам». Наряду с термином этнофолизм, также используются такие термины, как прозвищные этнонимы, пейоративные или экспрессивные псевдоэтнонимы, экспрессивные этнонимы, национальные прозвища, национально-расовые оскорбления или пейоративы [8. С. 175–187]. В данной статье мы будем использовать термин «экспрессивные этнонимы».

Данные проведенного исследования показывают, что наибольшее количество экспрессивных этнонимов создано к этнонимам «Араб», «Африканец», «Коренной белокожий француз». Данное обстоятельство, на наш взгляд, показывает наличие межнациональных проблем между данными этносами. В период кризиса, когда растет количество недовольных, особое раздражение вызывают чужестранцы, внешность и действия которых резко отличаются от остальных. Шумные, одетые в национальные одежды, не признающие обычаи и правила новой родины африканцы, выходцы из арабских стран становятся объектами негативных чувств, что ведет к появлению враждебно маркированных эпитетов в их адрес. Рождаясь в недрах общества, выливаясь на улицы, в желтую прессу, в социальные сети интернет-ресурсов, экспрессивные этнонимы, характеризующие их, находят свое отражение в худо-

жественной литературе. Нам представляется интересным рассмотреть наиболее частотный пласт, который отражается в художественной литературе. Материалом исследования данного явления послужили примеры из произведений П. Модиаго, Ф. Бегбедера, А. Гавальда, М. Уэльбека, которые вошли во «Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов / Dictionnaire français-russe de l'argю, de la langue populaire et familière» Т. Н. Громовой и Е. Ф. Гриневой. Методом исследования в данной работе послужил метод сплошной выборки, посредством которого из данного словаря выявлены этнофолизмы. Цель – выявить экспрессивные этнонимы, характеризующие выходцев из Африки и арабских стран, которые вошли в данный словарь, и определить лингвистические средства их образования. В нашу задачу не входит анализ этимологии выявленных экспрессивных этнонимов, нам интересно было выявить наиболее характерные способы их образования.

Первая особенность экспрессивных этнонимов состоит в том, что они выступают в качестве мощного средства категоризации. Они делят мир на «мы» и «они», становясь сильнодействующим коммуникативным инструментом.

Большинство экспрессивных этнонимов обладают экспрессивно сниженной коннотацией, достигаемой широким спектром лингвистических средств. В основном экспрессивные этнонимы относятся к таким пластам французской лексики, как жаргонизмы с различными оттенками, в частности с пренебрежительным и презрительным оттенком (здесь *жарг.*, *жарг. пренебр.*, *презр.*). Имеется большое количество лексики из разговорной речи (*разг.*), просторечия (*прост.*), вульгарной речи (*вульг.*). Некоторый пласт лексики представляет собой использование нейтрального слова во вторичном, второстепенном значении (*вторичн.*).

Нами выявлены несколько способов образования экспрессивных этнонимов, характеризующих выходцев из Африки и арабских стран.

1. Как известно, семантическая деривация – это семантическое развитие слова на основании метафорического или метонимического переноса. В основе метафорического переноса лежит сходство предметов, явлений в широком смысле этого слова. Следовательно, метафорический перенос связан с сопоставлением и сравнением явлений, а новое значение у слова является результатом ассоциативных связей.

1. Barbu (бородатый, бородач) (вторичн.) – мусульманский активист / фундаменталист [9. С. 74]. 2. Gazelle (разг.) – чернокожая / темнокожая девушка [9. С. 500]. 3. Paingrille (жарг.) – чернокожий [9. С. 717]. 4. Tête de cuir (cuir – кожевенное производство) (жарг. пренебр.) негр [9. С. 1010]. 5. Tête de verclo (жарг. пренебр.) – а) курчавая башка, б) негр [9. С. 1011]. 6. Peau de boudin (кожа кровяной колбасы) (жарг. пренебр.) – негр, (пренебр.) черный [9. С. 744]. 7. Mасаque (жарг. пренебр.) – цветной, черный [9. С. 608]. 8. Marron (каштан, имеет коричневый цвет) chaud (вторичн.) – марокканец [9. С. 630]. 9. Pied-Noir (разг.) – француз, -уженка из Алжира (когда-то он был департаментом Франции) [9. С. 775].

Метонимический перенос – это как известно, перенос наименования по смежности явлений, их взаимосвязи (пространственной, временной и т. п.). 1. Bois d'эбэне (черное дерево) (жарг.) – негр, африканец [9. С. 124]. 2. Bamboula (негритянский барабан, негритянский танец) (простор. пренебр.) – негр, -итянка, африканец, -ка [9. С. 547]. 3. Bounty (вторичн.) – негр, который хочет во всем походить на белого [9. С. 145]. 4. Cucurbitacé, -е (тыквенное растение) (жарг.) – араб, -ка [9. С. 328]. 5. Abdoul – турак, араб (разг.) восточный человек [9. С. 12]; Babouche (туфля без задника и каблука) (жарг.) – 1. Арабский, 2. Араб, -ка [9. С. 54]. 6. Vanania (простор. пренебр.) – негр, африканец [9. С. 68] (марка какао-напитка. Поскольку какао имеет коричневый цвет, то черных также стали называть Vanania). 7. Boubou (бубу – одежда африканцев) (жарг.) – 1. Негр, презр. черный. [9. С. 135]. 8. Gobi (жарг. пренебр.) – негр [9. С. 512]. 9. Melon (дыня) (простор. пренебр.) – араб [9. С. 640]. 10. Bled (край, район, область (в Северной Африке)) (жарг. пренебр.) – араб [9. С. 117]. 11. Cochon d' inde (индиго (краситель, краска) (жарг.) – метис, -ка. 12. Stéри (курчавый, вьющийся) (простор.) – араб [9. С. 319]. 13. Safard (ханжа, святоша, лицемер, -ка) (пренебр.) презр. – черномазый [9. С. 175]. 14. Bâton de réglisse (лакричная палочка) / dezan (гопалочка шута) (жарг.) – негр, африканец [9. С. 81]. 15. Venne basculante (опрокидывающийся кузов) (разг. пренебр.) – а) араб, б) еврей [9. С. 91]. 16. Islam (от islamiste) (жарг.) – мусульманин [9. С. 557].

2. Заимствование – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема); также сам

такой иноязычный элемент. Заимствования можно разделить на две группы:

1) заимствованные английские слова: 1. Black (Blackos) (разг.) – черный [9. С. 113]; 2. Scratch – 2) (жарг.) негр, араб с короткими курчавыми волосами [9. С. 938]; 3. Niggas (Niggaz) (жарг.) – негры (от ниггер – заимствованное из США оскорбительное наименование чернокожего) [9. С. 691];

2) заимствованные арабские слова: 1. Khalouch(e) (Kachlouch) (жарг.) – 1) Негр, -итянка (см. thiaga); 2. Kholot(o) (Khorot) (вторичн.) – 1) араб (из Магриба); 3. Khel (вторичн.) – негр; 4. Khali (жарг.) (также khaled, khalo) – 1) араб; 5. Khel (жарг.) – негр [9. С. 575]; 6. Mouk(h)ère (Mouquère) (простор.) – 1) смуглая женщина; арабка; негритянка [9. С. 671]; 7. Abdel (жарг.) – араб [9. С. 12].

3. Аффиксация. При аффиксальном способе словообразования производное слово образуется присоединением словообразовательных аффиксов (суффиксов, префиксов и т. д.) к основе.

Суффиксы субъективной оценки могут присоединяться к одушевленным именам существительным, например, суффикс -ard с уничижительным оттенком. 1. Blédard, -e (Blédien) (разг.) – араб, -ка (живущий в Северной Африке или недавно приехавший во Францию из своей деревни [9. С. 117]; 2. Broussard, -e (brousse – пространство, поросшее густым кустарником) (разг.) – житель, -ница далеких от цивилизации мест (о французских колонистах в Африке) [9. С. 575]. При помощи суффикса -on: 3. Fumeron (жарг.) – метис [9. С. 486].

Отадъективные прилагательные образуются при помощи суффиксов -aud (noir – noiraud): 4. Noiraud (жарг.) – 1) презр. черномазый; 5. Noircicaud (Noircico(t), -e – 1) (простор.) презр. черномазый, -ая; 6. Noirpiau(d) (Noirpiau) (простор.) – 1) чернявый, -ая; 7. Noiraud (разг.) – чернявый, -ая [9. С. 694]; -euse: 8. Neigreuse (жарг.) – негритянка [9. С. 685].

Существительные, образованные на базе адъективных основ, создаются при помощи суффиксов -esse: 9. Blackesse (разг.) – негритянка [9. С. 113]; -ette: 10. Blaquette (разг.) – молодая негритянка: «Alors la blaquette s'est foutue de ta gueule?» [9. С. 116]; 11. Noirlquette (жарг.) – негритянка; женщина / девушка (с Антильских островов) [9. С. 694]; 12. Blanchette (жарг.) – негр [3. С. 115]. 13. Beur, -ette (жарг.) Beuron, Robeu (от arabe) (разг.) – араб, -ка (ро-

дившийся во Франции), сын или дочь афроэмигрантов (из Магриба) [9. С. 95].

Суффиксы -o, -ot, -os, -oshe, -toque, -aille также являются уничижительными. Например, -ot: 14. Bicot (Bic, Bique) (разг. пренебр.) – араб [9. С. 98]; -o: 15. Maroc(c)o (Marocoss) (жарг.) – 1) марокканец [9. С. 629]; -os: 16. Algéros(s) (от Algérien) (жарг.) – алжирец [9. С. 25].

Суффиксальное образование прилагательных. Отыменные прилагательные создаются суффиксами -if, -é, -ive, например: 17. Noircif (жарг.) – негр [9. С. 694]; 18. Panaché, -e (переводится как «смешанный») (жарг.) – метис, -ка [9. С. 720]; 19. Fumé (переводится как «копченый; закопченный, дымчатый») (жарг. пренебр.) – негр [9. С. 485]; 20. Basané, -e (переводится как «смуглый, загорелый, обветренный») (fam.) – араб, -ка, арабский [9. С. 77]; 21. Frisé (вьющийся, курчавый, завитой) – 2) (жарг.) араб [9. С. 482]; 22. Mélangé, -e (жарг.) (смешанный) – метис, -ка [9. С. 639].

4. Верлан. «Верлан», или «Язык наоборот» – это современный язык молодежи Франции, употребляемый молодыми людьми в возрасте от 13 до 30 лет. Самоназвание происходит от французского наречия à l'envers (наоборот). «Верлан» создан на базе слов литературного языка, согласные звуки которых идут в обратном порядке, а гласные меняются на -eu. В этом условном языке слоги в словах переставляются таким образом, чтобы первый слог занял место последнего. Первоначально верлан использовался как секретный язык молодежью и преступниками, чтобы посылать сообщения тайно. Постепенно он вышел за грани тайного языка и стал общеизвестной языковой игрой (см.: <http://www.vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/3/2010/1/st44.pdf>).

Таким образом, многие слова «верлана» используются так широко, что полностью вошли в повседневный словарный запас. Сегодня «Верлан» – часть повседневного языка, и поэтому он находится в постоянной эволюции. Например: 1. Arbi (Abrico(t)) – (простор. пренебр.) – 1) араб (см. beur) (от arabe) [9. С. 37]; 2. Beur, -ette (arg.) Beuron, Robeu) (от arabe) (разг.) – 1) араб, -ка (родившийся во Франции, сын (дочь афроэмигрантов (из Магриба) [9. С. 95]; 3. Cainf(ri) (от africain) (жарг.) – 1) африканец [9. С. 179]; 4. Greune (Greuné) (от nègre) (жарг.) – негр, -итянка [9. С. 527]; 5. Keubla (от black) (жарг.) – 1. (adj.) 1) черный, 2) черный, негритянский, 2) негр, негритянка [9. С. 527]; 6. Larbi (от alarabi) (жарг.) – араб [9. С. 586];

7. Zebda (от arabe) (жарг.) – араб, -ка [9. С. 586]; 8. Zébron (жарг.) (от bronzé) – араб; негр; Zed (жарг.) – заирец [9. С. 1102]; 9. Rebeu (от beur < arabe) (жарг.) – араб [9. С. 894]; 10. Galsen (от Sénégal) (жарг.) – сенегалец [9. С. 492].

5. Словостяжение. Словослияние (или словостяжение), т. е. возникновение нового выражения или формы путем объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных. Например: 1. Arbouche (arabe + bouche, арабский рот) (жарг.) – араб [9. С. 37]; 2. Arlbouche (arabe + bouche, арабский рот) (жарг.) – араб [9. С. 38]; 3. Beurgeois (arabe > reubeu > beur + bourgeois, араб-буржуй) (жарг.) – преуспевший в жизни француз арабского происхождения [9. С. 95]; 4. Beurgeoisie (beur + bourgeoisie, арабы-буржуи) (разг.) – преуспевшие в жизни французы арабского происхождения [9. С. 95]; 5. Néropolitain (négro + politain) – антилец, родившийся в метрополии (в столице); 6. Nèg`zagonal (négro+) (жарг.) – антилец, живущий в метрополии [9. С. 685]. 7. Sénégalboulle (от Sénégal + bouille – морда, сенегальская морда) (жарг.) – 1) сенегалец [9. С. 945]; 8. Chinoir (chinois + noir, можно перевести как негро-китаец) (жарг.) – негр, имеющий связь с азиаткой [9. С. 234].

6. Усечение. Апокопа (усечение конца слова) – 1. Падение конечного звука или звуков слова вследствие акцентно-фонетических процессов, приводящее к сокращению слова. 2. Образование новых слов путем сокращения. Основная особенность рассматриваемого явления заключается в том, что усечению вообще подвергается лишь определенная лексико-грамматическая группа слов, чаще всего имена существительные. Все исследователи современного французского языка, занимавшиеся и занимающиеся вопросом усечения, подчеркивают, что процесс весьма характерен для современного французского языка, особенно в последние годы. Некоторые из образованных таким путем слов относятся к сфере общеразговорного языка и употребляются без какой бы то ни было стилистической окраски. [4. С. 4]. Например: 1. Séné n (от Sénégalais) (жарг.) – сенегалец, -ка [9. С. 944]; 2. Stien m (от Tunisien) (жарг.) – тунисец [9. С. 974]; 3. Sénef (жарг.) – сенегалец [9. С. 945].

Аффера – усечение начала слова, например: 1. Rien (от Algérien) (жарг.) – алжирец [9. С. 898]; 2. Rocain, -e (от Marocain) (жарг.) – марокканец, -ка [9. С. 903]; 3. Camaro (от marocain) (жарг.) – марокканец, -ка [9. С. 483];

4. Kistra (от pakistanais) (жарг.) – пакистанец, -ка [9. С. 578].

Экспрессивные этнонимы обычно образуются: с помощью семантической деривации, куда входят метонимический и метафорический переносы; с помощью прибавления суффиксов; трансформации наименований – апокопы и афферез. Также наблюдаются заимствованные наименования из других языков; наименования могут образоваться из аббревиатур. Кроме того, нередки случаи образования наименований в верлане, т. е. в «таком условном языке», где последний слог слова ставится на первое место. Именно с помощью вышеперечисленных способов образования достигается экспрессия наименований, придающая выразительность слову.

В ходе исследования было выявлено метафорических переносов – 9, метонимических переносов – 15, заимствований – 12 (из них английских слов – 3, арабских слов – 9), аффиксаций – 22, верлан – 10, словослияний – 8, из усечений: апокопа – 3, афферез – 4. Общее количество – 83. Таким образом, аффиксация является одним из распространенных способов образования экспрессивных этнонимов, выражающих этнонимы «Африканец», «Выходец из арабских стран». Из 174 выявленных экспрессивных этнонимов 83 относятся к данным этнонимам, объясняется это обстоятельство длительностью взаимоотношений, внедрения носителей данных этнонимов. При этом язык вражды постоянно развивается и пополняется новыми номинациями. Это связано с тем, что язык очень чувствителен к любым внешним воздействиям и изменение социальных настроений порождает новые лексические единицы. Образование таких единиц ситуативно и зависит от ряда лингвистических факторов, многие из них остаются лишь окказионализмами, т. е. случайными, и не получают широкого распространения, в то время как другие начинают не только широко употребляться, но и по их модели образуются новые экспрессивные этнонимы. Знание экспрессивных этнонимов, их частотности, природы, особенностей образования может стать хорошим материалом для изучения внутренних, скрытых особенностей межнациональных отношений.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М., 2010. 88 с.

2. Апанасенко, Э. Г. Россия – Восток – Запад в зеркале русских этнонимов : дис. ... канд. филол. н. Владивосток, 2009. 257 с.
3. Белояр, А. «Язык вражды», или Защитная реакция? [Электронный ресурс]. URL: http://www.xromo.com/ruskolan/liter/yazik_vr.htm.
4. Бовкун, А. Ф. Апокопа как один из способов образования экономических терминов (на материале французского языка) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10729-411-0842> Scientific World.
5. Булатова, Н. Д. Этнолингвистика : учеб. пособие. М., 2009. 165 с.
6. Гладилин, А. В. Язык вражды как коммуникация [Электронный ресурс] // Электрон. науч. журн. 2012. № 11. URL: www.sisp.nkras.ru.
7. Гольцова, Н. Г. Многозначность слова // Лекант, П. А. Современный русский литературный язык : учебник / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков и др.; под ред. П. Леканта. М., 1988. С. 11–13.
8. Грищенко, А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллект. моногр. / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.
9. Громова, Т. Н. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов. Dictionnaire français-russe de l' argo, de la langue populaire et familière / Т. Н. Громова, Е. Ф. Гринева. М., 2012. 1168 с.
10. Исаев, М. И. Словарь лингвистических понятий и терминов. М., 2003. 200 с.
11. Коробкова, О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолнгвистический аспект // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.
12. Кошкарлова, А. Материалы по «языку вражды» [Электронный ресурс] // Молодая Европа. Информационно-аналитический центр «СОБА». URL: www.sova-center.ru.

ИНВАРИАНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА СОНЕТА

На материале 33 полных циклов переводов сонетов У. Шекспира и их оригиналов рассматриваются универсальные параметры формообразования, свойственные всем текстам вне зависимости от авторства. Предложены несколько способов реконструирования по выборкам инвариантной формулы для каждого отдельного цикла согласно методике позиционного анализа текста.

Ключевые слова: *текст, форма текста, структура текста, позиционный анализ, инвариант, креативный аттрактор, сонет, У. Шекспир.*

Наука на современном этапе развития предъявляет к исследователям новые требования, поскольку изучение объектов и явлений действительности традиционными методами и подходами без достаточного количества фактов и статистических данных уже не в состоянии объяснить глубокие внутренние процессы и их причины, наблюдаемые в самых различных системах, к числу которых относятся и язык. На протяжении долгого времени лингвисты занимались изучением вопросов, связанных с фонетическим, морфемным, лексическим, синтаксическим уровнями языков различных языковых семей и групп. Однако современному языкознанию остро не хватает универсальных теорий, что требует формализации метаязыка описания наблюдаемых явлений, применимых к любому языку мира.

Прогресс приводит к смене научной парадигмы, причём не только в точных науках, но и в гуманитарных. Происходит сближение естественнонаучного и гуманитарного знания, все шире применяются общенаучные понятия, модели, теоретические представления [7]. Так, в языкознании в последние десятилетия активно развивается лингвосинергетика. Данное направление изучает язык как саморазвивающуюся открытую систему [10]. Лингвосинергетический подход к языку активно разрабатывается в работах Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкиной, Л. В. Кушниной, В. А. Пищальниковой, И. А. Герман, А. Ю. Корбут и других ученых. Синергетический подход отличается от описательного и структурного большей фундаментальностью и возможностью изучать механизмы и законы, скрытые от непосредственного наблюдения. Синергетика позволяет выбрать параметры универсальные, существенные для анализа и описания объекта, пренебрегая второстепенными [5]. Крайне важно для науки также найти общие закономерности и параметры в

формировании и функционировании самых различных систем, у которых на первый, поверхностный, взгляд не может быть ничего общего.

Мы исходим из того, что текст рассматривается как объект, обладающий свойством целостности и развивающийся по естественным природным законам. Для его изучения необходимо выйти «за пределы каждого отдельного текста» и выявить те его параметры, которые свойственны «каждому и любому тексту вне зависимости от авторства и способа его осуществления» [5]. Авторская методика позиционного анализа текста, разработанная Г. Г. Москальчук на основе теории сильных позиций и свойств золотого сечения, позволяет эксплицировать в визуальных моделях и объяснять процессы, латентно протекающие в структуре текста. С помощью данного подхода к изучению текста мы можем выйти на высокий уровень абстракции и изучать не бесконечное количество отдельных текстов, а универсальные процессы, которые их формируют и могут наблюдаться в любом тексте. Подача информации в тексте организована с учетом эффективности его воздействия на реципиента, причем способ подобной эффективной организации отработан множеством поколений носителей языка [5].

Согласно методике позиционного анализа, тексты изучаются по позиционным срезам и интервалам между срезами: абсолютные начало и конец текста (первая и последняя словоформы текста), гармонический центр (ГЦ, пропорция 0,618 от объёма целого), гармонический центр зоны начала (ГЦн, пропорция 0,236 от целого), абсолютно слабые позиции текста между тремя композиционными зонами и зачин текста (0,146 от абсолютного начала текста). Основой моделирования структурной организации текста служит предложение, его размер и характер размещения относительно срезов [6]. В указанной

работе приведены 243 варианта развертывания структуры текста, теоретически возможных при заданных параметрах моделирования (2 постоянные позиции: абсолютные начало и конец текста и 5 переменных).

В данной работе мы рассматриваем тенденции развертывания структуры текста на обширном материале из 5500 текстов, в которые входит полный корпус из 154 сонетов У. Шекспира в оригинале, в подстрочном и компьютерном переводе, а также в переводах цикла на русский язык 30 авторов 19 – начала 21 вв. Переводы представлены как в печатных изданиях, так и на многочисленных сайтах в Интернете. На сайте stihi.ru представлено около десятка полных циклов переводов сонетов.

Печатным текстам сонетов У. Шекспира присуще свойство вариативности, связанное с тем, что рукописи не сохранились, а в изданиях сонетов, первое из которых вышло в 1609 году, различаются пунктуационные знаки и отдельные словоформы. В связи с этим мы считаем уместным называть тексты У. Шекспира «условным оригиналом». Ранее мы упоминали, что тексты переводов трудно сопоставить с оригиналом, потому что переводчики, как правило, не дают ссылок на издание, из которого взяты тексты [3].

В статье используются условные обозначения и процедуры анализа текстов, описанные в работах Г. Г. Москальчук [1. С. 14–76; 6]. Применяются формализованные обозначения позиционных интервалов текста как промежутков между позициями гармонических центров зоны начала текста (ГЦн) и всего текста (ГЦ): зачин (0,146) – пред-ГЦн (0,09) – пост-ГЦн (0,146) – пред-ГЦ (0,236) – пост-ГЦ (0,236) – конец (0,146). Каждый интервал обладает собственной протяженностью, пропорциональной от размеров целого текста, указанной в скобках. Перечень форм текста и их наполнение см.: [3. С. 281–289]. **Позиционный анализ оригиналов и переводов** проведен с помощью специальной компьютерной программы, разработанной по алгоритмам и результатам Г. Г. Москальчук.

Целью статьи является выявить универсальные процессы формообразования, свойственные как всем циклам, восходящим к одному прототипу, так и отдельно взятым циклам. Исходя из позиционного подхода к изучению текста, внутреннее порционирование текста (термин предложен Н. В. Черемисиной) зависит от ряда внешних и наблюдаемых параме-

тров: количество слов и предложений в тексте, а также расстановка конечных знаков препинания, определяющая границы предложений. Данные факторы формообразования, в свою очередь, зависят от коммуникативных и эстетических намерений автора, его переводческих принципов и установок, следовательно, могут считаться субъективным вмешательством переводчика в текст перевода.

Для того чтобы сопоставить большое количество текстов по одинаковым параметрам, мы по имеющимся данным выводим инвариант формы по циклу каждого автора. Инвариант формы как модель, относительно которой варьируются все другие формы данной выборки текстов, мы конструировали различными способами, каждый из которых достаточно информативен и показателен, однако результаты подобного моделирования могут демонстрировать различные уровни абстракции полученных моделей. Рассмотрим процедуры получения моделей разными способами.

Первый способ: в сводной таблице данных по всему рассматриваемому корпусу текстов отмечается зона креативного аттрактора (далее – КА). КА – это «компонент структурной организации текста, кульминант творческой активности субъекта», характеризующийся нестабильностью объема и положения в тексте [1. С. 50]. **На обширном материале было доказано**, что по сравнению с остальной частью текста КА более насыщен экспрессивными структурами и является реальностью русского и английского текста [2. С. 12]. В табл. 1 цифрой 1 выделен аттрактор первой степени (интервал в тексте с наибольшей плотностью циклов), 2 – второй. Далее подсчитывается плотность представленности аттракторов 1 и 2-й степени в каждом из позиционных интервалов, иными словами, в каком количестве текстов каждый из двух аттракторов приходится на каждую из композиционных зон: зачин, предГЦн, постГЦн, предГЦ, постГЦ, конец. Результат сводится в таблицу (в примере представлен компьютерный перевод).

Таблица 1
Количество текстов с размещением КА по зонам

Степень аттрактора	Зачин	пред-ГЦн	пост-ГЦн	пред-ГЦ	пост-ГЦ	Конец
1	4	50	48	64	23	12
2	3	5	81	47	31	13

Так, из полученных данных (см. табл. 1) следует, что в 64 текстах компьютерного перевода аттрактор первой степени приходится на зону пред-ГЦ, в то время как аттрактор второй степени – на зону пост-ГЦн (в 81 тексте). Этот достаточно абстрактный показатель демонстрирует зоны, к которым стремится КА в большинстве текстов: в данном случае КА расположен в благоприятных для восприятия зонах текста, и он продлён на две зоны.

Второй способ. В табл. 2 внесены показатели плотности циклов по каждой форме, выявленной в тексте автора. Строки с одной и той же формулой повторяются соответственно количеству употреблений в цикле того или иного автора. Так, в представленном ниже фрагменте формулы в левом столбце встречаются в цикле по одному разу. Далее с помощью функции «автосумма» мы можем получить сумму циклов в каждой из композиционных зон по всей рассматриваемой выборке, а после этого составить баланс полученной формы (наибольшая сумма плотности циклов даёт значение 1, следующая по величине – 2 и т. д.). Мы получаем инвариант выборки, который может не совпадать с конкретной формулой, поскольку будет являться конструктом более высокого уровня абстракции, отражающим мелкие флуктуации формы относительно теоретической модели. Так, в приведенном примере сумма циклов даёт баланс формы 531246, что не имеет соответствий в конкретных теоретических моделях. Подобный баланс формы возникает в инвариантных моделях 7 авторов (что в целом составляет 1078 текстов): А. М. Финкеля, С. Я. Маршака, Ф. Я. Дымова, В. А. Савина, Кадетова, В. В. Козаровецкого и В. Б. Микушевича.

Таблица 2

Вычисление суммы циклов (фрагмент)

Формула	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
/12110/	4	4	6	4	2	2
/12122/	3	4	4	4	5	3
/22111/	4	8	12	9	6	4
/20011/	3	6	6	6	4	2
/12111/	5	5	8	6	4	2
/11222/	3	5	7	6	5	4
/11121/	5	5	5	5	4	2
/21011/	4	8	6	6	4	2
Сумма	538	956	1084	979	762	503
Баланс	5	3	1	2	4	6

При вычислении формулы текста данным способом весьма частотен баланс 531246, 521346 и 421123. Однако форм с подобным балансом не отмечено. Вероятно, здесь мы наблюдаем синергетический эффект, творящий форму, который еще подлежит дальнейшему изучению. Примечательно, что самая высокая плотность циклов даже в этих балансах формы (/12/, /21/, /2112/) приходится на зоны пред-ГЦн, пост-ГЦн, пред-ГЦ, т. е. здесь мы наблюдаем возрастание интенсивности процессов формообразования в указанных зонах текста и её снижение к концу текста.

Для проверки достоверности результата при вычислении инварианта мы используем *третий способ* – реконструкцию внутритекстового пространства по характеру границ позиционных срезов в данной выборке: по формулам текстов, представленных в выборке, подсчитываем суммарное количество пологих, крутых и симметричных границ для каждого из позиционных срезов. Полученные данные представлены в табл. 3, где цифрами 0, 1 и 2 по горизонтали обозначен тип границы позиционного среза (симметричная, пологая и крутая), а цифрами от 1 до 5 – порядковые номера границ:

Таблица 3

Характер границ

Срез	Крутая (2)	Пологая (1)	Симметричная (0)
1	51	74	21
2	23	120	3
3	49	79	18
4	69	70	7
5	74	64	8

Из данных, представленных в таблице, можно вывести формулу рассмотренной выборки: /111½2/, где ½ означает, что количество текстов с пологой и крутой границей среза примерно одинаковое, то есть процесс размывается, стабилизируется, не имеет ярко выраженной тенденции к росту и / или падению интенсивности процесса формообразования текста. Данный способ позволяет точнее определить инвариантную форму текста, поскольку полученный результат наглядно демонстрирует характер границ формы, по которой можно более детально характеризовать сам текст и характер процесса гармонизации внутренне противоречивых тенденций формообразования, проявляющейся в росте интенсивности процесса фор-

мообразования (границы типа «2»), снижении интенсивности (границы типа «1») либо сохранении имеющегося положения дел (границы типа «0»).

Все полученные данные по инвариантам отдельных выборок изученного корпуса текстов представлены в табл. 4.

Зачастую происходит так, что разные способы вычисления инварианта дают разные формулы инварианта структуры текста, как это получилось в случае с переводами А. Фрейдлеса, А. Петровой, подстрочником и другими выборками. Мы полагаем, что при

первом и втором способах вычисления инварианта выше вероятность статистической погрешности, так как мы выводим инвариант с двумя аттракторами (первой и второй степени, всего две зоны), в то время как в исследуемых текстах зона КА может быть продлена на 3–6 зон. Так, например, в переводах Ф. Я. Дымова в 45 текстах (что составляет почти 30 % от 154 сонетов всего цикла) зона КА продлена на 4–6 композиционных зон.

Во втором столбце сводной табл. 4 очевидна общая для всех циклов тенденция: креативный аттрактор локализуется в двух из трех

Таблица 4

Результаты выявления инвариантных процессов в циклах сонетов, полученные разными способами

Автор	Зона КА	Баланс / формула / ГУ по автосумме	Формула и ГУ по границам срезов
оригинал	постГЦн-предГЦ	642135 /22211 /-1/	2½22½
подстрочник	предГЦн-постГЦ	642135 /22211 /-1/	/22221/ /-2/
комп	постГЦн-предГЦ	642135 /22211 /-1/	22211 /-1/
Маршак	постГЦн-предГЦ	531246 /+1/	21111 /+2/
Финкель	предГЦн-постГЦн	531246 /+1/	21111 /+2/
Сагаловский	предГЦн-постГЦн	531245 /22111 /0/	2½111 /0/ /+2/
Лифшиц	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Гаврилов	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Архангельский	постГЦн-предГЦ	532146 /+1/	11111 /+5/
Самойлов	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Чупис	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Фрейдлес	предГЦн-постГЦн	512346 /21112 /+1/	21111 /+2/
Каплуненко	постГЦн-предГЦ	642135 /22211 /-1/	22111 /0/
Дымов	постГЦн-предГЦ	531246 /+1/	11111 /+5/
Евлаш	постГЦн-предГЦ	421135 /+1/	111½2 /+1/
Юдовский	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Савин	предГЦн-предГЦ	531246 /+1/	11111 /+5/
Кадетов	предГЦн-постГЦн	531246 /+1/	21111 /+2/
Великжанин	постГЦн-предГЦ	642135 /22211 /-1/	22½11 /-1/ /0/
Петрова	предГЦн-постГЦн	512346 /21112 /+1/	21111 /+2/
Козаровецкий	предГЦн-постГЦн	531246 /+1/	21111 /+2/
Каншин	постГЦн-предГЦ	631245 /-1/	2½11½
Тарзаева	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Фрадкин	постГЦн-постГЦ	641235 /-1/	221½2 /-1/ /-2/
Тяптин	предГЦн-предГЦ	631245 /-1/	22111 /0/
Шаракшанэ	постГЦн-предГЦ	521346 /+1/	2212½ /-2/ /-1/
Гербель	постГЦн-предГЦ	521346 /+1/	22212 /-2/
Микушевич	постГЦн-предГЦ	531246 /+1/	2111½ /+½/
Бадыгов	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Трухтанов	постГЦн-предГЦ	631245 /-1/	22112 /-1/
Кузнецов	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/
Степанов	предГЦн-постГЦн	521346 /+1/	21111 /+2/

композиционных зон от пред-ГЦн до пред-ГЦ. Примечательно, что КА инварианта оригинала также тяготеет к локализации в самых благоприятных для восприятия зонах: пост-ГЦн и пред-ГЦ. Данный факт, несмотря на довольно общий характер в силу высокой вероятности погрешности, ещё раз подтверждает наличие неких универсальных вариантов развертывания структуры текста во времени и пространстве, которые автор не осознаёт, но, тем не менее, следует им как носитель естественного языка, в котором латентно / неосознаваемо существуют некоторые культурно отработанные «стандарты» упаковки информации в форму текста [5].

Подобное же размещение КА мы наблюдаем и при построении инварианта каждого цикла вторым способом, т. е. при анализе инвариантного баланса формы. Даже частотные балансы 531246, 521346 и 421123, не имеющие соответствующих им моделей, фиксируют, что КА во всех циклах, кроме цикла Т. Евлаш, продлён на две композиционные зоны и также от пред-ГЦн до пред-ГЦ.

Следует отметить, что баланс формы имеет одинаковую направленность, восходящую или нисходящую, практически во всех инвариантах циклов, полученных двумя последними способами. Данный факт говорит о том, что методика вычисления инварианта даёт надежный результат, а также ещё раз свидетельствует о повторяющейся модельности, об универсальности происходящих процессов в текстах каждого отдельно взятого автора.

Можно свести полученные данные по инвариантам разных циклов в одну метамодель текста сонета. Итак, в мета-инварианте всего исследованного нами корпуса текстов КА продлен в среднем на 3 композиционные зоны (пред-ГЦн, пост-ГЦн и пред-ГЦ), баланс 531246. Мета-инвариантная формула /21111/ имеет плотность циклов 5 – 10 – 8 – 6 – 4 – 2. Мы видим нисходящую модель развертывания структуры текста с компактным и эффективно локализованным КА. Здесь наблюдается затухание к концу текста процессов интенсивности развития его структуры.

Организация текстового пространства имеет параметры и характеристики, свойственные большинству текстов, независимо от принадлежности тому или иному автору. Подтверждается, что при создании текста автор неосознанно следует универсальному сценарию развертывания структуры текста, кото-

рый позволяет максимально точно и компактно (в 2–3 зонах) размещать значимую информацию в благоприятной для восприятия зоне текста. Как правило, это зоны, примыкающие к ГЦн и ГЦ. Данная тенденция прослеживается не только в отдельно взятых текстах разных авторов, но и на протяжении целого корпуса текстов, восходящих к одному прототипу. Каждый изученный нами корпус был создан на основе оригинала разными авторами, в разную эпоху, под влиянием разных переводческих стратегий. Все авторы неосознанно следуют какой-то одной модели развертывания структуры текста. Не вполне осознавая значение просодических элементов для формообразования, каждый автор-переводчик как носитель естественного языка, тем не менее, использует свою модель внутреннего порционирования текста, т. е. способ его деления на строфы и предложения. Данные факторы являются проявлением творческих намерений автора и обусловлены теми установками, которые избирают для себя переводчики. Большинство из них предпочитают следовать образной структуре оригинала, пренебрегая важными просодическими элементами (конечные знаки препинания, тип предложения по эмоциональному высказыванию, обращения, междометия и др.), которые, на наш взгляд, не менее информативны, чем лексико-семантические компоненты, и должны по мере возможности сохраняться в переводе. Вопрос необходимости сохранения просодических элементов оригинала в переводе и влияния флуктуаций границ предложения на формообразование уже рассматривался нами [3; 4; 8; 9]. Считаем, что перспективным представляется изучение влияния флуктуаций границ предложений и изменения количества слов в тексте на форму как отдельно взятых текстов, так и на параметры инвариантов целых циклов.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис : монография. / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. М., 2013. 217 с.
2. Болдырева, Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
3. Бузаева, Я. А. Вариативность формы текста в процессе перевода // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия

языков и культур : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 35–39.

4. Бузаева, Я. А. Лингвистические параметры сонетов У. Шекспира в сравнении с их русскими переводами // Аспирант, или Молодое поколение ученых о... : науч.-практ. альм. аспирант. сообщества / ред. кол.: А. Г. Иванова (предс.) [и др.] ; С. В. Любичанковский (отв. секр.). Вып. VIII. Оренбург, 2013. С. 76–81.

5. Манаков, Н. А. Текст как информационный пакет / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 9. С. 77–80.

6. Москальчук, Г. Г. Общенаучные понятия в исследованиях текста // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24. С. 92–94.

7. Москальчук, Г. Г. Позиционная точность замка сонета // Вопросы современной фило-

логии в контексте взаимодействия языков и культур : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 188–193.

8. Москальчук, Г. Г. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия / Г. Г. Москальчук, Я. А. Бузаева // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 3(24). С. 199–207.

9. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2010. 296 с.

10. Пиотровский, Р. Г. Доказательно-экспериментальная парадигма современного языкознания // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 85-летию Р. Г. Пиотровского : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (9–11 окт. 2007 г.). Тольятти, 2007. С. 5–12.

МОТИВ ВОЛШЕБНОГО РОЖДЕНИЯ БАТЫРОВ В ЭПОСАХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Исследуя эпическое наследие народов мира, можно обнаружить немало единообразных событий, ситуаций и мотивов происходящего. Рассматривается один из таких общих моментов героических эпосов тюркских народов – мотив необычного, сказочно волшебного рождения героя.

Ключевые слова: фольклор тюркских народов, эпическое наследие, эпос, мотив, герой, рождение героя, батыр (богатырь).

При исследовании эпосов разных народов можно обнаружить немало одинаковых событий, ситуаций и мотивов происходящего. Это единообразие вызвано, по-видимому, взаимопроникновением друг в друга сюжетных основ описываемых событий и картин действительности, бытованием у родственных народов общих черт жизнедеятельности и мышления, существованием однотипных жанровых многообразий общих для них фольклорных произведений и т. д. В данном случае мы хотим обратить внимание на один из таких общих моментов фольклорных произведений – на мотив необычного, сказочно волшебного рождения героя – батыра – в героических эпосах.

Мысль о высокой предназначенности батыра отмечается сразу же в самом начале многих эпосов через волшебное появление его в этом мире – в эпизоде его рождения.

В широко известном эпосе киргизского народа «Манас» есть отдельный раздел под названием «Рождение Манаса», описывающий его появление на свет. В самом начале этого раздела в обычной повествовательной форме излагаются печальные размышления богатого, завоевавшего в народе уважение и признание, но уже достигшего преклонного возраста мужчины по имени Джакып об отсутствии сына – продолжателя рода:

Все, что нажил своим трудом,
Кому в наследство я отдам,
Когда умру, весь этот хлам?
А что твои богатства, власть,
Коль нет потомства за тобой,
Чтоб жизнью насладиться властью!
К чему родился? Жил зачем,
Не смог я если на земле,
Оставить жить родную кровь? [1].

В один из подобных моментов размышлений Джакып видит удивительный сон. Будто однажды он поймал на охоте сказочную птицу – кречета по имени Буудайик и, запутав ему

ноги и крылья, положил на землю возле себя. Тут неожиданно множество небесных птиц слетается и начинает отдавать поклоны этому кречету:

Когда кречет бросал свой призыв,
Его голос был звонче, чем у других птиц.
Блеск его головы и хвоста
Затемнял белоснежное оперение лебедя.
Когда взгляд его сверкал угрожающе –
Он был страшен, как птица Алп Каракуш.
Отсвет его перьев на ногах
Соперничал с чистым золотом.
Крепость его когтей
Могла поспорить со сталью булата.
Его стремительный полет оставлял за собой
горы трупов.

Его клюв пробивал как клюв ястреба.

Его когти раздирали добычу, как острый клинок [6].

В этом сне можно уловить намек на рождение в будущем сына Джакыпа – батыра Манаса, заставившего покориться себе многих людей. Аксакалы предсказывают ему подобное будущее: «У тебя родится сын, Джакып. И будет он батыром непомерной силы. Подчинит он себе все земли, что освещает луна, и станет владыкой всех стран, что озаряются солнцем» [6].

Жена Джакыпа, наравне с мужем стойко переживавшая свое безродие, байбисэ Чийырды в ту же ночь видела необычный сон. Ей снилось, что некий безбородый старец протянул ей крупное яблоко. «Съела его Чийырды и так располнела, что не могла ни стоять, ни сидеть. И родила она большое живое существо. Не успело страшное чудовище выйти на свет белый, как раскрыло оно свою грозную пасть и проглотило сразу весь мир» [6]. В этом эпизоде, как видим, предугадывается будущее рождение сына Джакыпа и его становление владыкой мира. В действительности байбисэ вскоре забеременела. В пору беременности ей очень захотелось отведать тигриного сердца,

она успокоилась только после того, как попробовала. Это тоже намекало на то, что Манас будет бесстрашным, отважным человеком. Так и случается. Вот как изображается батыр в произведении: «Широк его лоб, видно мудрость заложена в нем, узка макушка головы, сразу видно, что будет младенец батыром. Горбат нос, подобно носу кочкора, нахмурены брови, и пристален взгляд. Красноречивым кажется рот, широки скулы и губы толсты. Вперед выдается подбородок, глубоко в орбиты запали глаза. Ладони широкие, руки открытые, если выедет верхом, то путь ему всегда открыт. Спина сильна и крепка, ровен характер, приятен нрав, но гнев его всемогущ, а ярость – безмерна. Мощью своей он подобен слону. Тигриная шея, крепкие мышцы, широкие плечи, сердцескала, змеиные веки, глаза, как звезды, волчьих уши, словом, во всем подобен он тигру» [6].

В эпосе подробно описывается и процесс рождения Манаса. Он рождается в течение девяти дней и девяти ночей, при рождении у него в руке был зажат кровавой комочек. Если вспомнить о том, что при рождении Чингисхан, стремящийся покорить весь мир, также держал комок крови в руке, это положение Манаса намекало на что-то похожее.

Будущий преданный спутник Манаса – его конь также предопределяется заранее и рождается в один и тот же день с хозяином:

Что за кони пасутся там?
У кобылы будет приплод.
Жеребенка мне принесет, –
Жеребенка сыну отдам.
Если сбудется наяву
Откровение чудного сна,
Если сына родит мне жена,
Джоргобоза я назову
«Покровителем лошадей!» [1].

В героическом эпосе алтайского народа «Маадай-Кара» рождение алыпа (батыря), прозванного Когюдей Мэргэн, изображается таким образом:

Маадай-Кара, войдя в аил,
Сел на кошму у очага,
Жену печальную спросил:
«Ээй, ээй, Алтын-Тарга,
На теле мальчика примет
Каких-нибудь случайно нет?»
Ему ответила жена:
«Приметы есть, и не одна:
Между лопатками как раз,
Величиной с овечий глаз, –
Она сказала, – есть пятно,

Коричневатое оно.
Грудь золотая у него,
Зад у сынка из серебра...»
«Пятно? А больше ничего?» –
Опять спросил Маадай-Кара.
«Еще родился без пупка,
И черный камень у сынка
Девятигранный был в руке,
Зажат с рожденья в кулаке.
Через два дня он «мать» сказал,
Крича – пеленки разорвал.
Через шесть дней «отец» сказал,
Пиная – люльку разломал» [5].

Рождение ребенка с определенными отметинами – это предзнаменование рождения батыря, в далеком будущем ограждающего алтайский народ от большой беды. На самом деле, когда Кара (черный) каан, т. е. хан, подчинив себе весь Алтай, все народы превращает в рабов, именно ребенок с отметинами приходит на помощь народу.

Во многих эпических произведениях отмечается богатырское телосложение будущего батыря с рождения. Например, мать героя в эпосе казахского народа «Кобланды батыр» во время проводов сына на поле сражения вспоминает момент его рождения:

Даже ребрагнулись мои,
Гнулись все десять пальцев моих,
Когда из колыбели его брала,
Как гусенка, водила его за собой [3].

А эпический герой якутского народа олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» с зачатия уже заявляет о своем мужестве и подвиге, он «не может даже терпеть» положенных девяти-месячных внутриутробных своих сроков:

Непомерно тяжелое бремя свое
Не под силу ей было носить.
Задолго до девяти лунной поры
Из чрева прекрасный хотун,
Расторгнув утробу ее,
Одержимо неистовством бунтовским,
Выкатилось каменное дитя,
Звонко, отрывисто хохоча... [7].

Мотив необычного, волшебного рождения героя прослеживается и в эпосе башкирского народа «Урал батыр», хотя события в нем начинают описываться с подросткового периода жизни Урала, и ни одного слова о его рождении – появлении на свет:

Двое детей родились у них,
Двое сыновей удалых.
Шульгеном старшего нарекли,
Уралом младшего нарекли [8. С. 35].

Однако в дальнейших строках эпоса из уст одного из дивов мы получаем информацию о необычном, волшебном рождении Урала:

О, владыка! Помнишь, когда
Только родился Урал-батыр,
Дивы, что в небесах пролетали,
Один за другим на землю упали?
Когда похитить хотели дитя,
Убить хотели его, шутя,
Оно в упор взглянуло на них –
И разом у дивов смутился вмиг.
Когда ребенок хотел их поймать,
Они, не в силах страха унять,
Рухнули наземь, как горный обвал [8. С. 75].

Достигнув совершеннолетия, Урал добровольно возлагает на себя нелегкую благородную задачу поиска живой воды. В дальнейшем герой «совершает подвиги во имя счастья людей на земле, стремится защитить землю от зла и страданий. Он воистину совершает божественный и гражданский подвиг, отказавшись от представленной возможности приобретения вечной жизни, окропив землю живой водой и вдыхая жизнь всей живой и неживой природе» [4. С. 75].

Как видно из рассмотренных образцов эпического наследия разных народов, уже заранее известно, что в будущем родятся батыры, и они станут настоящими мужчинами-героями, спасут народ, его владения и имущество от беды и вредительства. Существование во многих героических эпосах тюркских народов мотива необычного, волшебного рождения батыров объясняется верой в лучшее будущее. Поэтому многие тюркоязычные эпосы «посвящены прославлению борьбы за свободу и счастье народа... Неудивительно, что в подобных эпических произведениях изображается благополучный исход событий, ведь эпос – это отражение чаяний, надежд народа» [2. С. 163].

Список литературы

1. Байджиев, М. Т. Сказание о Манасе. Поэтическое переложение первой части трилогии кыргызского эпоса «Манас» [Электронный ресурс]. Изд. 2-е. Бишкек, 2010. URL: http://www.eposmanas.ru/library/mb/rrrrrrr_r_rrrrsr_3/r_tttttt_rsssr_8/.
2. Булякова, Г. М. Единство идеи в эпосе «Урал-батыр» и других тюркоязычных эпосах / Г. М. Булякова, Р. В. Уельданова // Вестн. Башкир. ун-та. 2011. Т. 16, № 3–1. С. 162–163.
3. Кобланды-батыр. Казахский народный эпос // Героический эпос народов СССР. Т. II / пер. Н. В. Кидайш-Покровской, О. А. Нурмагамбетовой [Электронный ресурс]. С. 19–24. URL: <http://litrus.net/book/read/76153?p=19>.
4. Латыпова, Р. М. Эпос «Урал-батыр» – духовно-культурное наследие словесного искусства башкирского народа / Р. М. Латыпова, Г. М. Булякова // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2014. С. 75–76.
5. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / пер. А. Плитченко [Электронный ресурс]. М., 1973. 474 с. URL: http://www.altaiinter.info/project/culture/Mythology/Folklore/Maad/maad_p1_02.htm.
6. Манас. Киргизский народный эпос: «Главы из Великого похода» / по вар. С. Орозбакова; пер. С. Липкина, М. Тарловского [Электронный ресурс]. М., 1941. 160 с. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=27>.
7. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / воссоздал на осн. нар. сказаний П. Ойунский; пер. В. Державина; ред. С. В. Михалкова [Электронный ресурс]. Изд. 2-е. Якутск, 1982. 432 с. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269004373.
8. Урал-батыр / пер. Г. Г. Шафикова // Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. / сост. тома М. М. Сагитов, А. И. Хакимов. Уфа, 1987. 544 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ (на примере поэтического образа яшмы и жемчуга)

Статья посвящена начальному этапу развития японской поэзии. На примерах песен первой японской поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», VIII в.) подробно рассматривается многогранность образа яшмы и жемчуга, а также самобытные художественные приемы, в которых используется данный образ, что позволяет раскрыть особенности раннеяпонского стихосложения.

Ключевые слова: японская поэзия, антология «Манъёсю», поэтический эпитет, метафора, образ, яшма, жемчуг.

Японская поэтическая традиция имеет давнюю историю и восходит к древним народным песням и ритуальным синтоистским песнопениям. Первая поэтическая антология, созданная по императорскому указу, датируется VIII в. Это самое крупное поэтическое собрание Японии, известное как «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»).

Антология состоит из 20 книг и содержит 4516 песен – авторских и анонимных. При этом в качестве авторов выступают более 500 поэтов, хотя некоторые из них представлены в антологии одним-единственным стихотворением. Анонимная поэзия, как считается, представляет собой прошедшие определенную литературную обработку народные песни.

Тематически песни антологии разнообразны по содержанию. Одни песни повествуют об охоте, странствиях, пирах, встречах, разлуке («разные песни»), другие рассказывают о любовных чувствах («песни-переклички» или «песни любви»), третьи «скорбят» о навсегда ушедших людях («плачи»).

Большинство песен «Манъёсю» представляют собой пятистишия-*танка* (букв. «короткая песня») и имеют слоговой рисунок 5-7-5-7-7. Во времена «Манъёсю» пятистишия объединяли в основном обрядовую или лирическую песню. Однако впоследствии жанр *танка* стал основным жанром японской поэзии и оставался таковым вплоть до XVII в. В наши дни его популярность также велика, и многие современные авторы отдают предпочтение этому жанру, считая его высшей формой японской поэзии.

Помимо пятистиший-*танка* в антологии «Манъёсю» были представлены и другие стихотворные размеры, такие как *нагаута* и *сэдока*. *Нагаута* (или *тёка*) понимались как «длинные песни» и состояли из большого количества

(до 100) пятисложных и семисложных строк. В этом жанре создавались древние японские баллады, поэмы, элегии и оды. Всего в антологии представлено 265 песен этого жанра.

Песни жанра *сэдока* (букв. «песни гребцов» или «песни рыбаков») были сложены в размере шестистишия с чередованием слогов в порядке 5-7-7-5-7-7. Это были обрядовые и лирические песни. Однако в «Манъёсю» было представлено только 57 песен этого жанра [2].

Создание такого массивного поэтического собрания, как «Манъёсю», свидетельствовало о высоком уровне поэтического творчества Древней Японии.

К VIII в. в Японии не только сложилась устойчивая поэтическая традиция, но и сформировалась целая система художественной образности. Эта система включала в себя ряд самобытных художественных приемов и тропов, которые, как показало время, стали характерными только для японской поэзии, получившей благодаря именно им свой уникальный статус в мире.

Среди оригинальных приемов, сформировавшихся еще в древности, следует отметить «слова-изголовья» (*макура-котоба*), выполнявшие в песнях, главным образом, функцию постоянного эпитета. Грамматически «слова-изголовья» являлось определением к тому слову, к которому относилось. Такой литературный прием был направлен на то, чтобы наполнить песни особым глубоким смыслом и усилить их эмоциональную окраску [2 ; 7. С. 467–468]. Поясним это на конкретном примере.

Например, есть постоянный поэтический эпитет «...охраняемой ветром могучих богов» (*камикадзэ-но*) к словам «провинция Исэ». Исэ – это место, где расположена главная синтоистская святыня – храм богини солнца

Аматэрасу. Возникновение данного эпитета связано с преданием о том, что каждый раз, когда враги собирались высадиться на берег Японии, у берегов провинции Исэ поднимался страшный ветер, начиналась буря, и враги вынуждены были бежать [5. Комментарий к песне № 81]. Японское стихотворение, малое по размеру и состоящее всего из 31 слога, не могло вместить в себя столько «информации», и поэтому благодаря «словам-изголовьям» читатель мог мысленно продолжить ассоциативный ряд, то есть слова «охраняемой ветром могучих богов» рождали воспоминание о провинции Исэ и богине солнца Аматэрасу, которых можно было в стихотворении не упоминать.

Другой специфический поэтический приём, известный как *какэкотоба*, основывался на ассоциативной игре слов-омонимов, которые в огромном количестве представлены в японском языке [2 ; 7. С. 127–128]. Например, японский глагол *наку* можно перевести как «плакать» (о человеке), так и «кричать» (о животных и птицах). Рассмотрим одну из песен известного поэта древности Отомо Якамоти (717?–785): *Ямабико-но ахи тоёму-мадэ цумагохи-ни ка наку ямахэ-ни хитори-но миситэ* – «Тоской глубокой о жене томим, // Среди осенних гор кричит олень, // И отраженный эхом крик его гремит... // И я среди этих гор – // Совсем один!» (пер. А. Е. Глускиной) [4 ; 5. № 1602].

В начале стихотворения автор повествует об одиноком олене, который криком зовет свою «жену», а затем поэт признается, что сам одинок и, подобно оленю, тоскует, будучи вдаль от своей возлюбленной. «Крик оленя» здесь – метафора «плачущего человека», которая создана благодаря использованию слова *наку* и его способности к омонимии.

Большой интерес представляет и поэтическая образность древней японской поэзии. Многозначные образы, которые сложились в ней уже ко времени создания «Манъёсю», нашли свое отражение в поэтических памятниках и последующих веков, а некоторые перешли даже в современную японскую поэзию.

Одним из многочисленных поэтических образов такого рода может по праву считаться слово *тама*, понимаемое и как «драгоценность», и как «яшма», и как «жемчуг». Рассмотрим этот образ более подробно.

В древней Японии яшма и жемчуг были самыми распространенными украшениями. Их нанизывали на нить и носили на руках, ногах и

шее. Также бусинами *тама* могли украшать волосы или декорировать одежду [6]. Визуальное восприятие яшмы и жемчуга как красивой вещи постепенно привело к тому, что само слово *тама* стало ассоциироваться в сознании японцев с чем-то необыкновенным и прекрасным.

В песнях антологии «Манъёсю» немало примеров употребления данного слова в качестве «пояснительного эпитета», характеризующего предмет как «красивый». Так, в песне № 2050 повествуется о «яшмовом ложе» (*тамадоко*), а в песне № 2705 говорится о «жемчужных одеждах» (*тамамо*). В обоих случаях речь идет не о материале, из которого изготовлено ложе и одежда, а лишь подчеркивается красота этих предметов [5. Комментарий к песням № 2050, № 2705].

Трепетное отношение японцев к яшме и жемчугу, желание обладать этими изящными украшениями привели к тому, что слово *тама* в древней поэзии нередко выступало в роли метафоры возлюбленной. В антологии «Манъёсю» есть целые разделы, которые так и называются «Сравнивают с жемчугом и яшмой». В песнях этих разделов упоминается обычно бусина белого цвета. Она, как правило, «погружена в воду» так глубоко, что ее сложно достать. Таким образом поэты древности опозитивировали преграды, мешающие воссоединению возлюбленных, неразделенную или тайную любовь. Так, например, в песне № 1323, сложенной неизвестным автором, читаем: *Ватано соко окицу сиратама ёси-о нами цунэкаку номия кохиватаринаму* – «На дне морском среди равнины бесконечной // Жемчужина лежит, сверкая белизной, // Но не судьба со мною быть ей... // О, неужели вечно Я буду жить, тоскуя лишь о ней?» (пер. А. Е. Глускиной), [4 ; 5. № 1323].

Процесс изготовления жемчужных или яшмовых бус был трудоемким и занимал много времени, поэтому выражение «жемчужная нить» (*тама-но о*) в поэзии стала ассоциироваться со словом *нагаси* – «долгий, длинный» [6]. Так, например, долгой могли быть любовь или жизнь. А желание стать яшмой в песнях означало стремление не расставаться с любимым человеком, долго находиться с ним вместе.

Отдельно следует сказать о достаточно часто встречающемся в древней поэзии поэтическом обороте со словом *тама* – о выражении «говец с яшмовой веткой» (*тамадзуса-но цукаи*), в котором «яшмовая ветка» (*тамадзуса*) грамматически является «словом-изголовьем»

(макура-котоба) к слову гонец (*цукаи*). В комментариях к «Манъёсю» А. Е. Глускина пишет, что возникновение этого эпитета в поэзии связано с древним обычаем посылать с гонцом в знак привета или с особым известием веточку дерева *адзуса* (катальпа овальная – лат. *Catalpa ovate*, декоративное деревце), к которой прикрепляли яшму [5. Комментар. к песне № 207].

Такая традиция возникла в Японии не случайно. В ее основе лежат архаичные представления японцев о душе. Заметим, что слово *тама* («яшма, жемчуг») в японском языке является омонимом слова «душа». Посылая бусины *тама*, отправитель, по-видимому, таким образом хотел показать свое особое расположение, показать, что он «отправляет» адресату даже свою душу [6 ; 7. С. 331]. Ветка же дерева *адзуса*, к которой прикрепляли украшение, выполняла функцию магического предмета, в котором эта душа временно пребывала.

Использование ветки в качестве вместилища души не случайно. Как отмечала Л. М. Ермакова, особое отношение японцев к деревьям и изделиям из них было связано с архаичным культом этих растений. В древности лес воспринимался как сакральное место обитания богов. Со временем эти представления соединились с верой в богов *ками*, которые спускались с гор (из леса) на деревья. Особенно крупные растения или растения необычной формы использовались в ритуалах в качестве временного пристанища богов. Позднее из древесины начали изготавливать ритуальные предметы, которые постепенно приняли на себя функцию самого дерева. Так, во время магических обрядов участники действия, приглашая богов спуститься, могли держать в руке ветку, лук, шест или деревянное копье, то есть те предметы, в которых, по их мнению, могли временно воплотиться «невидимые гости» [3. С. 138].

Позднее, по всей видимости, древний обряд добавил к своей сакральной функции и чисто бытовую, можно сказать, романтическую. «Яшмовая ветка» в руках гонца стала обозначать искренние чувства и намерения отправителя. А в поэзии, в том числе и в песнях «Манъёсю», выражение «гонец с яшмовой веткой» стало постоянным эпитетом.

При этом интересно, что, несмотря на то что этот эпитет встречается в большом числе песен антологии, он всегда приобретает новый, неповторимый смысловой оттенок. Если проанализировать такие разделы антологии, как «Песни любви» и «Разные песни», то становится

очевидным: упоминание о «гонце с яшмовой веткой» означает нежные чувства между возлюбленными. Например, в песне № 2111 воспевается красота осенних цветов *хаги*, однако наличие эпитета дает понять, что автор получил эти цветы от близкого сердцу человека: *Тамадзуса-но кими-га цукаи-но таорикэру коно аки хаги-ва мирэдо акану камо* – «О, эти сорванные нежные цветы // Осенних хаги, // Что принёс гонец твой для меня // Мне с веткой яшмовой – как дальний твой привет – // Ведь сколько ни смотрю, не налюбуюсь я!» (пер. А. Е. Глускиной), [4 ; 5. № 2111].

А вот в песнях-плачах этот же эпитет получает другое значение: «гонец с яшмовой веткой» понимается как вестник, сообщающий о гибели близкого человека, а яшма – как душа покойного. В этой связи интересна песня № 1415, в которой поэт, говоря о смерти возлюбленной, использует словосочетание «яшмовая ветвь» в качестве определения к слову *имо* – «возлюбленная, жена». Таким образом, хотя в песне и не говорится напрямую о безвременной утрате, но благодаря эпитету становится ясно, что поэт скорбит о своей возлюбленной: *Тамадзуса-но имо-ва тама ка мо асихики-но киёки ямабэ-ни макэба тирунуру* – «Приславшая мне яшмовую ветку // Любимая, ты ль – эти жемчуга? // На чистых склонах гор, // Повсюду распростертых, // Я рассыпал их сам, и падали они...» (пер. А. Е. Глускиной), [4 ; 5. № 1415].

Как уже было сказано ранее, бусины *тама* наделялись магическими свойствами, их считали вместилищем души и местом пребывания божеств. Известно также, что во время шаманских обрядов участники действия трясли в руках жемчужные перевязи. Бусины, касаясь друг друга, издавали мелодичный звук, который, согласно древним представлениям, обладал чудодейственной силой [6]. Поэтическое описание обрядового использования жемчужной нити можно найти в песне Отото Якамоти, сложенной по случаю вкушения первого риса: *Хацухару-но хацунэ-но кэфу-но тамахабаки тэ-ни тору кара-ни юраку тама-но о* – «В день хацунэ, сегодня, // Раннею весною, // На тамахабаки, полученной здесь нами, // Оттого что прикоснулся я рукою, // Тихо зазвенели нити с жемчугами...» (пер. А. Е. Глускиной) [4 ; 5. № 4493]. Это стихотворение интересно еще и тем, что оно было сложено по случаю важного обрядового действия – ритуала вкушения риса нового урожая. Это исстари был чрезвычайно

сакральный синтоистский обряд, поэтому даже в его поэтическом описании не могли упоминаться «случайные» предметы. Упоминание же в песне нити с жемчугом свидетельствует о том, что уже к этому времени выражение «надеть жемчужную перевязь» (*тама тасуки какэру*) обозначало мольбу синтоистским богам.

В поэтическом жанре плача сочетание «жемчужная нить» (*тама-но о*) употреблялось в контексте буддийских представлений о бренности мира и быстротечности бытия: «жемчужная нить» такая же короткая, как жизненный путь человека. Если в песнях нить рвется (*таю*), это означает, что была прервана человеческая жизнь [1].

Интересно, что со словом «яшма» чаще всего использовались одни и те же глаголы. Так, например, в плачах слово «яшма» сочеталось с глаголом «рассыпать» (*маку*) или «быть рассыпанным» (*мидарэру*). Сочетание этих слов символически указывало на обычай рассеивать прах после кремации: *Коморику-но хацусэ отомэ-га тэ-ни макэру тама-ва мидакурэтэ ари-то ихадзу ямо* – «Не скажешь разве ты, // Что жемчуг дорогой, // Надетый на руки прекрасной девы, // В стране Хацусэ, запертой средь гор, // Теперь рассыпался навеки?..» (пер. А. Е. Глускиной), [4 ; 5. № 424].

В песнях разных тематических групп, представленных в антологии «Манъёсю», можно встретить и такое слово, как *аратама-но* («новояшмовый»), которое выступает в качестве поэтического эпитета к словам «год», «месяц», «день» и принимает значения «новый», «молодой». Есть основания говорить о нескольких возможных причинах возникновения данного эпитета в японской поэзии.

Вероятней всего, связь этих понятий связана с аграрной магией. Яшма, будучи образцом всего ценного и незаменимого, в некоторых песнях ассоциировалась со «священным зерном риса», что, вероятно, отражает еще одно значение слова «*тама*» для древней японской культуры. То есть, как предлагает А. Е. Глускина, понятие «новояшмовый год» можно перевести как «год нового урожая риса» [5. Комментар. к песне № 443].

Кроме того, слово *аратама* имеет общий корень с японским глаголом *аратамару* («обновлять»), что также объясняет употребление слова «новояшмовый» в значении «новый» [6].

Также нельзя исключать, что появление данного эпитета может быть связано с магическими свойствами, которыми, по представлениям

японцев, обладала яшма. Известно, что этот камень в древности считался средством для возвращения молодости. Одним из ритуалов, в которых применяли сакральную яшму, было моление богам в священной земле Идзумо. Считалось, что во время этого ритуального действия император с помощью яшмы, меча и зеркала наделялся божественной силой и обретал здоровье и молодость [3. С. 95]. По-видимому, восприятие яшмы как обновляющего средства способствовало тому, что она стала ассоциироваться с понятиями «молодой», «новый», что и нашло свое отражение в раннеяпонской поэзии.

Как видно, древние японские поэтические образы были тесно связаны с хозяйственными представлениями японцев, с аграрной магией. Антология «Манъёсю» – это тот памятник, который запечатлел древние представления японцев, создав на их основе уникальные поэтические образы, которые получили затем новое развитие в японской средневековой поэзии.

Список литературы

1. Глускина, А. Е. Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам «Манъёсю») // Заметки о японской литературе и театре [Электронный ресурс]. М., 1979. С. 147–168. URL: <http://www.philology.ru/literature4/gluskina-79c.htm>.
2. Глускина, А. Е. Поэзия заката древности и ранней зари средневековья // Манъёсю. Избранное [Электронный ресурс]. М., 1987. С. 3–18. URL: <http://philology.ru/literature4/gluskina-87.htm>.
3. Ермакова, Л. М. Речи богов, песни людей: (ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики). М., 1995. 272 с.
4. Манъёсю («Собрание мириад листьев») : в 3 т. / пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М., 1971.
5. Манъёсю (на японском языке) [Электронный ресурс]. URL: <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/manyoshu/AnoMany.html>.
6. Манъёсю синдзиго дзитэн («Словарь божественного языка Манъёсю») [Электронный ресурс]. Токио, 2008. 272 с. URL: http://k-amc.kokugakuin.ac.jp/DM/db-Top.do?class_name=col_dsg.
7. То:тё: бунка дзитэн. Манъё:- кара эдо-мадэ («Культурологический словарь, охватывающий исторический период со времен составления антологии «Манъёсю» (VIII в.) до конца эпохи Эдо (1603–1868)») / сост. Ямагути Акихо, Судзуки Хидэо. Токио, 2008. 596 с.

БУЛГАРСКИЕ МИФОНИМЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009

Исследуются болгарские мифонимы башкирского языка. К мифонимам болгарского происхождения относятся имена мифологических персонажей и явлений, которые характерны народам Поволжья: чувашам, марийцам, мордве, удмуртам, татарам, башкирам, а также венграм. Башкирские мифонимы классифицированы по словарю Н. В. Подольской.

Ключевые слова: башкирский язык, мифонимы болгарского происхождения.

Мифоним – это имя собственное вымышленного объекта (героя, божества, демонического персонажа, таинственного места, природного явления и др.) в мифах, сказаниях, эпосах, сказках, былинах, легендах.

Мифонимия как раздел ономастики начинает выделяться во второй половине XX в. Особое внимание мифонимам и мифам уделено в работах Е. М. Мелетинского, Вяч. Вс. Иванова, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Я. Э. Голосовкера, К. Леви-Стросса, Р. Барта, В. Петрухина, Ю. Ф. Сергеевой и других. Однако при изобилии теорий мифа, созданных начиная от философов античности и заканчивая современностью, мифонимам практически не уделялось внимания¹.

В башкирском языкознании изучением и сбором мифонимов начали заниматься в XX в. Башкирские мифонимы, как предмет исследования, изучены в работах Йожефа Тормы², Ф. Г. Хисамитдиновой³, Г. Х. Бухаровой⁴.

Ф. Г. Хисамитдинова внесла большой вклад в область мифонимии тем, что она комплексно изучила и собрала мифонимы башкирского языка. Ею опубликовано множество статей по мифологической лексике и издано немало словарей мифонимов башкирского языка². Несмотря на это, мифонимы башкирского языка до сих пор не классифицированы. Исходя из этого мы сделали попытку классифицировать башкирские мифонимы по «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской⁵:

– мифоантропоним – имя собственное персонажа в мифах, былинах, которое можно представить как реально существующего человека: *Урал батыр, Камыр батыр, Кузыйкүрпәс, Маянлылыу, Зөһрә, Таз, Былтыр, Алт, Алпамыша* и др.;

– мифоперсоним – имя собственное персонажа, действующего в мифах, былинах, сказ-

ках: *Кояш апай, Ыу инәе, Ыуһылыу, Самрау, Юха, Катил батша* и др.;

– мифотопоним – имя собственное географических объектов, которые человек представляет себе реально существующими: *Кафтау, Һәт йылғаһы, Сират күпере, Ер кендеге, Ер сите, Ер-һыу, Ете диңгез арты, Терёһу ишимәһе* и др.;

– мифозооним – имя собственное животного, которое фактически не существует, но человек представляет его реальным: *Акбузат, Һомай (кош), Сәмрегош, Сак, Сук, эт-кош* и др.;

– мифофитоним – имя собственное растения, которое фактически не существует, но человек представляет его реальным: *Абага сәскәһе, Бәхет гөлө, Байтирәк* и др.

К вышеуказанным разновидностям мифонимов можно добавить теонимы, т. е. имена божеств в пантеоне (*Тура / Тора, Тәңре, Пәйгәмбәр, Хызыр Ильяс* и др.); демононимы – имена демонических персонажей мифологии (*Шайтан, Убыр, Шүрәле, Ярымтык, Әжәл, Ғазраил* и др.).

В башкирской мифологии прослеживаются также множество названий духов болезни (*татран – ушной дух болезни, өсйән, бүсер – дух грыжи, сырхыуат – дух рожки* и мн. др.). По представлениям башкир, именно тот или иной дух порождает болезнь или является причиной хвори. Дух болезни надо уметь заговаривать (*имләү, әпсенләү*), чтобы избавиться или вылечиться от болезни. Кроме сказанного, башкирская мифонимия богата мифическими хозяинами, покровителями или духами: *ағас эйәһе, өй эйәһе, азбар эйәһе, йорт-кура эйәһе, тирмән эйәһе*. Надо отметить, что особенности башкирских мифонимов и их истоки недостаточно изучены, так как они требуют теоретической классификации, систематизации и дополнительных сборов.

Мифоним, являясь значимым элементом, играет важную роль в системе языка и культуры. Как отмечает В. В. Катермина, он «способствует выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса»⁶.

Изучение и сбор башкирских мифонимов показывает, что башкирская мифология очень богата мифонимами иранского, угорского, тюркского происхождения, а также собственно башкирскими мифонимами. Мы в этой статье не рассматриваем все богатство башкирских мифонимов, лишь ограничиваемся выявлением общих мифонимов для болгар и башкир. В связи с вышеизложенным, цель данной статьи – определить болгарские элементы в мифонимии башкирского языка.

На основе собранных примеров и фактического материала можно сказать, что мифонимов, общих и для башкир, и для болгар, немного. Многие мифонимы (особенно мифоперсонимы и мифоантропонимы) башкир имеют прототип в мифах других народов. Поэтому к мифонимам болгарского происхождения мы отнесли имена мифологических персонажей и явлений, которые характерны народам Поволжья: чувашам, марийцам, мордве, удмуртам, татарам, башкирам, а также венграм, т. к. историки полагают их прародиной Приуралья и считают, что в Средние века мадьяры и болгары жили на соседних территориях.

В башкирских народных сказках, эпосах часто встречается сказочно сильный, очень рослый персонаж *Алп батыр*. Обычно его описывают как мужчину большого, статного и исполинского телосложения, физически очень сильного и крепкого как дуб, а также меткого в стрельбе из лука. По версии башкирской сказки «Алп-батыр», на отрогах Уральских гор остались семь полян, где ступал Алп-батыр, которые стали местом *яйляу* для башкир, по некоторым легендам он же (*Алп батыр*) первопродок башкир. По версии башкирского эпоса «Алып-батыр», Алп после сражения присел отдохнуть на камень и окаменел навсегда, как скала около горы Ирендек. До сих пор народ эту скалу называет *Алып батыр каяһы*. Кроме мифооронима *Алып батыр каяһы* есть топоним *Алтай* в Шаранском районе РБ, который населяют башкирские племена буляр, болгар и елан. Перечисленные этнонимы включены в болгаро-мадьярский пласт башкирской родоплеменной этнонимии.

Происхождение гор в башкирских легендах нередко связывается с мифологическими сюже-

тами о чудесных башкирских великанах – алпах («Две песчаные горы Алпа», «Алп-батыр», «Алпамыш» и мн. др. одноименные варианты эпосов, легенд, сказок), где они сражаются с врагами путём метания каменных глыб. Башкирские мифонимы *Алп*, *Алып*, *Алпан*, *Алпамыш*, *Алпамыша* имеют древние корни в эпосах других народов. Например чувашки в своих мифах и преданиях наделили *Улыпа* невероятным ростом и необычайной силой. Улып (*Улӑп*) – исполин, богатырь, фольклорный персонаж, восходит к общетюркскому герою *Алп* (*Алып*). По чувашским народным преданиям и сказкам, Улып имеет мать, прекрасно владеет луком. Из земли, которую Улып вытряхивал из своих лаптей, образовались курганы (*Улӑп тӑпри*). Улып сопоставим с древним чувашским эпическим героем по имени Хӑнар (Хӑмар), встречающимся в образе первопродка в легендах и преданиях гуннов, венгров и волжских болгар⁷.

Венгерская исследовательница Ж. Какук рассматривает форму *Alp* как антропоним эпохи правления Венгрией Арпада (X–XIII вв. династия Арпада)⁸. Также А. Х. Халиков к ряду антропонимов болгарского происхождения относит фамилию *Алпаров*⁹. У волжских болгар как распространенный антропоним Алп зафиксирован в эпитафиях в форме *بلا Alp, Alip xoğa, Aliptaj*¹⁰.

Как уже указывалось выше, в башкирском народном творчестве *Алп* является героем многих сказок, легенд и эпосов. Ф. Г. Хисамитдинова определяет, что в диалектах, народном творчестве употребляются имя *Алп* в разных вариантах: *Алпа*, *Алып батыр*, *Алпар*, *Алпамыш*, *Алпамыша*. В башкирском языке активно употребляются слова *алпанлау*, *алпантолпан*, *алпы-һалпы* и др.³ У башкир мифоним *Алп* встречается в пословицах: *Алпарына күрә толпары*; *Алп ананан тыуар, арғамак бейәнән тыуар*; *Аты-туны бар кешелә Алпамыша көсө бар*; *Бай буһаң, алтан бул, ярлы буһаң, калтаң бул*; *Маллы кеше тупланда, малһыз кеше Алпанда*.

Смышленный, смекалистый герой многих башкирских народных сказок *Таз* в современном башкирском языке выступает как мифоним болгарского происхождения. Также и в венгерских народных сказках встречается ротацирующий болгарский мифоним *Tar*. В апеллятивной лексике башкирского языка есть слово *таз-тар*, *таз-таракай*. В названных апеллятивах второй компонент есть болгарская ротацирующая форма.

Дж. Г. Киекбаев¹¹, а также Ф. Г. Хисамитдинова³ считают, что в формировании башкир, болгар, венгров участвовало племя *таз*. Его представители компактно населяют деревни *Тазлар* Кармаскалинского и Зианчуринского районов РБ. Некоторая часть племени *таз* в IX в. вместе с мадьярами переселилась на запад. До сих пор в Венгрии есть город Тазлар. Как положительный герой башкирских народных сказок *Таз* – популярный персонаж среди башкир. Ему особое место уделено в башкирских поговорках и пословицах. Например: *Таз хэйләһенән шайтан да котолмас; Ханга яраган тазга ярамаҫ. Язмаганды таз укыр. Ын белмәгән аз булыр, Бохарзагы таз булыр. Таззың тазы бөтһә лә, даны китмәй. Һайланган һазга, осраган тазга. Каз каз менән, таз таз менән. Ике таз бер тарак өсөн талашкан.*

Шүрәле, Ярымтык. Мифоним *шүрәле* встречается в сказках только у народов Урало-Поволжья. На наш взгляд, *Шүрәле* – это мифическое существо, выдуманное народами Поволжья. Мифоним *Шүрәле* встречается, в основном, в башкирских, татарских и чувашских сказках, легендах, преданиях. В татарских сказках *Шурале* ‘леший’ – хитрый, злой хозяин леса, который может защекотать до смерти дровосеков или заблудившихся в лесу людей. У башкир *шурале* – человекоподобное мифическое создание с одним глазом во лбу, на одной ноге, он часто описывается как сильное существо, которое появляется перед путниками и дровосеками с большим и тяжелым бревном на плечах. В редких случаях он представляется глупым, т. е. не может объяснить другим *шурале*, что человек по имени *Былытыр* ‘прошлый год, в прошлом году’ прищемил ему пальцы в колоде бревна, после чего ему приходится таскать это бревно на плечах.

В башкирских легендах говорится, что *шурале* занимается охотой и любит ездить на лошадях, имеет жен и детей. По преданиям некий человек женился на дочери лешего (*шурале*) и их род называется *шуралеләр нәҫеле*. Башкиры родов *шайтан-кудей*, *шайтан-мурзалар*, *шайтандар* и родовых подразделений *шурале* Юрматинского, Усерганского родов связывают свои корни с *Шурале*. Как они считают, их прапрабабушка была дочерью *шурале*. По представлениям башкир, у самки-*шурале* бывают длинные груди, она закидывает их назад за спину. Башкирское *шурале* есть дух, хозяин леса и у него подмышки открыты, стопы по-

вернуты назад, сердце виднеется. В легендах и сказках о *шурале* говорится, что он выходит на встречу только одиноким путникам на лесной дороге и может защекотать путника до смерти. Такой хитрый, зловредный, порой глупый человекоподобный персонаж *шурале* ‘леший’ выдуман только у народов Урало-поволжья: башкир, татар, чувашей. Следует отметить, что у марийцев, удмуртов, мордвы и у народов Сибири, Восточной Евразии есть лесное страшно смешливое мифическое существо. Но у них этот лесной *шур-лочо*, *шурали*, *сурали* может превращаться в птицу из отряда совиных, а также смеяться и гукать совиным голосом.

Башкирский мифоним *шурале* имеет синоним *ярымтык*. Материал про *Ярымтык* сохранился у башкирского рода гайна-тархан, и это мифическое существо идентично с *Шүрәле*.

Мифоним *Шүрәле* у татар, марийцев, чувашей и башкир распространен в следующих формах: *шүрәле*, *шүрелле*, *шүреке*, *шурали*, *сурали*. Возможно, восходит к основе *шөр* ~ *шур* ‘страшилище’ или к глагольной форме *шөрләү* (диалектная форма *шүрләү*) ‘испугаться’. В строении мифонимов *Ярымтык* и *Шурале* есть значение *ярым* ‘половина’. Слово *шурале* на чувашском языке означает ‘половина руки’, т. е. первый слог *сұрă*, *сұр* ‘половина’, второй – *алă* ‘рука’³.

Следующий болгарский мифоним, по мнению многих лингвистов, – *убыр*, кровожадное демоническое существо, дух умершего колдуна или самоубийцы. И. Г. Добродомов¹², В. Г. Егоров¹³, Р. Г. Ахметзянов¹⁴ и др. определяют мифоним *убыр* как слово болгарского происхождения. Мифонимы *вампир* – *vāpīr* – *vāpīr* – *упырь* – *убыр* распространены в чувашском, башкирском, татарском языках, а также в русском языке. В русском языке данный мифоним считается заимствованным. По этимологическому словарю русского языка под редакцией А. Г. Преображенского, «упырь – это слово заимствованное из тюркского *убёр*, *убыр*, *убырлы*. Кроме перечисленных народов близкий *убыр* персонаж имеется в мифах у других народов: *обур* у карачаевцев, крымских татар и гагаузов, *вувер* у марийцев, *убыр* у удмуртов, *упыр* у коми-зырян, *упырь* у восточных славян, *вампир* у мадьяр превращаются в разные существа». В сборнике «Мифы народов мира» также описывается, как *убыр-вампир* питается людской кровью¹⁵.

В работах по башкирской мифологии *убыр* употребляется в разных вариантах: *убыр*,

мәскәй, убырлы карсык, мәскәй әбей. В этимологическом словаре чувашского языка В. Е. Егорова даны формы и *убыр*, и *вуп̄р* в значении ‘ненасытный’¹³. В чувашской легенде говорится о том, что *вуп̄р* проглотил Луну. Башкиры в своих заговорах обращаются к *убыр*: *Убыр, күзем йот, йот, Мәскәй, күзем йотма, йотма!* ‘Упырь, мой глаз проглоти, проглоти, Баба-яга, мой глаз не глотай, не глотай!’³. Башкиры верили, что, заговаривая глазные болезни, можно прогнать дух болезни.

Башкирская мифология характеризуется обилием названий духов болезни и их заговоров. Лечебная магия башкир оставила много мифонимов в башкирском языке и диалектах. Например, юго-восточные башкиры демона, вызывающего эпилепсию, психические расстройства, сильный лихорадочный озноб, называют *сарпыу*. По поверьям башкир, мифоним *сарпыу* – дух болезни.

Башкиры считают, что *сарпыу* является одним из самых опасных демонов болезни, ибо с ним связывают эпилепсию, психические расстройства и др. Демон болезни *сарпыу* чаще невидим и действует на человека на закате в виде теплого дождя, ветра, а иногда может принять облик сороки или человека. В диалектах известны варианты *сарфыу, шарфыу, жерфегу, желпеу, йелпеу*¹⁶. Возможно, мифоним *сарпыу*, в отличие от *йелпеу*, болгарского происхождения.

Данный мифоним состоит из двух компонентов *сар* + *пыу*. Значение этих компонентов простому башкиру не понятно, поэтому рассмотрим этимологию мифонима. Чувашский языковед Г. Е. Корнилов объясняет, что мифоним образован от слова *сар / сер* в значении ‘земля’ и *пыу / быу* в значении ‘пар’ или *ныу* ‘вода’. Болезнь *сарпыу* возникает, когда человек наступает на нехорошие места земли или у воды во время или перед закатом. Обычно причины тяжелых болезней, которые начинаются перед сумерками или ночью, объясняют словами ‘ударил, коснулся или вселился дух болезни’ в виде дуновения вредного ветра, т. е. *сарпыу һуккан, ел һуккан, ен һуккан, йелпеу кагылган*. Если у башкир наблюдалось *сарпыу*, они заговаривали болезнь следующим заговором:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – *тупракка*, (на землю)

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 – *елга, ныуга*, (ветру, воде)

1, 2, 3, 4, 5 – *бөтһөн, китһен*, (пусть пройдет, уйдет)

1, 2, 3 – *осһон, китһен*, (пусть улетит, уйдет)

1 – *бер зә калмаһын* (пусть ничего не останется).

В башкирских заговорах часто употребляются сакральные числа по убыванию. Убывание чисел и последнее нечетное число предполагает исчезновение недомогания или болезни (см. подробно в работе Р. Т. Муратовой¹⁷).

Следует отметить, что языковеды Ф. Г. Хисамитдинова и Й. Торма этимологию мифонима *елпеу* возводят к древнетюркскому духу болезни *Елтик*².

Подытоживая вышесказанное, отметим, что нами рассматривались башкирские мифонимы (имена персонажей эпосов, сказок, легенд и др.), теонимы (имена божеств), термины демонологии с целью выявить болгарские элементы среди них. Наше исследование и ранее выявленные материалы показали, что мифонимы, общие с булгарами, в башкирском языке незначительны. Результаты исследования позволяют предположить, что в Средние века контакт болгар с другими народами Поволжья, в том числе и с башкирами, отразился в духовной культуре, а их мифологическое мировоззрение и древнейшие представления об окружающем мире породили общие мифонимы и мифологические образы.

Примечания

¹ См.: Сергеева, Ю. В. Семантическая модель мифонима в синхронном аспекте [Электронный ресурс]. URL: <http://pinchukfund.ru/storage/students/works/2009/715.doc>.

² См.: Торма, Й. Статьи по тюркской этнографии и башкироведению. Уфа, 2005. 128 с.

³ См.: Хисамитдинова, Ф. Ф. Башкорт мифологияһы. Уфа, 2002. 125 с.; Хисамитдинова, Ф. Ф. Йелпеу. Сарпыу – дух болезни башкир // Ядкяр. 2001. № 2. С. 15–19; Хисамитдинова, Ф. Г. Семантические мотивационные типы мифологической лексики башкирского языка // Эпос «Урал-батыр» и мифология. Уфа, 2003. С. 24–26; Хисамитдинова, Ф. Г. Сравнительный словарь тюркской мифологии // Восток в исторических судьбах народов России. Уфа, 2006. С. 143–148; Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирская мифонимия // Ономастика Поволжья : материалы X Междунар. науч. конф. 12–14 сент. 2006 г. Уфа, 2006. С. 338–341; Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. 452 с.; Хисамитдинова, Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011. 420 с.; Хисамитдинова, Ф. Г.

- Башкорттарзың им-том китабы. Уфа, 2006. 180 с.; Лечебная и охранительная магия башкир / сост. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2010. 358 с.; Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Уфа, 2009. 250 с.
- ⁴ См.: Бухарова, Г. Х. Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. Уфа, 2003. 155 с.
- ⁵ См.: Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 192 с.
- ⁶ Катермина, В. В. О национально-культурном компоненте имен собственных (на материале английской фразеологии) // Духовные ценности современной российской молодежи : материалы межвуз. науч. конф. Орел, 1997. С. 49.
- ⁷ ru.wikipedia.org; Улып. Чувашский народный эпос / собрал и изложил Ф. Сюин ; пер. А. Дмитриева. Чебоксары, 2009. 462 с.
- ⁸ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира по данным языка. М., 2006. С. 584; Kakuk, Zs. Cultural words from the Turkish occupation of Hungary // *Studia Turco-Hungarica*. Budapest, 1977.
- ⁹ См.: Халиков, А. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения [Электронный ресурс]. Казань, 1992 . URL: <http://kitap.net.ru/halikov5.php>.
- ¹⁰ См.: Хакимянов, Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978. 205 с.
- ¹¹ См.: Кейекбаев, Дж. Г. К проблеме о древних этнических связях венгров и башкир // Избр. тр. Уфа, 2002. С. 113–139.
- ¹² См.: Добродомов, И. Г. Проблема изучения болгарских лексических элементов в славянских языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. 37 с.
- ¹³ См.: Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 355 с.
- ¹⁴ См.: Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. 143 с.
- ¹⁵ См.: Мифологический словарь / сост. Е. М. Мелетинский. М., 1990. 672 с.; Мифы народов мира / сост. Н. И. Деятейкин. Ростов н/Д., 2006. 415 с.
- ¹⁶ См.: Каримова, Р. Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины. Уфа, 2005. 120 с.
- ¹⁷ См.: Муратова, Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа, 2012. 180 с.

СЕМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ОМОНИМИЧНЫХ ТЕРМИНОВ

Рассматривается одна из самых актуальных проблем современного функционального терминоведения – семантизация многозначных научных терминов в словарях. Целью настоящего исследования является определение степени расхождения содержания идентичных по форме научных терминов. Исследование проводилось на материале Больших энциклопедических словарей по физике и химии с использованием методов логико-понятийного, дефиниционного и статистического анализа.

Ключевые слова: научный термин, омонимия, полисемия, термины-омонимы.

Исследования, посвященные проблеме многозначности терминов, проводились лингвистами и терминологами в рамках структурной, коммуникативной и когнитивной парадигм. В целях стандартизации специального языка к термину предъявлялись требования однозначности, точности, отсутствия синонимии, полисемии, омонимии и другие. Так, Е. Вюстер пишет, что «<...> растущая путаница стихийно возникающих терминов становится все более серьезным препятствием для профессионального общения инженерно-технических работников» [4. С. 202–203]. Д. С. Лотте в своих работах отмечает, что полисемия и синонимия лишают язык науки точности, однозначности и в результате приводят к искаженному пониманию и практическим ошибкам [6. С. 113; 7. С. 237–241]. В целом, весь период раннего терминоведения (сюда также можно отнести работы Р. А. Будагова, Л. А. Булаховского, Р. Г. Пиотровского и других ученых) характеризуется тенденцией к созданию «идеального» термина.

Позднее, в 70 гг. XX в., формируются две тенденции в теории термина: 1) тенденция к «однозначности и семантической строгости»; 2) тенденция к «развитию в нем новых значений и размыванию его семантических границ» [3. С. 190–192]. Иными словами, «термин как языковой знак пытается совместить в себе два начала – логическое, понятийное и образное» [11. С. 78].

Здесь перед нами неизбежно встает вопрос о разграничении омонимии и полисемии. Как отмечает В. В. Виноградов, «смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходные оттенки» [1. С. 165]. Особенности разногласия вызывают случаи употребления одной лингвистической формы термина-слова

в разных областях знания. «Одни исследователи термины, входящие в терминосистемы нескольких отраслей, считают полисемичными» [8. С. 9; 12. С. 111], для других ученых такие термины являются омонимичными [4. С. 315–316; 5. С. 66–68; 9. С. 110; 10. С. 46].

В настоящем исследовании мы придерживаемся второй точки зрения и относим случаи употребления одной формы термина-слова в разных областях знания к проявлению омонимии, например, термин *кристаллизация* используется и в физике, и в химии.

Переходим к описанию результатов исследования.

Материалом послужил корпус терминов-омонимов общим объемом 169 пар, собранный из лексикографических источников – Больших энциклопедических словарей по физике (более трех тысяч статей) и химии (девять тысяч статей). Выбор этих наук обусловлен их общим происхождением, фундаментальным значением для человечества, а также постоянным взаимодействием в повседневной жизни. Состоявшаяся терминология этих областей знания содержит богатый материал для изучения омонимичных терминов.

Данное исследование включает два этапа.

Этап 1. Выборка однословных терминов, полностью совпадающих по форме из пермутационных указателей Больших энциклопедических словарей по физике и химии и формирование их списка.

Этап 2. Выявление минимальных компонентов значения предполагаемых терминов-омонимов и определение совпадающих и дифференциальных компонентов значения.

На первом этапе из пермутационных указателей энциклопедических словарей по физике и химии, методом сплошной выборки были отобраны все однословные термины, полно-

стью совпадающие по форме (всего 169 пар). Из этого списка были исключены термины, которые не являлись входными единицами. Таким образом, выборка составила 82 пары.

На втором этапе в результате логико-понятийного и компонентного анализа дефиниций омонимичных терминов мы выделили минимальные компоненты значения и установили количество схожих и дифференциальных компонентов. Так, в дефинициях термина *валентность* четыре схожих компонента (в примерах выделены жирным шрифтом), шесть дифференциальных компонентов:

1) **способность атомов**, элементов к **образованию химических связей**;

2) **способность атома** присоединять или замещать определенное число других атомов или атомных групп с **образованием химической связи**.

Подобным образом были проанализированы 82 пары терминов-омонимов. В результате выделилось три группы омонимичных терминов.

Самую большую группу (57) составили частично совпадающие по значению термины (*адсорбция*, *алмаз*, *антиферромагнетики*, *античастицы*, *валентность*, *вискозиметрия*, *вязкость*, *германий*, *графит*, *детонация*, *диа-*

магнетик, *диссоциация*, *дистилляция*, *домены*, *испарение*, *калориметрия*, *когезия*, *конденсация*, *кристаллизация*, *кристаллохимия*, *люминисценция*, *люминофоры*, *металлиды*, *металлы*, *молекула*, *моль*, *мультиплетность*, *мюоний*, *мюон*, *нейтрино*, *нейтрон*, *нейтронография*, *осмос*, *плазма*, *позитрон*, *полиморфизм*, *полуметаллы*, *протон*, *радиоактивность*, *рекомбинация*, *релаксация*, *рефрактометрия*, *сегнетоэлектрики*, *смачивание*, *сплавы*, *теплоемкость*, *теплообмен*, *термометрия*, *термы*, *трансляция*, *ферромагнетик*, *фотохромизм*, *электролиз*, *электрон*, *энтальпия*). Эти термины были распределены по количеству совпадающих компонентов значения (см. рис. 1).

На данном рисунке мы видим, что в самую большую группу вошли термины, схожие по четырем признакам (14 примеров), что составило 24 % от общего их количества. Практически одинаковое количество примеров (11 и 10 случаев) получилось на совпадение по трем компонентам и по одному компоненту значения (18 %), а также по двум и пяти элементам значения (по 6 примеров), что в процентном соотношении составило по 11 % на каждую группу. В наименьшие группы (по 2 %) вошли примеры терминов, совпадающие по 9 и 12 признакам (по 1 случаю).

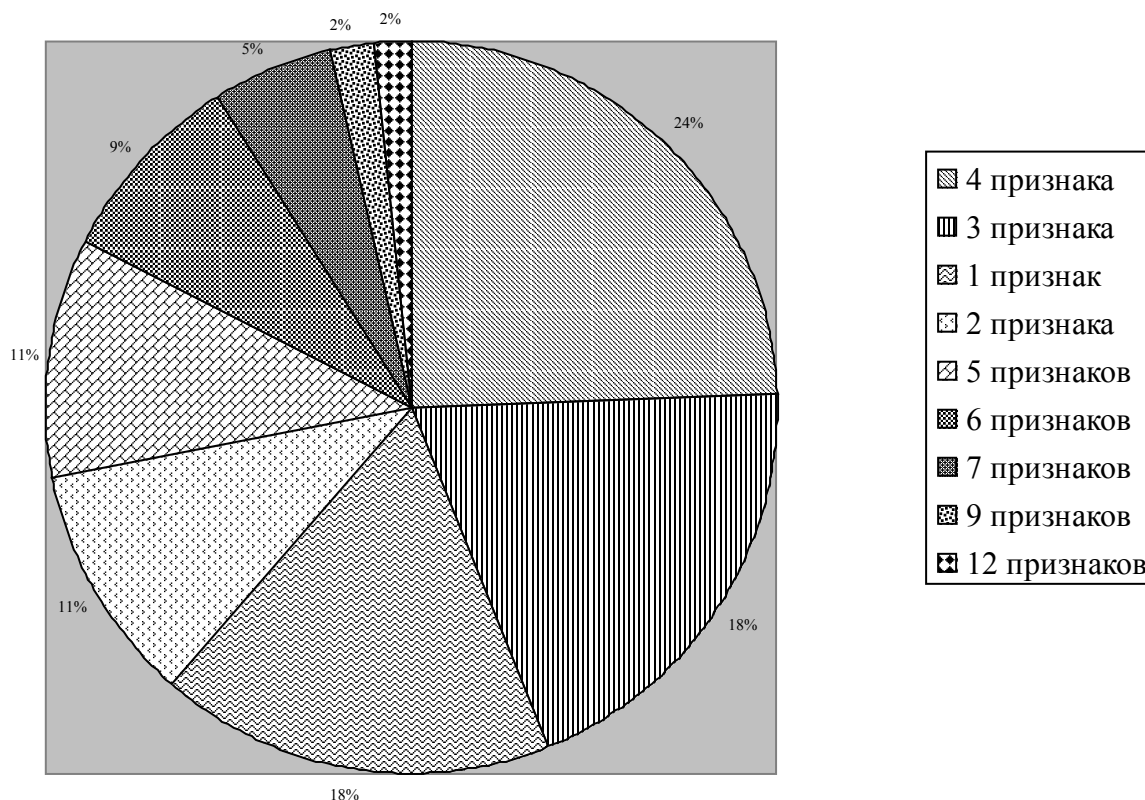

Рис. 1. Количественное соотношение совпадающих признаков терминов-омонимов

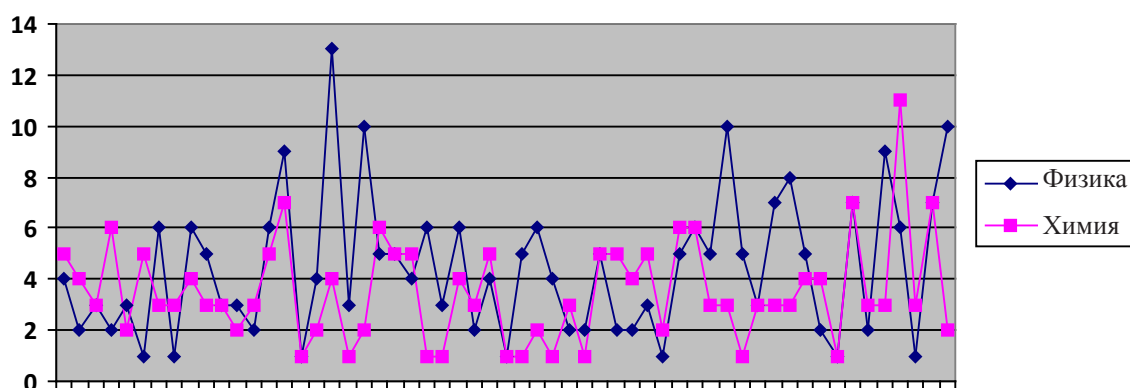

Рис. 2. Варьирование дифференциальных признаков терминов-омонимов

Кроме того, термины первой группы были проанализированы по соотношению дифференциальных признаков (см. рис. 2).

Данный рисунок четко показывает, что количество дифференциальных признаков физических терминов-омонимов в основном превышает их количество у химических терминов. Статистический подсчет позволил вычислить средний показатель дифференциальных признаков терминов в обеих областях знания – среднюю арифметическую по формуле:

$$\bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i f_i}{\sum_{i=1}^n f_i}$$

где x_i – количество дифференциальных признаков в каждом конкретном случае;

а f_i – частота повторения данного количества.

Физика: $(1*7)+(2*10)+(3*8)+(4*5)+(5*9)+(6*8)+(7*3)+(8*1)+(9*2)+(10*3)+(13*1)/7+10+8+5+9+8+3+1+2+3+1=254/57 \approx 4,46$

Химия:

$(1*10)+(2*7)+(3*16)+(4*7)+(5*9)+(6*4)+(7*3)+(11*1)/10+7+16+7+9+4+3+1=201/57 \approx 3,53$

Итак, разница между средними показателями по физике и химии: $4,46-3,53=0,93 \approx 1$ признак, т. е. количество дифференциальных признаков омонимичных терминов по физике превышает это количество у терминов-омонимов по химии в среднем на один признак.

В отдельную группу мы вынесли те случаи, когда термин в одной области знаний имеет более широкое значение, чем в другой, и полностью включает в себя все компоненты более узкого значения, сохраняя при этом собственные отличительные признаки – 12 примеров (*адгезия, атом, кипение, парамагнетик, поляриметрия, пьезоэлектрик, слюды, сорбция,*

спектроскопия, сублимация, электролиты, электронография).

В следующую группу вошли шесть пар терминов-омонимов, которые не пересекаются хотя бы по одному компоненту (*воздух, кремний, радиоспектроскопия, реология, энтропия, янтарь*).

Наконец, последние семь из 82 омонимичных пар оказались терминами, полностью совпадающими как по форме, так и по значению, т. е. эти термины не являются собственно омонимами (*диэлектрики, пироэлектрики, полупроводники, поляризуемость, сверхпроводники, температура, ферриты*).

Таким образом, данное исследование позволило классифицировать термины-омонимы по степени омонимичности. Наиболее распространенный тип омонимичных терминов – *пересекающиеся омонимы*, которые совпадают по значению частично. Второй тип включает термины, один из которых полностью содержит все компоненты значения другого при сохранении некоторого количества своих дифференциальных признаков. Мы их назвали *включенными омонимами*. Третий тип представлен шестью *абсолютными омонимами*, которые не пересекаются ни по одному из компонентов значения.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова // Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.
2. Вюстер, Е. Международная стандартизация языка в технике. Л., М., 1935 // Татаринков, В. А. История отечественного терминоведения : в 3 т. Т. 2. Направления и методы

- терминологических исследований : очерк и хрестоматия. Кн. 2. М., 1999. С. 202–220.
3. Головин, Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вестн. Моск. гос. ун-та. Филология. 1972. № 5. С. 49–59.
4. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971. С. 7–67.
5. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М., 1977. 248 с.
6. Лотте, Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов // Изв. АН СССР. Отд. техн. наук. 1940. № 7; Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения : в 3 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований : очерк и хрестоматия. Кн. 1. М., 1995. С. 112–134.
7. Лотте, Д. С. Стандартизация терминов // Вестн. стандартизации. 1939. № 4 / 5. С. 12–14
- // Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения : в 3 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований : очерк и хрестоматия. Кн. 2. М., 1999. С. 237–241.
8. Прозоров, О. С. Роль научно-теоретической терминологии в развитии словарного состава современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 16 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языкознание : учеб. пособие. М., 1967. 542 с.
10. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1989. 246 с.
11. Табанакова, В. Д. Логическое и образное в термине // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Филология. 2011. № 1. С. 76–81.
12. Чупилина, Е. И. Синтагматические особенности общенаучной лексики // Вопросы английской контекстологии. Вып. 2. Л., 1985. С. 111–116.

ПОЭЗИЯ ДЕРДЕМЕНДА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Рассматривается лирика уникального поэта Дердеменда в контексте Запада и Востока. Дердеменд в области художественной формы и поэтики трансформирует восточные традиции и, продолжая традиции татарской литературы Средневековья и суфийской поэзии, приходит к синтезированию достижений западной и восточной культур.

Ключевые слова: татарская литература, поэзия начала XX в., поэт-романтик, философская лирика, образ, символ, суфийская символика, контекст Запада и Востока, литературные взаимосвязи, литературная школа.

Талантливый поэт, яркая личность, служитель интересам татарского народа, Дердеменд занимает особое место среди татарских писателей не только своим литературно-эстетическим творчеством, но и своим социальным положением. Он – один из тех, кто в начале XX в. оказывал материальную поддержку духовному и общественному возрождению, культурному развитию татарского народа.

В последние десятилетия в татарском литературоведении появились труды, посвященные исследованию межлитературного процесса, который отражает глубинные закономерности национального художественно-эстетического развития. Татарские писатели начала XX в. творчески восприняли опыт инациональных литератур, ориентировались на него в решении стоящих перед ними специфических художественно-эстетических задач. Д. Загидуллина в своих работах, посвященных исследованию разных художественно-эстетических систем в татарской литературе начала XX в., пишет о ее синтетической природе: «Синтетические тенденции, присущие любой культуре в период формирования, становления авангарда, в татарской литературе свидетельствовали о взаимопроникновении восточных и художественных традиций, об особенностях адаптации чужих эстетических достижений исходя из национальных запросов»¹. Рассматривая художественное слово Дердеменда только в контексте философско-эстетической мысли Востока и Запада, можно выявить своеобразие художественного мира поэта. Этим определяется актуальность данной работы.

В трудах ученых-литературоведов преимущественно исследуются особенности мироощущения, типа мышления поэта в контексте философско-эстетической мысли Востока и Запада. Научная новизна данной статьи заключается в попытке осмыслить функциони-

рование и эволюцию сущностно важных для художественного мира Дердеменда образов-символов в контексте разных художественно-эстетических систем, западного и восточного культурного диалога.

Мухаммедзакир Рамиев (Дердеменд, псевдоним поэта, означает «грустный», «скорбящий», «горюющий» человек) родился в 1859 г. 23 ноября в деревне Зирган Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии в семье торговца Мухаммедсадыка. Очень разумно и дальновидно распорядившись своими делами Мухаммедсадык в 1862 г. переехал со своей семьей в деревню Юлык того же уезда, открыл там золотой прииск и стал преуспевающим золотопромышленником. Известный турецкий ученый и общественный деятель Гадиля Айда в своей книге «Садри Максуди Арсал» (Анкара, 1991) очень справедливо назвала Рамиевых «золотыми королями России».

На небосклоне татарской поэзии Дердеменд был признан как классический поэт-романтик, заложил основы философской лирики. Литературной деятельностью он начинает заниматься после возвращения из Стамбула в Россию в 1890 г., где он самостоятельно изучал турецкий язык и литературу, как вольнослушатель посещал лекции по словесному искусству, интересовался европейскими языками, а также по инициативе своего брата Шакира Рамиева знакомился с культурно-просветительскими учреждениями и с типографическим делом. В 1902–1903 гг. в газете «Терджиман» печатаются его стихи и рассказы небольшого объема. Расцвет его творчества приходится на 1906–1908 гг.

Закир Рамиев, продолжая традиции татарской литературы Средневековья и суфийской поэзии, приходит к синтезированию достижений западной и восточной культур. Духовное наследие поэта оценивается в каждый период та-

тарского литературоведения. Его творчество исследовано выдающимися учеными-литературоведами Г. Ибрагимовым, Дж. Валиди, Г. Сагди, Ф. Карими, Г. Халитом, И. Нуруллиным, Ю. Нигматуллиной, Н. Хисамовым, А. Саяповой, Д. Загидуллиной, Ф. Яхиным и др. В последние годы поэзия Рамиева стала привлекать внимание и ученых Европы. Например, немецкий ученый, автор работ по восточной литературе и истории, Михаэль Фридерих так пишет: «...его лирическая поэзия напоминает своеобразную скалу, выступающую среди пенящихся время от времени волн татарской литературы начала XX века»².

В научных работах красной нитью проходят суждения о художественном совершенстве, о глубине философской мысли, об общечеловеческих ценностях в поэзии Дердеменда, «создавшего особую литературную школу, особое течение в татарской поэзии». В первых же исследованиях делаются первые шаги в направлении толкования лирики Закира Рамиева в сравнительно-историческом плане в контексте западной и восточной литератур. Например, Габдрахман Сагди оценивает значение стихов Дердеменда в двух плоскостях: «Во-первых, они в татарской литературе представляют собой прекрасный образец самого высокохудожественного, самого благозвучного, самого лаконичного стиля; во-вторых, как глубокомысленная философская лирика они прекрасны в европейском смысле и представляют собой образец творчества с глубоким содержанием»³. Г. Ибрагимов в своей книге «Татарские поэты», вышедшей в свет в 1913 г., в красивых образных выражениях высоко оценил стихи Дердеменда с точки зрения достижений обеих литератур, отметив удивительное соответствие их стилистических особенностей внутреннему содержанию, их художественное совершенство: «У него смысл так совпадает..., что, боже упаси, хотя бы одно из слов упустить, заменить другим словом или поменять его место, это совершенно невозможно. Застываешь в изумлении, видя это сочетание строгости, скромности с необыкновенной красотой, будто прекрасные гурии, вобравшие в себя всю природную прелесть Востока, оделись по последней западной моде, изысканно и с тонким вкусом»⁴.

Поэзия Закира Рамиева представляет собой неповторимое, весьма своеобразное и уникальное явление в новой татарской литературе начала XX в. Литературно-эстетические корни поэзии Дердеменда восходят к восточной фи-

лософии, к традициям классической восточной литературы, русско-европейской литературы. «Творчество Дердеменда как художественное явление образовано из различных поэтических школ и эстетических начал», – пишет Н.Хисамов⁵. Лирика Дердеменда далека от спорных, злободневных, сиюминутных проблем современности. Для его строгой сдержанной поэзии характерны вечные темы, важные для всего человечества. В ней заботы мира, общечеловеческие проблемы вселенского масштаба, тонкие духовные переживания, красота окружающего мира.

Его философско-символического содержания стихотворение «Корабль» (1908) является неповторимым литературно-художественным новшеством в татарской поэзии начала XX в. Оно продемонстрировало Дердеменда как уникального, оригинального в татарской литературе поэта. «Дердеменд появился в татарском литературном мире в начале восьмого года на чудо-“корабле”, который двигался, с грохотом разрезая волны бушующего моря», – писал Г. Ибрагимов в своей книге «Татарские поэты» (1913)⁶. *«И день и ночь / Грохочет море... / А паруса рвет ветер злой! / Не превозмочь, / Не переспорить, / Несет корабль к земле чужой... / Волна нагрянет, / Ее кручина / Швырнет корабль страны родной!.. / Какие пути, / Какая пучина, / Тянет нас жертвы требуя какой?!»* (Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Т. Г.).

В этом стихотворении отражены глубокие раздумья поэта о мире, о силах, движущих историю, о стране, родине, нации и судьбах людей, охваченных этим движением. На пути постижения смысла, социально-философского содержания этого стихотворения в татарском литературоведении накоплен довольно большой опыт. Воплощение символических и мифологических образов в произведении трактуется учеными в плоскости различных научных, философских учений и концепций. В стихотворении отражены размышления Дердеменда о том, что ждет татарскую нацию и вообще страну, человечество в будущем. Переходный период, время революционных, социально-исторических преобразований, к чему это приведет, каким будет результат – не известно, «в этой неопределенности Дердеменд ищет ясности». Образ-символ «корабль», который разрабатывался близким по духу Дердеменду русским поэтом А. Фетом, содержит национальный, исторический и «вечностный» смысл.

Известный татарский поэт Сибгат Хаким в своем вступительном слове «Мастерство поэта» к книге Дардеменда «Веют ветры» спрашивает: «В чем сила стихов Дердеменда?» И отвечает: «В их философских обобщениях...»⁷. Каждое стихотворение Закира Рамиева обладает этим свойством. В лирике поэта значительное место занимают проблемы широко распространенные не только в татарской, но и в мировой литературе – место человека в этом мире. Эта общечеловеческая тема находит отражение в его поэзии в различных аспектах. Часть стихов поэта посвящена философским размышлениям о противоречиях между жизни и смерти. На эту особенность лирики Дердеменда обращают внимание и современники поэта. «То, что проходит красной нитью через все стихи Дердеменда от начала до конца, – это пессимизм, безнадежность, конечность бытия, бессмысленность жизни. Он не ведет речь о пяти – десяти годах: он представляет себе сто, тысячу, может, миллионы лет и видит, что все меняется и исчезает одно за другим», – пишет Фатих Карими⁸.

В творчестве З. Рамиева стихи, содержащие мотивы конечности бытия, неопределенности смысла жизни, занимают значительное место. Обратим внимание на одно из них – «Лежу иногда, грустя». *«Лежу иногда, грустя, / Слушая тишину, / Лишь эхо шумит в ушах. / Думаю: Что это? Отчего это? / Вместо ответа – журчание воды / Все вокруг мерцает и шумит»*. Стихотворение в иносказательной форме изображает грустные переживания лирического героя. Музыкально звучащее стихотворение содержит образы: проточная вода, тишина, эхо, которые обозначают непостижимость жизни и бескрайность мира. Однако вопросы лирического героя об издали доносящемся эхе остаются без ответа. Ощущение иной реальности, кроме земной жизни, ее неопределенность, вызывают грустные раздумья.

В стихотворении «Мы» (1910) Дардеменда, по словам его современника Г. Сагди, место человека во вселенной изображается в аспекте «общности», «глобальности». *«Прошли века, ушли...ушли года! / Пророки, падишахи тоже ушли, прожив свой век. / Жизни прошли караван за караваном, / Пришли и ушли страны мира»*. Стихотворение содержит философские размышления автора о времени и человеке, о конечности бытия, о течении жизни, о неопределенности судьбы, о жизни и смерти. «В выражении своих философских мыслей поэт удивительно лаконичен и глубок. Таковы его

мысли о том, что перед смертью все равны: и пророки, и падишахи, и простые люди, жизнь конечна не только для человека, но и для целых стран, неечно и материальное богатство; человек – странник по жизни, прохожий; жизнь преподносит человеку тяжелые испытания («жизнь неистово побила его»)⁹. Перед быстрой жизнью, завершающейся смертью, человек предстает как бессильный странник в беспощадном мире, в смиренном и безвыходном положении: *«Дуют ветры, взметая пески, заметая следы. / Какая горечь! И мы умрем»*. Восточные образы, символы – следы, ветер – способствуют выражению философской мысли и подчеркивают, что быстротечность времени и конечность бытия – это закон жизни. «Вечность и время занимают доминирующее положение в поэтическом космосе Дердеменда, – утверждает А. Саяпова. – Они являются основными понятиями мироздания, бытия в поэзии Дердеменда, которые несут память о древних представлениях, демонстрируя изменчивость и одновременно обнаруживая неизменяемую основу, формируя символическую модель мира»¹⁰.

В части стихов Дердеменда мотивы Родины, родной страны, племени-рода изображаются на фоне национально-исторической судьбы татарского народа, его рассеянности по всей земле, отдаленности большинства от древних национальных центров. *«Что дороже – родина? / Ах, дорого родное племя! / Кровью свято оно, / Что выше священных уз! / Узы останутся, родина уйдет, / Узы останутся, родина уйдет»* – пишет он, утверждая, что нация, племя дороже, чем родина. В четверостишье *«За отчий дом / Пожертвую тысячью своих жизней. / За край, где я родился и вырос, / Пожертвую последней каплей крови»* Дердеменд философски утверждает, что край, где он родился и вырос, дороже отчего дома.

В поэзии Дердеменда, который мастерски выверял каждое слово и добивался глубокого смысла образов, есть ряд произведений, содержащих мотивы пера, творчества. Эта тема, переплетающаяся с мотивом обращения к прошлому, отображается в одном из первых серьезных стихотворений поэта – «Обращение к перу» (Калэмгэ хитап) (1906). *«Перо! Какая тайна у тебя внутри – скажи. / Расскажи о тех, кто ушел, / Проливая слезы на эту бумагу, / Какие грустные мысли у тебя – скажи нам! / У могилы предков скорбит душа, В отцовском духе есть надежда... / Земля полна скор-*

бью замученных. / Кто они? Чьи они жертвы? / Перо! Какая тайна у тебя внутри – скажи. / Расскажи о тех, кто ушел, / Проливая слезы на эту бумагу, / Какие грустные мысли у тебя – скажи нам!» Это стихотворение только очень условно можно назвать одним из первых стихотворений Дердеменда. И с точки зрения смыслового содержания, и по художественному воплощению это совершенное произведение. В нем отражены основные особенности лирики Дердеменда, его природный талант, его мировоззрение, литературно-эстетические вкусы. Закир Рамиев, веривший в силу поэтического слова, обращается к перу с просьбой рассказать об исторических событиях, о делах ушедших поколений, о скорби замученных, об их горестных переживаниях. Выражения «могилы предков», «надежды отцовского духа» дают повод связать общефилософское содержание стихотворения с судьбой татарского народа.

Мотив пера продолжен в стихотворении «Поэту», написанном в форме обращения к поэту в иноказательных выражениях. Образы цветка, соловья, взятые из суфийской литературы, традиционный образ кречета, а также имеющий в словесном искусстве отрицательный оттенок образ ворона он подчиняет описанию пера. Основная мысль, которую хочет высказать поэт, приведена в последней строфе. «... Не возносись, о соловей, / Сумей отличить цветок от репейника. / Если на языке язвительность и злость, / То не будешь понят цветком. / Подражая ворону, / Дорогой, не тараторь всякую чушь. / Будь певцом прекрасных цветов, / Блюстителем прекрасного». Соловей в стихотворении символизирует поэта, а цветок помогает подчеркнуть понятие красоты. В произведении проводится мысль о том, что творческий человек должен писать о красоте. Содержание этого объемного стихотворения, что нехарактерно для дердемендского пера, этим не ограничивается. В нем содержатся еще и нравственные взгляды поэта и его отношение к национальной литературной среде и культуре. Если обратиться к истории создания этого стихотворения, то, по некоторым сведениям, оно написано в связи с разногласиями между Закиром Рамиевым и другим великим сыном татарского народа – Габдуллой Тукаевым, то есть оно написано как ответ Тукаю. «Татарский народ, веками жаждавший свободы слова, свободы мысли, получив свободу печати, спешил воспользоваться ею в полном объеме для самых разных целей. Споры, дискуссии, обме-

ны мнениями, столкновение различных точек зрения относительно литературной славы, поэтической миссии Тукая заполняли страницы газет и журналов»¹¹.

По природе сдержанный, доброго нрава, честный и прямолинейный Дердеменд и в творческих делах предпочитает справедливость. В стихотворении еще один добавочный мирской смысл – человек, зарабатывающий себе на жизнь творчеством, в погоне за прибылью встает на путь обмана, дискредитируя тем самым литературное произведение, снижая его ценность. Таким бесталанным писателям поэт дает отрицательную оценку в ироничной форме. В произведениях этой группы, например в своем афоризме-двустиише, он пишет: «*В моей душе есть небольшая обида, / А на языке есть острая язвительная игла*». Вот этой самой «острой иглой» он выражает свою остро отрицательную критику. Не желая мириться с появлением на литературной арене начала XX в. слишком большого количества низкопробных стихов, Дердеменд, будучи блюстителем эстетики, «в поисках афористических находок обращается к дастану «Идегей»¹². Для утверждения мысли о том, что не каждый может иметь поэтические способности, «афористическая фактура взята из дастана «Идегей». «*Не все овцы с рогами – бараны защитники стада, / Не любая птица – кречет. / Кто не зарифмует фразы, любой сможет, / Хромой ишак не пегас*».

В лирике Дердеменда стихи, описывающие природу, отличаются особой красотой и совершенством. Любовь к родным местам, к своим соплеменникам в лирике Закира Рамиева изображается через картины родной природы. «*Взошло солнце, рассыпав лучи красные, / Украсив горы, украсив поля, цветы взошли. / Тихо кругом, ни шороха, роса на траве, / Мерцает, играет поверхность земли*». Картины прекрасной природы, проведенные сквозь душу поэта и уложенные в поэтическую форму, встают перед глазами читателя: «*Это она, прекрасная, это она прелестная, / Это она, / Это она, благоухающая весна! / Это он, благоухающий утренний ветерок...*» («Бу – ул матур, бу – ул күркәм» – «Это она прекрасная».

В творчестве Дердеменда есть стихотворение «Лето прошло», которое может быть истолковано в разных плоскостях. «*Лето прошло... / Пришла осень с дождем и снегом, / Заледенела лощина... / Засох цветок, / На стебле осталась обида. / Соловей! / Для тебя остался один из*

шипов». На первый взгляд, здесь описывается картина природы, одно из состояний осенней поры. Некоторые ученые относят это стихотворение к образцам пейзажной лирики¹³. Но рассматривать это стихотворение как чисто пейзажную лирику, с нашей точки зрения, было бы излишним упрощением его содержания.

Дердеменд обращается к таким традиционным образам, как гөл / цветок, былбыл / соловей, которые имеют богатую историю использования в восточной литературе. М. Ибрагимов, в трудах которого исследуются отдельные аспекты рассматриваемой нами темы, пишет, что в культурной самоидентификации татарских писателей начала века «восток» был не менее значим, чем «запад», иначе говоря, усваиваемая татарскими писателями модернистской ориентации европейская неклассическая картина мира уравнивалась связанными с восточной культурой национальными традициями¹⁴. Пара «цветок – соловей», как известно, относится и к суфийской символике. Имеющие иносказательное значение образы боз / лед; кинэ / злоба; инэ / шипы также расширяют философский смысл стихотворения. В любовной лирике Востока гөл / цветок – это красивая девушка, возлюбленная; былбыл / соловей – влюбленный юноша, сгорающий от любви. Эти образы позволяют отнести это стихотворение к любовной лирике. Осень с дождем и снегом, лед, образовавшийся в излучине реки, символизируют остывание и исчезновение чувств влюбленности, любви. Образы кинэ / злость, инэ / шипы – обида девушки на любимого, шипы – постоянное напоминание об обиде. Ф. Сайфулина, И. Гумеров, авторы многочисленных трудов по суфийской литературе Востока, утверждают, что для выражения концепции абсолютной любви представители суфийской литературы, кроме часто используемых образов свечи и бабочки (мум и парвана), цветка и соловья, обращаются также к изображению реальных действий, исторических событий¹⁵. Д. Загидуллина отмечает еще один религиозно-суфийский смысл этого стихотворения: «Если рассматривать с позиции суфийской эстетики, на передний план выходит другая идея: потеря веры, любви к Аллаху терзают душу человека, наполняет его раскаянием. В этом случае влюбленность принимает смысл истинной любви»¹⁶.

Если остановимся на проблеме отношения Дердеменда к Октябрьскому перевороту 1917 г., к общественно-политическим и эко-

номическим изменениям в России, к его размышлениям о собственном месте в это бурное время, наше рассмотрение его уникального творчества было бы в некоторой степени завершенным. Дердеменд, материально независимый, свободный по сравнению с другими, жил, ощущая свое особое творческое состояние. Об этом ощущении он дает понять и своих четверостишьях: *«Если нет у меня достаточного богатства, / Я же не ишак, не обременен грузом. / В каждом своем деле – сам себе голова / Я спокоен, живу себе со спокойной душой»*.

В стихотворении «Довольна страна», написанном в период Октябрьской революции, Дердеменд, используя богатый арсенал символов и развивая их светские смысловые оттенки, пытается прояснить свою личную и творческую судьбу, определить свое отношение к революционным событиям. *«Довольна страна, взмахнули крыльями ангелы, / Испугленно, осознавая все, плюнул шайтан!.. / Хватит, не рвись, душа, / Хоть ты и жених, но не для этой свадьбы! / Когда вселенная играет свадьбу жизни, / Твое место – среди умерших»*. В этом стихотворении Дердеменд, не принявший перемен, говорит о своем нежелании приспособиться к новой исторической реальности, отказывается сотрудничать с советской властью. *«Хоть ты и жених, но не для этой свадьбы, / Твое место – среди усопших»*, – говорит он, подчеркивая свою ненужность, бесполезность в этом обществе. В этом стихотворении отражено то, что Закир Рамиев, сомневавшийся в успехе большевистской идеи построения социалистического общества, в том, что страна советов окрепнет и получит международное признание, и надеявшийся на возвращение прежнего общественного строя, пережил личную драму, душевную трагедию.

В одном из своих последних стихотворений, пророчески предвидя преследования за свободомыслие, то, что творческая деятельность примет шаблонную форму, ущерб, который нанесут татарскому народу, его интеллигенции годы культа личности, пишет так: *«Хватит, Дардеменд! Будь краток, / В застывшую душу не бросай лед! / Для спокойствия души, чтобы язык был закован, / Для чистоты совести на уста свои повесь замок»*. И, словно не желая мешать новым хозяевам жизни, умолкает муза Дердеменда.

Лирика Закира Рамиева подняла татарскую поэзию до уровня мировой литературы и показала, что татарская поэзия начала XX в. начала

двигаться в том же смысловом направлении и в тех же поэтических формах, что и восточная и западная литература.

Примечания

¹ Загидуллина, Д. Ф. «Неклассический тип культуры» в татарской литературе: к постановке проблемы // Науч. Татарстан. 2012. № 4. С. 48

² Фридерих Михаэль. Сокол летит на восток... / пер. с нем. И. Гилязова] // Огни Казани. 2009. № 4. С. 137.

³ Габдрахман Сагди : науч.-биограф. сб. / сост. Д. Загидуллина, Ч. Гилязова. Казань, 2008. С. 115.

⁴ Ибрагимов, Г. Г. Татарские поэты // Соч. : в 8 т. Т. 5. Статьи, труды о литературе и искусстве. Казань, 1978. С. 99.

⁵ Хисамов, Н. Ш. Дердеменд. Очерк о жизни и творчестве // Братья Рамиевы : науч.-библиогр. сб. Казань, 2002. С. 300.

⁶ Ибрагимов Г.Г. Указ. соч. С. 97.

⁷ Хаким, С. Т. Мастерство поэта // Дердеменд. Веют ветры : стихи, воспоминания, короткие рассказы. Казань, 1980. С. 11.

⁸ Братья Рамиевы : науч.-библиогр. сб. Казань, 2002. С. 107.

⁹ Габдрахман Сагди. С. 90.

¹⁰ Саяпова, А. М. Поэзия Дердеменда и символизм. Казань, 1997. С. 191.

¹¹ Гилязов, Т. Ш. Проблема литературной репутации Г. Тукая в научно-критической мысли первой четверти XX века // Филология и культура = Philology and Culture. 2013. № 3 (33). С. 184.

¹² Хисамов, Н. Ш. Указ. соч. С. 296.

¹³ Фридерих Михаэль. Указ. соч. С. 140.

¹⁴ Ибрагимов, М. И. Мифопоэтика в сопоставительном изучении литератур // Филол. науки. 2008. № 2. С. 43.

¹⁵ Сайфулина, Ф. С. Творчество Гали Чокря: традиции суфийской литературы / Ф. С. Сайфулина, И. Г. Гумеров // Филология и культура = Philology and Culture. 2013. № 3 (33). С. 212.

¹⁶ Загидуллина, Д. Ф. Трансформация картины мира в татарской литературе начала XX в.: на материале философских произведений : монография. Казань, 2006. С. 63.

ТИПЫ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНО-КОММЕРЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Приводятся данные анализа креолизованных текстов социально-коммерческой интернет-рекламы. Выделяются и анализируются типы креолизации на основе соотношения вербального и невербального компонентов, описывается их специфика.

Ключевые слова: социально-коммерческая реклама, интернет-реклама, креолизация, вербальный, невербальный.

Визуальные образы давно и эффективно эксплуатируются в рекламе разного рода: коммерческой, политической, социальной и социально-коммерческой. Визуальный компонент, в большинстве случаев, не обособлено функционирует в рекламном тексте. В совокупности с вербальным компонентом изображение также несет определенную смысловую нагрузку и выполняет заданные функции. Задача, поставленная в этой статье, заключалась в выявлении типов креолизации текстов социально-коммерческой рекламы на основе соотношения между вербальным и визуальным компонентами. Для достижения поставленной задачи в нашей работе мы обращались к классификации креолизованных текстов, разработанной Г. Н. Тельминовым на материале коммерческой рекламы, содержащей репетиционные, аддитивные, выделительные, оппозитивные, интегративные и изобразительно-центрические креолизованные тексты¹.

Объем направленной выборки составил 261 текст рекламы социально-коммерческого типа, где в качестве невербального компонента присутствовало изображение². Были получены следующие количественные данные по вопросу о специфике взаимодействия вербального и невербального компонентов:

интегративные креолизованные тексты составили 84 единицы (32,2 %);
репетиционные – 72 (27,6 %);
изобразительно-центрические – 57 (21,8 %);
выделительные – 25 (9,6 %);
аддитивные – 20 (7,7 %);
оппозитивные – 3 (1,1 %).

Результаты анализа социально-коммерческой рекламы демонстрируют, что самым распространенным является рекламный текст интегративного типа креолизации, что в процентном соотношении составляет 32,2 % из 100 %. Обратимся к рекламе компании Starwars (рис. 1), выпускающей канцелярские товары.

Рис. 1. Реклама компании Starwars

Анализируемый креолизованный текст состоит из вербальной части: «Use your force to help children. Buy a Star Wars typographic poster and make a child wish come true. <http://www.makeawish.it>» (Используй свою «Силу», чтобы помогать детям. Купи плакат Star Wars и воплоти мечту ребенка в реальность. <http://www.makeawish.it>) и иконического компонента, в качестве которого выступает изображение Дарта Вейдера – отрицательного героя эпопеи «Звездные войны», наделенного «особой Силой». Без указанного иконического компонента неясно, о какой «Силе» идет речь в вербальной части текста, с другой стороны, без вербального сопровождения неясно намерение компании перечислять часть средств от продажи постеров в фонд помощи детям. Благодаря взаимодействию вербального и невербального компонентов при восприятии рекламного сообщения в сознании реципиента создается отчетливый образ героя, использующего свой дар не ради разрушения, как в культовом кинофильме, а ради поддержки детей. Помимо этого, иконический компонент креолизованного текста соотносится с названием компании, выпускающей данную рекламу, которое совпадает с названием кинофильма Star Wars («Звездные войны»).

Ярким примером интеграции вербального текста в иконическую составляющую является

ся реклама автоконцерна KIA, изображенная на рис. 2. На плече молодого человека выбита татуировка с изображением пожилой женщины, содержащая следующую надпись: «I took Mary's life on March 1, 1977» (Я лишил Мэри жизни 1 марта 1977); далее текст предупреждает: «The consequences stay with you forever. If you drink, don't drive» (Последствия остаются с тобой навсегда. Если пьешь, не садись за руль).

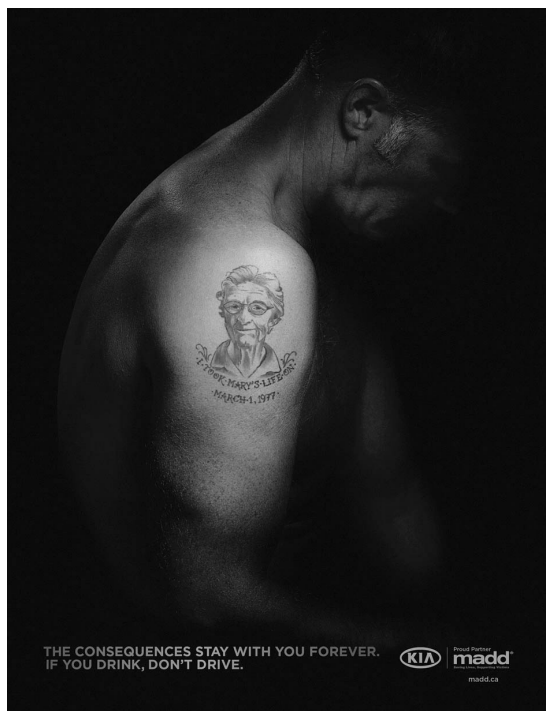

Рис. 2. Реклама автоконцерна KIA

Благодаря взаимодействию вербального и невербального компонента становится ясным сообщение, передаваемое данной рекламой – последствия неосторожной езды за рулем остаются на всю жизнь.

Вторым по частотности является репетиционный тип креолизованного текста социально-коммерческой рекламы, где иконический компонент является иллюстрацией к вербальному тексту. Рассмотрим несколько примеров.

В рекламе газовой компании Gasum (рис. 3) акцент сделан на использовании возобновляемых источников энергии. Изображение колонки в виде стопки дров является точной иллюстрацией к тексту: «Fill up with 100 % domestic and renewable fuel. Switch to biogas» (Заправляйся 100 % возобновляемым топливом. Переходи на биогаз).

На рис. 4 книжный дом Weller сообщает адресату, что знания – это сила, а книжный дом – арсенал, так как главным средством получения знаний-силы является книга. Иконический

компонент копирует вербальную содержащую, изображая девушку, держащую в руке книгу в качестве оружия.

Согласно результатам анализа, 57 (21,8 %) текстов социально-коммерческой рекламы из 261, содержащих изображение в качестве иконического компонента, относятся к изобразительно-центрическому типу креолизации, где основное рекламное сообщение несет иллюстрация, а вербальный текст лишь поясняет ее, но не является обязательным.

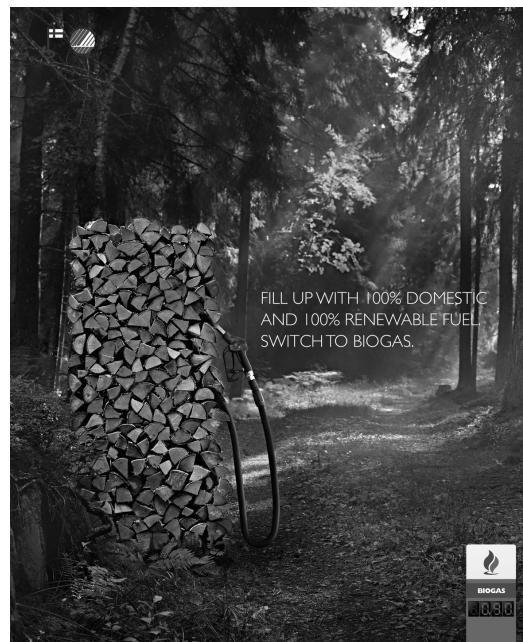

Рис. 3. Реклама газовой компании Gasum

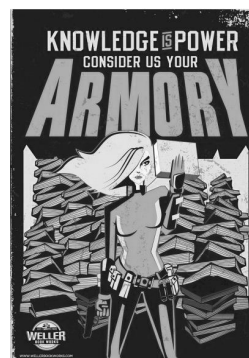

Рис. 4. Реклама книжного дома Weller

Например, на рис. 5 изображена реклама из серии, выпущенной журналом National Geographic в защиту окружающей среды. Креолизованный текст представляет собой изображение инопланетян в космическом корабле, смеющихся над загрязнением окружающей среды на нашей планете. Визуального ряда достаточно для передачи рекламного сообщения. В нижнем правом углу расположена надпись, поясняющая иллюстрацию: «Let's not

be the joke of the universe» (Не будем поводом для насмешек вселенной).

Согласно данным, полученным в ходе исследования социально-коммерческой рекламы, менее распространенными являются выделительный и аддитивный типы креолизации. Из 261 текста рассматриваемой рекламы 25 (9,6 %) относится к выделительному типу креолизованного текста, 20 (7,7 %) – к аддитивному.

Рис. 5. Реклама National Geographic

Рассмотрим по одному примеру из каждой группы. Реклама на рис. 6 и 7 относится к выделительному типу креолизации ввиду того, что иконический компонент подчеркивает только один из аспектов, передаваемых вербально. Интерпретационный потенциал фразы «Protect children from the other versions» (Оградите детей от других версий) в рекламе системы родительского контроля Telefonica огромен. Иконический образ родителя, закрывающего глаза ребенка, чтобы он не увидел фильмы «для взрослых», основанные на детских сказках, конкретизирует сообщение, передаваемое данной рекламой. Если обратить внимание на фигуры родителей, стоящих за спинами детей, в них можно увидеть фрагменты фильмов, где главными героями изображены полуобнаженные Красная шапочка и Серый Волк, а также Белоснежка и семь гномов.

Рис. 6. Реклама системы родительского контроля Telefonica

Рис. 7. Реклама системы родительского контроля Telefonica

В следующих примерах визуальный ряд передает реципиенту дополнительную информацию, расширяя сообщение, передаваемое вербальным текстом. На рис. 8 изображена реклама журнала Pink Ribbon в поддержку женщин, перенесших рак груди. Изображение ребенка в качестве иконического компонента поясняет, что подразумевается под фразой «Women create more than breast cancer ever destroy» (Женщина создает то, что не сможет уничтожить рак груди), расширяя информацию, передаваемую данным креолизованным текстом.

Рис. 8. Реклама журнала Pink Ribbon

Реклама компании Bianco (рис. 9), выпускающей обувь, поднимает вопрос глобального потепления, создавая образ социально-ответственной организации. Изображение показывает следствие глобального потопления, представленное в виде потопа, тем самым дополняя призыв остановить глобальное потепление: «Please stop global warming» (Пожалуйста, остановите глобальное потепление).

Наименее представленными являются креолизованные тексты оппозитивного типа: 3 (1,1 %) из 261. Например, в рекламе (рис. 10), пропагандирующей равенство полов, иконическая часть текста вступает в противоречие с вербальной. В рекламе изображены марки,

выпущенные в честь бракосочетания принца Уильяма и Кэтрин Миддлтон, при этом стоимость марки с принцем составляет 3,40 \$, а марки с изображением невесты – 2,40 \$. Надпись, гласящая: «For us men and women are worth the same» (Для нас мужчины и женщины имеют одинаковую ценность), противоречит невербальной части сообщения, чтобы акцентировать неприемлемость подобного отношения к лицам женского пола.

Рис. 9. Реклама компании Bianco

Рис. 10. Реклама, пропагандирующая равенство полов

Подведем итог проведенного анализа. Задача, поставленная в этой статье, по выявлению типов креолизации текстов социально-коммерческой рекламы на основе соотношения между вербальным и визуальным компонента-

ми была решена. Исходя из анализа полученных данных, наиболее распространенными, а соответственно, и наиболее эффективными можно считать интегративный и репетиционный типы креолизованных текстов, а наименее эффективными – оппозитивные, редко применяемые для маркирования социальных проблем.

Примечания

¹ Тельминов, Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. 2009. № 5. С. 300–304.

² Материал взят из интернет-источников:
<http://www.adme.ru>;
<http://www.social-advertising.info>;
<http://www.creativeadvertisingworld.com>;
<http://www.adsoftheworld.com>;
<http://www.adsora.com>;
<http://www.eroglamour.com/2012/05/12/social-advertising.html>;
<http://www.designyoutrust.com>;
<http://www.socialads.blogspot.ru>;
<http://www.fastcocreate.com>;
<http://www.stopgreenwash.org>;
<http://www.arcticready.com/social/gallery>;
<http://www.whatsupkuwait.com>;
<http://www.adland.tv>;
<http://www.bestadsonline.com>;
<http://www.coloribus.com>;
<http://www.elephantjournal.com>;
<http://www.act-responsible.org>;
<http://www.enpundit.com>;
<http://www.blog.wonderfulmachine.com>;
<http://www.nydailynews.com>.

АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-ИНТЕРВЬЮ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФАКТОРА АДРЕСАТА

Рассматриваются англоязычные и русскоязычные интервью с позиции фактора адресата. С помощью модифицированной типологии адресата выявляется тип адресата в жанре интервью и то, какое влияние данный тип адресата оказывает на дискурс адресанта. Исследование проводится как на дискурсивном уровне, так и на языковом (синтаксическом) уровне.

Ключевые слова: интервью, дискурс, дискурс-анализ, адресант, адресат, коммуникативная синтаксическая единица.

Интервью – это жанр публицистики, который представляет собой беседу журналиста с социально значимой личностью [13. С. 502; 14].

Материалом исследования послужили транскрипты трёх интернет-интервью с английскими профессорами Стивом Смитом, Лорной Анвин и Дэвидом Гиллборном и три интервью с отечественными профессорами Владимиром Александровичем Плунгином, Галиной Юрьевной Богданович и Мариной Леонтьевной Ремнёвой.

В ходе исследования мы решили выявить степень влияния фактора адресата на организацию дискурса адресанта. Прежде всего, необходимо уточнить, кого из участников мы рассматриваем как адресанта, а кого – как адресата. Например, если анализировать дискурс какой-либо известной личности, дающей интервью репортёрам, то адресантом является данная личность, а адресатом – та аудитория, с которой адресант создаёт коммуникативную ситуацию.

В подобных коммуникативных событиях обычно также принимает участие ведущий, или интервьюер. Именно он начинает, направляет и приводит к завершению коммуникативное событие. На наш взгляд, этого участника коммуникативного события нельзя назвать ни адресантом, ни адресатом в собственном смысле этих терминов. Он выполняет роль *регулятора* коммуникативного события. Без такого участника макрокоммуникативное событие может быстро затухнуть или начать развиваться в непредсказуемом направлении.

Мы задались целью исследовать избранные интервью по пространственной соотнесённости коммуникантов и типу свойственных им адресатов. Различные жанры дискурса характеризуются участием различных типов адресата:

1) дистанцированного / недистанцированного адресата-собеседника;

2) дистанцированного / недистанцированного массового адресата;

3) дистанцированного / недистанцированного адресата-вольнотрушателя.

Адресат-собеседник – это конкретное лицо, к которому обращается адресант с помощью жёстко адресованных прямых, а также косвенных и этикетных речевых актов. Массовый адресат может представлять собой как присутствующую, так и прогнозируемую аудиторию. Адресат – вольный слушатель, как и адресат-собеседник, – это персональный адресат. К адресату – вольному слушателю обращены обещания и утверждения адресанта, которые не требуют обязательной вербальной реакции с его стороны.

Интервью имеет сложную природу. Оно состоит из непосредственного контактного общения ведущего и собеседника в студии и опосредованного дистантного общения интервьюера и пользователей сети Интернет. Из этого можно заключить, что интервьюер организует общение с учётом «фактора двойного адресата» [9. С. 24–25]. Таким образом, в жанре интервью задействован дистанцированный массовый адресат (все интересующиеся обсуждаемыми проблемами), а адресант играет две роли – роль собственно адресанта (для всей аудитории) и роль адресата-собеседника (для интервьюера).

Мы полагаем, что участие определённых типов адресата и регулятора коммуникативного события зависит от жанра коммуникативного события и типа конкретного дискурса.

В. И. Карасик, который вслед за Н. Д. Арутюновой понимает дискурс как «текст в событийном аспекте» [1. С. 137], полагает, что он имеет различные измерения. По мнению учёного, дискурс можно исследовать по различным параметрам, которые в общем виде представляют собой следующие категории:

1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность);

2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии);

3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация);

4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия) [5. С. 240–250].

Жанр интервью можно охарактеризовать как текст в ситуации общения, тематически, стилистически и структурно оформленный и обладающий смысловой завершенностью. С точки зрения жанрово-стилистических категорий, для конкретизации данного типа дискурса воспользуемся, вслед за В. И. Карасиком, вместо термина «функциональный стиль» термином «формат дискурса», под которым понимается разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств [5. С. 246].

Формат дискурса играет немаловажную роль в реализации языка в конкретном дискурсе. Интервью представляет собой институциональный дискурс, т. е. «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормам данного социума» [5. С. 195]. Одной из разновидностей институционального дискурса является научный дискурс. В зависимости от характера адресата и степени специализации научного дискурса можно выделить несколько его разновидностей: собственно научную, научно-учебную, научно-публицистическую и др. Интервью с научными деятелями, как правило, выдержано в жанре научно-публицистического дискурса, в котором органически сочетаются особенности научного и публицистического дискурса.

Интервью протекает в форме диалога. Одной из важнейших характеристик диалога признается реактивность, т. е. немедленная реак-

ция одного на высказывание другого [3. С. 8]. Однако в различных сферах общения диалог принимает разные формы. В повседневном общении, например, собеседники действительно постоянно меняются коммуникативными ролями. Научно-публицистический жанр интервью также представляет собой серию чередующихся реплик интервьюера и интервьюируемого. Под репликой, вслед за Г. О. Винокуром, понимаем высказывание одного собеседника, не прерываемое словами другого собеседника [2. С. 36]. Однако реплики интервьюируемого значительно превосходят по объёму реплики интервьюера. Реплика интервьюируемого, как правило, представляет собой развёрнутый ответ на реплику интервьюера. Не случайно некоторые лингвисты различают интервью-монолог и интервью-диалог [4. С. 64–90]. Поскольку интервьюер постоянно вступает в процесс коммуникации с интервьюируемым, считаем целесообразным квалифицировать интервью как специфическую форму диалога, а не монолог. Что касается жанрово-стилистических категорий дискурса, участники общения могут разворачивать диалог в пределах того или иного жанра в соответствии с обстоятельствами общения. В жанре интервью интервьюируемый, т. е. адресант, выступая в роли адресата для регулятора, нередко значительно увеличивает объём собственного дискурса, превращая его в своеобразный монолог на заданную тему.

Дискурс характеризуется целым рядом содержательных категорий, например: образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость и др. Однако важнейшей содержательной категорией дискурса обычно признаётся адресативность [5. С. 247], что обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Полагаем, что формально-структурные категории дискурса, такие как композиция, членимость и когезия, напрямую связаны с категориями дискурс-анализа, поскольку они характеризуют способ организации текста. Дискурс-анализ понимают как интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности [7. С. 98].

Лингвистами выделяется довольно большое количество категорий дискурс-анализа:

1) мена коммуникативных ролей или взятие репликового шага [8. С. 7];

2) коммуникативная стратегия [7. С. 122–123];

3) когеренция (смысловая связность) и когезия (формально-грамматическая связность) [16. С. 223–226; 18. С. 27; 21. С. 315–332];

4) метакоммуникация (общение, направленное на собственно общение) [7. С. 98; 22. С. 48–50].

Мы полагаем, что категории дискурс-анализа варьируются в зависимости от типа адресата либо наличия / отсутствия регулятора коммуникативного события.

Мена коммуникативных ролей в научно-публицистическом жанре интервью имеет место между регулятором (интервьюером) и адресантом (интервьюируемым). В научно-публицистическом дискурсе мена коммуникативных ролей адресанта и регулятора подразумевается, а не назначается, регулятор, как правило, сам иницирует часть вопросно-ответного единства.

Коммуникативная стратегия, по мнению А. А. Романова, – это тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей [11. С. 103]. В рамках научно-публицистического дискурса, на наш взгляд, в дискурсе адресанта глобальной стратегией является стратегия аргументации, локальной стратегией – стратегия когеренции, которая реализуется с помощью когезии – грамматической связности дискурса. Адресант, то есть интервьюируемый, пользуется стратегией аргументации при объяснении того или иного явления или факта, о котором регулятор запрашивает информацию. Стратегия локальной когеренции помогает адресанту логично выстроить свой дискурс. В плане грамматической и смысловой связности, дискурс адресанта под влиянием регулятора коммуникативного события в жанре интервью характеризуется строгой логической последовательностью коммуникативных ходов.

Interviewer: *What do you see as the strength of the Journal of Vocational Education & Training as an academic journal compared to other titles in the field?*

L. Unwin: *I would like to argue that a key strength of the Journal of Vocational Education & Training, which we on the board tend to refer to as JVET, is that it takes vocational education and training seriously. Its breadth of coverage means that it is a forum for debate about vocational education and training in its broadest sense* (Анвин).

Данный пример демонстрирует логично выстроенное диалогическое единство с конкретным ответом профессора Лорны Анвин на по-

ставленный вопрос интервьюера о преимуществах журнала, редактором которого она является, перед другими аналогичными изданиями.

Значительную роль в метакоммуникации играет фатический компонент, поэтому в жанре интервью адресант, ввиду отсутствия персонального адресата, как правило, не использует фатические метакоммуникативные средства. Регулятор коммуникативного события также редко прибегает к использованию фатической метакоммуникации, поскольку основная коммуникативная цель регулятора – получение желаемого вербального или – реже – невербального действия (получение информации), а не общение ради собственно общения.

Далее рассмотрим единицы дискурс-анализа с точки зрения фактора дистанцированного массового адресата. Лингвисты выделяют следующие единицы дискурс-анализа:

1) коммуникативный ход – вербальное или невербальное действие одного из участников;

2) простые и сложные обмены коммуникативными ходами: простой обмен – это минимальное диалогическое единство; в случае сложного обмена простой обмен сопровождается репликой – подхватом:

S. Smith: *The pace of change is going to be greater than before and I think all of us that have been in management for years in universities have grown used to one environment, and it's going to be a different environment So the number one problem will be that and of course, from that concern, everything else comes.*

D. Owen: *Absolutely, and one of the biggest changes in the environment has been the election of a new government that happened last month. What change, if any, do you think this will bring about to the environment in higher education?* (Смит).

В данном примере профессор Стив Смит и регулятор коммуникативного события Дерфель Оуэн обмениваются репликами, последняя является репликой-подхватом, функция которой, на наш взгляд, – поддержание беседы.

3) Трансакция, или фаза, – это дискурсивная единица, представляющая собой комплекс обменов коммуникативными ходами, которые, на наш взгляд, объединены одной микротемой диалога; границы трансакции определяет регулятор, вводящий новую микротему, нередко посредством вопроса;

4) завершённое коммуникативное событие, соответствующее событию в реальной жизни [7. С. 11–115; 17. С. 25].

В целом интервью представляет собой завершённое коммуникативное событие, соответствующее событию в реальной жизни, состоящее из трансакций, оформляющих обмена коммуникативными ходами. В жанре интервью обмена коммуникативными ходами, как и трансакции, возможны только между адресантом и регулятором.

Коммуникативный ход – это минимальная дискурсивная единица, развивающая общение в рамках единой коммуникативной цели. Под коммуникативной целью понимаем общее целевое начало (возможно, комплексное), целевой план, проект, который определяет, задает (или должен задавать) все речевое поведение субъекта в данном общении и в его отдельных репликах [11. С. 21].

Дистанцированность массового адресата исключает возможность простых и сложных обменов коммуникативными ходами. Означает ли это, что понятие коммуникативного акта не применимо к анализу коммуникативных событий с дистанцированным адресатом? На наш взгляд, применимо. Если коммуникативное событие замкнуто только на адресанте, оно теряет прагматический смысл. Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о *потенциальном характере массового адресата*, поскольку его реакция всегда отсрочена и не всегда доступна адресанту. Если адресат и узнаёт её, то, как правило, не непосредственно, а через посредника. Тем не менее адресант всегда строит свой дискурс, ориентируясь на массового дистанцированного адресата.

Присутствие адресата-вольнослушателя также, несомненно, влияет на организацию дискурса адресанта, однако выявить это влияние в изучаемых транскриптах интернет-интервью практически невозможно.

Влияние фактора адресата проявляется и на языковом уровне. Прежде всего, сопоставим объём реплик интервьюируемых и интервью-

еров в коммуникативных синтаксических единицах.

Поскольку материалом исследования послужили транскрипты интервью, в качестве границ коммуникативных синтаксических единиц рассматриваем заглавную букву и конечный знак пунктуации [15. С. 159–174]. Но это не означает, что мы придерживаемся орфографического определения коммуникативной синтаксической единицы.

При качественном анализе коммуникативных синтаксических единиц, мы, вслед за И. И. Прибыток, принимаем во внимание наличие / отсутствие предикативности, а также качественный характер присущей коммуникативной синтаксической единице предикативности. Однако на первом этапе нас интересует только количество коммуникативных синтаксических единиц в репликах интервьюера и интервьюируемого. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Мнение о том, что русские более многословны, не подтверждается данными, приведёнными в таблице: объём реплик русскоязычных адресантов (интервьюируемых) превышает объём реплик русскоязычных регуляторов (интервьюеров) приблизительно в 5 раз, а объём реплик англоязычных адресантов превышает объём реплик англоязычных регуляторов приблизительно в 9 раз.

На наш взгляд, официальное общение в некоторой мере унифицирует этнокультурные различия и на первый план, как правило, выходят не этнокультурные, а индивидуальные особенности речи коммуникантов. Так, ответ интервьюируемого может быть развёрнутым или лаконичным, что, на наш взгляд, в большей степени зависит от индивидуальных особенностей речи коммуникантов.

Далее обратимся к качественному анализу коммуникативных синтаксических единиц, из которых состоят реплики адресантов.

Таблица 1

Объём реплик русскоязычных и англоязычных адресантов и регуляторов в жанре интервью

Богданович	Ремнёва	Плунгян	- X	Анвин	Гиллборн	Смит	- X
4 CE	5,9 CE	13,3 CE	7,73 CE	10,1 CE	17,5 CE	8,25 CE	11,95 CE
Гончарова	Седов	Першин	- X	Регулятор (не- известный)	Регулятор (не- известный)	Овен	- X
1,25 CE	1,2 CE	2,33 CE	1,6 CE	1,5 CE	1,18 CE	1,2 CE	1,3 CE

Примечания: CE – синтаксическая единица, X – средний объём реплик.

Мы принимаем таксономию коммуникативных синтаксических единиц, разработанную И. И. Прибыток [10. С. 28–31], которую для наглядности представим в виде рис. 1.

Данная таксономия включает как конвенциональные, так и неконвенциональные коммуникативные синтаксические единицы. Под конвенциональными коммуникативными синтаксическими единицами мы понимаем единицы, соответствующие установившимся традициям [6] употребления в том или ином языке. Конвенциональными в обоих языках являются монокомпонентные предложения и полипредикативные синтаксические единицы. К неконвенциональным синтаксическим единицам, во всяком случае, в официальном общении, относятся коммуникативы, репрезентанты предложений, сентенсоиды, поликоммуникативные и коммуникативно-предикативные синтаксические единицы.

Предлагаем сравнить дискурс англоязычных и русскоязычных интервьюируемых по следующим параметрам:

- 1) характеру используемых коммуникативных синтаксических единиц;
- 2) типу связи внутри полипредикативных синтаксических единиц.

Ввиду наличия дистанцированного массового адресата, в дискурсе как англоязычных, так и русскоязычных интервьюируемых преобладают конвенциональные коммуникативные синтаксические единицы, которые легче для восприятия вследствие привычности структуры и более частой актуализации во всех жанрах дискурса.

Хотя интервью протекает в устной форме, накладывающей жёсткие ограничения на объём

оперативной памяти адресата [12. С. 82–88; 20. С. 81, 90; 23. С. 115–123], интервьюируемый отдаёт предпочтение не монокомпонентным (МКСЕ), а поликомпонентным (ПКСЕ) синтаксическим единицам, нередко с несколькими видами синтаксических связей (см. диаграммы 1 и 2).

Диаграмма 1. Соотношение монокомпонентных и поликомпонентных синтаксических единиц в дискурсе англоязычных адресантов

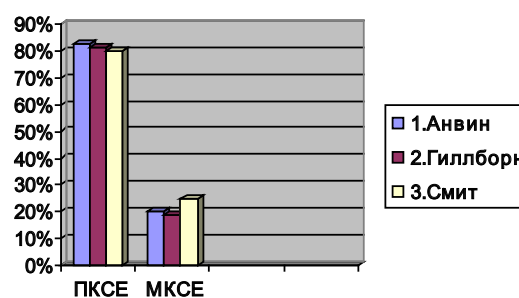

Диаграмма 2. Соотношение монокомпонентных и поликомпонентных синтаксических единиц в дискурсе русскоязычных адресантов

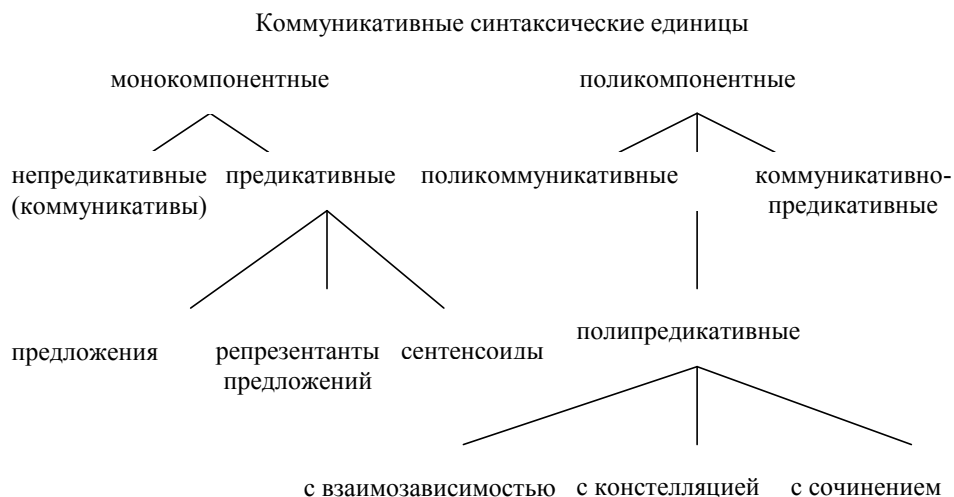
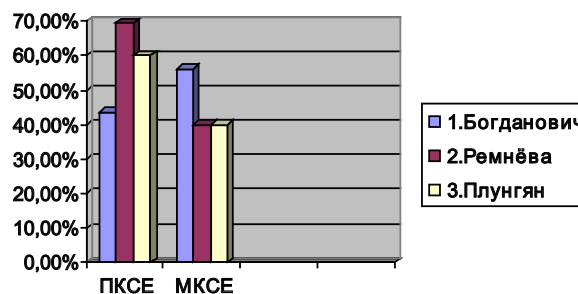

Рис. 1. Таксономия коммуникативных синтаксических единиц

Преобладание поликомпонентных коммуникативных синтаксических единиц, видимо, объясняется следующими причинами. Во-первых, сложно структурированное содержание трудно передать с помощью монокомпонентных синтаксических единиц. Во-вторых, научные работники значительную часть времени излагают свои мысли в письменной форме. В письменной коммуникации, как известно, поликомпонентные синтаксические единицы не затрудняют взаимопонимание, так как реципиент при необходимости может прочитать весь текст или его часть ещё раз. Привыкнув излагать свои мысли в письменной форме, научные работники переносят выработанный навык и на устное выступление. Ср.:

В. А. Плуноян: *Лингвистика XX века, структурная лингвистика, больше обращала внимание на живые языки, объем текстов на которых казался бесконечным, и самые известные теории XX в. утверждали, что тексты – не главное, а главное – языковая интуиция говорящего и стоящая за ней система правил; в центр ставилась система, а результат ее работы, конкретный текст, объявлялся ну как бы таким производным, вторичным феноменом* (Плуноян).

D. Gillborn: *Look, if you stand back from this, we have a situation where Black students, according to the available evidence, used to be doing at least as well if not better than White kids when they came into school, you've changed the form of assessment and now Black kids have gone back to being where you expected them to be, which is below average* (Гиллборн).

Разумеется, определённую роль играют индивидуальные особенности интервьюируемых. Так, в дискурсе профессора Г. Ю. Богданович монокомпонентные коммуникативные синтаксические единицы преобладают над поликомпонентными.

Сокращению глубины полипредикативных коммуникативных синтаксических единиц способствует использование связи взаимозависимости, в результате чего полипредикативные единицы занимают как бы промежуточное положение между монокомпонентными и поликомпонентными синтаксическими единицами.

S. Smith: *The big change obviously comes out of the fact that on June 22nd, they announced their budget* (Смит), (поликомпонентная, полипредикативная единица, с взаимозависимостью).

Д. Кристал называет полипредикативные коммуникативные синтаксические единицы,

в которых подлежащее и именной член сказуемого представлены зависимыми клаузами, не сложными, а простыми предложениями [19. С. 227]. **Устная форма дискурса интервьюируемого** способствует использованию типичных для устной речи сочинительной и аккумулятивной типов синтаксической связи. Ср.:

В. А. Плуноян: *Замысел древнерусского корпуса существовал давно, и многое делается в этом направлении, но надо отдавать себе отчет в том, что это на порядок более сложная работа по сравнению с корпусом современного языка* (Плуноян), (поликомпонентная, полипредикативная единица с констелляцией (сочинением) и взаимозависимостью).

L. Unwin: *At the same time though we're interested in work itself, in the sense of, what do we mean by work?* (Анвин), (поликомпонентная, полипредикативная единица с констелляцией (аккумуляцией)).

Данные типы синтаксической связи также способствуют сокращению глубины полипредикативных коммуникативных синтаксических единиц, поскольку каждая клауза, вводимая сочинением или аккумуляцией, воспринимается в устном общении как самостоятельная монокомпонентная коммуникативная синтаксическая единица.

Неконвенциональные монокомпонентные коммуникативные синтаксические единицы обычно являются конситуативно связанными. Их использование не затрудняет процесс коммуникации при наличии у собеседников общих фоновых знаний, то есть при непосредственном общении хорошо знающих друг друга коммуникантов. При наличии дистанцированного массового адресата адресант, как правило, не прибегает к неконвенциональным монокомпонентным коммуникативным синтаксическим единицам. Так, конситуативно связанные сентенсоиды в дискурсе интервьюируемых представлены единичными примерами (обычно в ответах на вопросительные высказывания интервьюера в русскоязычных интервью). Например:

Б. Серов: *Где же тогда зафиксирована норма?*

М. Л. Ремнёва: *В хорошей литературе* (Ремнёва).

Коммуникативы представляют нерасчлennную реакцию на экстралингвистическую ситуацию или высказывание адресанта. Иными словами, они выполняют фатическую функцию. При наличии дистанцированного массо-

вого адресата фатическая функция, естественно, стремится к нулю. Отдельные примеры коммуникативов зарегистрированы в простых обменах коммуникативными ходами между интервьюером и интервьюируемым. Например:

Иеромонах Адриан (Першин): *Таким образом, инструмент повлиял на саму науку?*

В. А. Плунгян: *Разумеется* (Плунгян).

D. Owen: *Professor Smith, thank you very much for taking part in this podcast.*

S. Smith: *Thank you* (Смит).

Поскольку в коммуникативно-предикативных синтаксических единицах неноминативные коммуникативы сопровождаются информативными, волитивными или экспрессивными высказываниями, в дискурсе интервьюируемых они встречаются несколько чаще, чем изолированные коммуникативы. Сравните:

Иеромонах Адриан (Першин): *Является ли корпусом Thesaurus Linguae Graecae (TLG)?*

В. А. Плунгян: *В каком-то смысле, да: TLG – это не только электронная библиотека греческих текстов, в ней есть некоторые инструменты грамматического поиска, прежде всего, хорошая лемматизация* (Плунгян).

S. Smith: *A time of a lot of change and a lot of turmoil is a time in which the one thing we mustn't let go of is quality and the QAA is absolutely central to that.*

D. Owen: *Absolutely, quite a challenge for the future there* (Смит).

Отсутствие репрезентантов в дискурсе интервьюируемых вполне закономерно. Для синтетического русского языка они не характерны, а в аналитическом английском языке они, как правило, неноминативны, что противоречит высокой информативности интервью с научными работниками.

Влияние дистанцированного массового адресата и персонального адресата-собеседника (интервьюируемого) на дискурс регулятора минимально. Здесь сильнее оказываются этнокультурные и индивидуальные особенности интервьюера. Английские интервьюеры характеризуются большей раскованностью, демонстративной приветливостью, стремлением к созданию благоприятного климата общения между коммуникантами. Русскоязычные интервьюеры ведут себя более официально, концентрируя внимание на получении желаемой информации.

Итак, фактор адресата оказывает значительное влияние на организацию дискурса

адресанта и интервью в целом. На уровне дискурса это проявляется в строго логически выстроенных коммуникативных ходах адресанта и регулятора, в превалировании эксплицитной информации над имплицитной и почти полном отсутствии фатической метакоммуникации. Поскольку интервьюируемыми являются научные работники, для которых первичной формой выражения мысли является скорее письменная, чем устная, в их дискурсе превалируют полипредикативные синтаксические единицы. Неконвенциональные коммуникативные синтаксические единицы, как монокомпонентные, так и поликомпонентные, характеризуются минимальной частотой актуализации в дискурсе интервьюируемых. В организации дискурса регулятора фактор адресата отстает на задний план, здесь сильнее оказывается влияние этнокультурных и индивидуальных особенностей.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.
2. Винокур, Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. 1948. Вып. 128, кн. 1. С. 35–69.
3. Власова, Т. М. Функционально-семантические типы реплик-реакций в диалоге : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 21 с.
4. Жанры советской газеты. М., 1972. 422 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. Волгоград, 2002. 477 с.
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс]. М., 2008. URL: <http://slovari.yandex.ru>.
7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
8. Недобух, А. С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990. 17 с.
9. Попова, Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002. 220 с.
10. Прибыток, И. И. Английские коммуникативные синтаксические единицы: структурный, коммуникативный и прагматический аспекты. Саратов, 2014. 150 с.
11. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 182 с.

12. Сиротинина, О. Б. Глубина фразы и её роль в общении // Язык и общество. Вып. 2. Саратов, 1970. С. 82–88.

13. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. 1600 с.

14. Телевизионная журналистика. 4-е изд. [Электронный ресурс]. М., 2002. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/32.htm>.

15. Brisau, A. Sentence Structure as a Characteristic of Prose Style // *Revue des Langues Vivantes*. 1969. Vol.35, № 2. 269 p.

16. Brown, G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. Cambridge, 1983. 288 p.

17. Coulthard, M. An Introduction to Discourse Analysis. L., 1977. 189 p.

18. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. L., 1976. 374 p.

19. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of The English Language. Cambridge University Press, 2003. 488 p.

20. Miller, G. The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information // *The Psychological Review* 1956. Vol. 63, № 2. P. 81–97.

21. Stalnaker, R. S. Assertion // *Syntax and semantics*. N. Y., 1978. P. 315–332.

22. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983. 272 p.

23. Yngve, V. The Depth Hypothesis // *Syntactic Theory*. Harmondsworth, 1972. P. 115–123.

Источники

1. Анвин – Анвин, Л. [Электронный ресурс]. URL: http://www.educationarena.com/pdf/expertInterviews/transcript_cat34_rjve.pdf

2. Богданович – Богданович, Г. Ю. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvist.ua/newspaper/59/72>

3. Гиллборн – Гиллборн, Д. [Электронный ресурс]. URL: http://www.educationarena.com/pdf/dgillborn_transcript.pdf

4. Плунгян – Плунгян, В. А. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/573240.html>

5. Ремнёва – Ремнёва, М. Л. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/interview/interview0036.html>

6. Смит – Смит, С. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qaa.ac.uk/Publications/Podcasts/Pages/Interview-Professor-Steve-Smith-President-Universities-UK.aspx>

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА (на материале текстов немецкой художественной литературы)

Рассматривается интенциональное состояние авторов-субъектов одиночества в онто- и филогенезе с позиции скрытой прагмалингвистики. Выявляется стереотипное речевое поведение авторов-субъектов одиночества (инвариант), индентифицируются фрагменты речевых портретов авторов, диагностируются некоторые их личностные качества (варианты), которые проявляются в типе интенционального отношении к одиночеству.

Ключевые слова: *речеповеденческий портрет, интенциональное состояние автора-субъекта одиночества, речевое поведение, стратегия ожидания, скрытая интенция, амбивалентность, аффективно-когнитивная структура.*

Проблема выбора речевых средств при выражении отношения к условиям порождения высказывания, в частности, к состоянию одиночества, входит в общетеоретическую перспективу исследования речевого поведения, выявления человеческого фактора в языке, влияния внутренних личностных характеристик на процессы речедеятельности как отдельных индивидуумов, так и мыслителей, отражающих в своем творчестве целые эпохи развития той или иной национальной языковой культуры.

Речевое поведение представляет собой многоаспектный предмет анализа различных наук о человеке и, в первую очередь, современной лингвистики в её антропоцентрической парадигме [14. С. 49–51], когда язык рассматривается в перспективе речевой деятельности не абстрактного носителя языка, а реального человека в его когнитивной, эмоциональной, социальной и т.д. активности.

Одним из важных аспектов исследования речевого поведения является рассмотрение манифестаций в речи различных психологических состояний говорящего субъекта, выявление языковых и речевых средств выражения его отношения к окружающей действительности.

Следуя теории Дж. Серля об интенциональности как о направленности речемыслительного процесса на социально-психологический объект, мы рассматриваем ощущение одиночества и его выражение как интенциональность субъекта (переживающего и говорящего) [12].

В этом случае объектом исследования становится *речевое поведение*, обусловленное субъективным отношением говорящего к условиям порождения высказывания, в частности, к ощущению изолированности и рефлексии, направленной на состояние одиночества.

Исходя из основных положений прагмалингвистического подхода к речевому анализу, представленному работами научного направления «скрытой прагмалингвистики» [5; 7], в работе осуществляется составление речевых портретов писателей как субъектов *состояния одиночества* на основании наиболее релевантных фрагментов их речевого поведения с перспективой диагностирования их отдельных личностных качеств. Речевое поведение рассматривается в работе как совокупность *осознанного и неосознанного* выбора тех или иных языковых и речевых средств выражения интенционального состояния одиночества.

Материалом исследования послужили литературные тексты, в которых авторы выступают как субъекты состояния одиночества. Были рассмотрены произведения, дифференцируемые по периодам филогенетической и онтогенетической динамики: XVIII в. – И. В. Гете, Ж. П. Рихтера, Новалиса; XIX в. – Г. Клейста, Р. М. Рильке, Т. Манна; XX в. – Г. Гессе, Ф. Кафки, Э. М. Ремарка, В. Борхерта, Ст. Цвейга, Г. Белля и Кр. Хайна (общим объемом ок. 2000 стр.).

Одиночество как экзистенциальная ситуация и ощущение, влияющее на речевое поведение говорящего, представляет собой многогранный феномен, являющийся предметом рассмотрения в разных научных парадигмах.

Анализ научной литературы показывает, что, с точки зрения философии, одиночество – социокультурный концепт, воплощающий статусную оценку человеком себя в окружающей среде. Оценка носит амбивалентный характер: с одной стороны, это отрицательное социопсихологическое состояние (отчужденность), а с другой – это важное явление для человеческой этики, культуры, психологии, условие разви-

тия мышления, науки, литературного творчества [3].

Большую роль в исследовании феномена одиночества играет обращение к его отражению в «ноосфере» классической отечественной и зарубежной художественной литературы. Исследование национальных языковых корпусов, представленных фразеологией, афористикой, литературными произведениями имеет не только филологический интерес, но и позволяет выявлять закономерности национальных менталитетов, системы ценностных приоритетов не только в общенациональной картине мира, но и в личностных мировоззрениях. «Одиночество» представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены понятийные, образные и ценностные признаки, совпадающие и различающиеся в национальных лингвокультурах [11].

На основе проведенного анализа литературных произведений можно выявить эксплицитное лексико-семантическое поле (ЛСП) «Одиночество». Такое поле является двудерным [2; 17], заключающим в себе как положительные, так и отрицательные модусы (в широком смысле). Для положительного ядра характерны такие ЛЕ, как *die Abgeschlossenheit, die Absonderung, die Einkapselung* – уединение; *die Ruhe* – покой; *die Besinnlichkeit* – созерцание; *die Überlegung* – размышление; *der Glaube* – вера, *die Hoffnung* – надежда, *der Wunsch* – желание, *die Liebe* – любовь, *die Neigung, die Sympathie* – симпатия, *die Verblüffung, die Verwunderung, das Erstaunen* – удивление, *der Spass, das Wohlgefallen* – удовольствие, *die Bewunderung* – восторг, *das Vergnügen, die Wonne* – наслаждение, *die Einigung, die Übereinstimmung, die Einwilligung* – согласие, *die Verzeihung, das Vergeben* – прощение, *das Verbindungsverhalten* – привязанность, *die Erwartung* – ожидание, *die Bewunderung, das Entzücken* – восхищение, *das Selbstwertgefühl* – самоуважение, *die Einbildung* – воображение, *die Fantasie* – фантазия, *das Bestreben* – стремление, *das Interesse* – интерес и т. д.

Отрицательное ядро ЛСП: *die Angst, die Furcht, die Beängstigung* – страх, *der Hass* – ненависть, *der Groll* – неприязнь, *die Verzweiflung* – сомнение, *die Wehmut, die Bedrückung* – уныние, *die Besorgnis, die Unruhe* – тревога, *der Hochmut* – гордыня, *die Reue* – раскаяние, *das Weh, die Trübnis, das Herzeleid* – скорбь, *die Bitternis, das Bedauern, das Leid, der Ärger* – огорчение, *die Schuld* – виновность, *die Aufreizung,*

der Ärger – раздражение, *die Verlegenheit, die Verwirrung* – замешательство, *die Feindseligkeit, die Feindschaft* – враждебность, *die Erwartung* – ожидание, *der Ärger, der Zorn* – гнев, *die Verachtung* – презрение, *die Empörung, die Unwille, der Unmut, die Entrüstung* – негодование, *die Not* – нужда, *die Scham, die Schande* – стыд, *die Begierde* – вожделение, *– der Wunsch, die Lust* – желание, *die Sucht, die Lust, der Trieb* – страсть, *die Eifersucht* – ревность, *der Ekel, das Grauen, der Abstoß, die Abneigung* – отвращение, *der Schreck, das Entsetzen, das Grausen, das Grauen* – ужас, *die Enttäuschung* – разочарование, *der Kummer, die Sehnsucht* – тоска и т. д.

Нетрудно заметить, что данные ЛЕ являются номинациями эмоций [16], хотя вопрос о классификации последних остается открытым [4]. Некоторые ЛЕ вступают друг с другом в конверсивные или антонимические отношения: *Liebe* – любовь – *die Sucht, das Verhängnis, die Lust* – страсть, *– das Vergnügen, das Genießen* – удовольствие – *die Betrübnis* – огорчение, *die Anhänglichkeit* – привязанность – *die Feindseligkeit* – враждебность и т. д. Некоторые из эмоций амбивалентны: *der Wunsch, die Lust* – желание, *die Zweiflung* – сомнение, *der Hochmut* – гордость (ср. гордыня), *die Reue* – раскаяние, *die Erwartung* – ожидание, *die Sehnsucht* – тоска и т. д. Такие ЛЕ располагаются на ближней периферии, в зоне амбивалентности, перекрещивания положительного и отрицательного ядерных полей.

Периферию поля составляют средства косвенной (имплицитной) передачи состояния одиночества.

Такие средства, как правило, не осознаны читателем, а иногда и писателем, зависят от интерпретации и «роли читателя» как соавтора в извлечении смысла повествования [18].

Чувство одиночества в психологии – это аффективно-когнитивная структура с некоторым набором, или конфигурацией знаний и эмоций, детерминирующая поведение и определяющая психологические типы, основанные на эмоционально-когнитивных взаимодействиях (экстраверт, интроверт). Ощущение и оценка состояния одиночества зависит от онтогенетического развития индивидуума и связано с периодами становления и развития личности. Наиболее релевантными периодами для проявления сознательного отношения к одиночеству являются «молодость», «взрослость» и «зрелость» [13].

Состояние одиночества (полиэмоциональную аффективно-когнитивную структуру) можно рассматривать как интенциональное состояние с рефлексивной направленностью. Одиночество представляется как «интенциональный предмет», который подвергается мыслительному анализу, выявляющему различные стороны данного феномена, который сохраняет при этом свое «предметное» единство как совокупность свойств, выявленных путем различных ментальных операций в зависимости от интенционального типа отношения.

На основе анализа научной и художественной литературы можно выделить следующие интенциональные типы отношения к ситуации одиночества:

1) *отсутствие субъект-субъектных отношений* (C_1-C_2/C_1-O), приводящее к двум типам отношения:

- экстравертная компенсация за счет *субъект-объектных* отношений ($C \rightarrow O$), т. е. активная деятельность в предметной области (какие-то «заполняющие» социальный вакуум действия), либо *воссоздание субъект-субъектных отношений* через адресат-квазисубъект, например сочинительство и т. п. ($C_1 > C_{2\text{квази}}$);
- интровертная рефлексия, мыслительная деятельность (CO);

2) *неприятие социального окружения*, выражающееся в двух поведенческих моделях:

- экстравертной (активный протест) – $C_{1a} \neq C_2$;
- интровертной (самоизоляция, рефлексия) – $CO \neq C_2$.

Все эмоции, потенциально входящие в аффективно-когнитивную структуру одиночества, относятся к интенциональным и могут быть представлены в виде некоего множества $m: mX$, тогда их различные сочетания можно рассматривать как варианты множества: vmX в отношении пропозициональной ситуации P (одиночество). Тогда выражение пропозиционального отношения к одиночеству в высказывании будет иметь формулу $vmX(P) - Я\ люблю (ненавижу, терплю, страдаю от) P (одиночество)$.

Одиночество представляется, таким образом, сложным ментальным образованием со своей понятийной и аксиологической структурой, вступающим в понятийные отношения с другими концептами: «уединение», «духовность», «вера» и проч. Его манифестация в сознании может быть представлена в виде тех или иных «интенциональных типов», отража-

ющих различное осмысление состояния одиночества и, соответственно, различные модели поведения как реакции на это осмысление.

ОДИНОЧЕСТВО есть сложная *аффективно-когнитивная структура*, сочетающая в себе аксиологически дифференцированные эмоции *интенционально-рефлексивной* природы.

Интенциональность состояния одиночества проявляется в речевом поведении. Для участников общения свойственны когнитивные «структуры ожидания», которые представляют частотные, узуальные мыслительные стереотипы, составляющие «нормы ожидания» у участников коммуникации. Выявление данных стереотипов предполагает оценку степени прагматической адекватности и «естественности» дискурсивного поведения коммуникантов [15. С. 83].

Речевое поведение базируется на определенных типах реакций, свойственных говорящим, осознающим (и реагирующим на) некое событие или состояние, например, одиночество, набором определенных речеповеденческих актов. Механизм «структур ожидания» позволяет интерпретатору (аналитику) оценивать дискурсивное поведение как отправителя (адресанта), так и получателя (адресата) с точки зрения прагматической адекватности и эффективности тех или иных дискурсивных моделей (стратегий, планов стратегий, тактик) восприятия и интерпретации событий действительности, психологических состояний участников этих событий. *Стратегия* – цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств [5].

Эффективным методом исследования речевого поведения является методология скрытой прагмалингвистики, по концепции которой речевой сигнал дает возможность параметрического исследования речевого поведения и идентификации речевого портрета говорящего (автора): количественный и качественный анализ речевых сигналов дает возможность объективного (параметрического и статистического) представления данных прагмалингвистического анализа (эксперимента).

Теория скрытой прагмалингвистики предоставляет методологию, позволяющую исчислить тот или иной вид интенционального отношения на основе анализа значимых текстуальных, грамматических и лексических маркеров, выявляемых в тексте. Анализ частоты их употребления позволяет говорить о неосознанном

доминирующем выборе языковых средств, характеризующем речевое поведение автора, и прогнозировать на основе этого анализа набор черт личности писателя, его «речеповеденческий портрет».

Единицей такого анализа выступает принятая в методологии скрытой прагмалингвистики малая синтаксическая группа (МСГ).

МСГ – это «квант» текста, который существует как в порождении, так и в восприятии (устной и письменной речи), естественная, «витальная» смыслообразующая единица, которая может осуществляться либо сознательно (например, при литературной обработке текста), либо бессознательно, органически вплетаясь в когнитивно-коммуникативный процесс выражения мыслей говорящего (ср. [1. С. 62]).

МСГ реализует четыре функции: номинацию, предикацию, тематизацию и текстообразование. Номинация реализует именование общей ситуации, отражаемой МСГ. Предикация относит это именование к действительности. Тематизация включает передаваемую информацию в разворачивающееся содержание целого текста.

Диагностирующая функция МСГ реализуется в рамках двух подходов – *диахронно-личностного* (рассматриваются тексты одного и того же автора с учётом его онтогенеза (возрастных параметров речевого поведения на возрастных этапах «молодость», «взрослость», «зрелость») и *синхронно-межличностного* подхода (исследуются тексты одного и того же речевого жанра, созданные разными авторами).

На основании функционального критерия (цель и способ) мы выделяем жанр *художественного повествования*, наряду с такими функциональными жанрами, исследуемыми в парадигме скрытой прагмалингвистики, как деловая корреспонденция, политическая коммуникация, научный дискурс и др. [8; 9; 10] В случае повествовательного жанра цель воздействия заключается в стремлении достичь максимального резонанса в мыслях и чувствах читателя и унисона в интенциональных состояниях отправителя и получателя текста по отношению к той или иной предметной ситуации повествования.

Исследование *скрытых интенций* происходит посредством анализа и подсчета грамматических и текстуальных речевых сигналов (МСГ), которые актуализируют речевую, а следовательно и психологическую, интенцию

отправителя текста и оптимальный набор которых позволяет диагностировать личностные свойства последнего (речеповеденческий портрет).

Выделяются два релевантных для проблематики речевого поведения аспекта – прогностический и статистический. Первый заключается в выявлении обобщенных на основании содержательного анализа текста таких психологических характеристик, как интра- и экстравертированность, уверенность – неуверенность, агрессивность – толерантность, самодостаточность – ощущение беспокойства, эмоций – страх, тоска и т.д. в отношении к ситуации одиночества.

Второй – объективный – заключается в таксономии материальных (языковых и речевых) проявлений (маркеров) того или иного интенционального состояния в целях составления речевого портрета автора текста.

Стереотипное речевое поведение авторов всех исследуемых текстов рассматривается (и высчитывается) как средняя речевая величина (СРВ) – индикатор общих черт поведения авторов всех рассматриваемых текстов произведений данного речевого жанра.

Отклонения от СРВ можно считать проявлением большей или меньшей *релевантности* того или иного типа поведения каждого отправителя текста в том или ином аспекте (плане) той или иной речевой стратегии. На основе параметрического подхода к анализу речевых стратегий, выявляемых в тексте, составляется речевой портрет каждого автора. Такой портрет параметрически и статистически обоснован методикой определения релевантности того или иного плана речевой стратегии в речевом поведении.

В основе методики составления речеповеденческого портрета автора лежит его неосознанный выбор той или иной речевой стратегии в описании и передаче интенционального состояния одиночества.

На основе параметрических и статистических методов скрытой прагмалингвистики представляется возможным установить (идентифицировать) фрагменты доминирующих речевых стратегий, составляющих в совокупности речевые портреты авторов художественного текста. Фрагментация определяется направленностью стратегий на выражение состояния одиночества.

Идентификация фрагментов речевых портретов даёт возможность диагностировать

индивидуальные личностные (вариативные) и стереотипные (инвариантные) черты речевого поведения авторов текстов. Во фрагментах речевых портретов авторов запечатлено их привычное немотивированное речевое поведение, заключающееся в интуитивном выборе приоритетных стратегий.

Анализ художественных текстов, объединенных пропозицией «Одиночество», позволяет выделить следующие релевантные для тематического содержания стратегии, коррелирующие с двумя обобщенными типами интенционального отношения – экстравертным и интровертным:

– эмотивно-ориентированные:

а) участие / неучастие коммуникантов в речевом событии (далее «участие / неучастие»)

(планы – личный, социальный, предметный);

б) уверенное / неуверенное речевое поведение отправителя текста в речевом событии (далее «уверенное / неуверенное»)

(планы – категорического и некатегорического утверждения);

в) вероятностное оценивание отправителем текста речевого события как реальное / нереальное повествование (далее «вероятностное оценивание»)

(планы – «действительного события», «нереализованного события», «ирреального события»);

– конативно-ориентированные стратегии:

г) акцентированность (экспрессивность) / неакцентированность (нейтральность) отправителем текста элементов высказывания (далее «акцентированность / неакцентированность»)

(планы – акцентированный, неакцентированный);

д) формирования отношения к речевому событию путём его оценивания (три плана – положительного, нейтрального и отрицательного отношения).

Каждый план речевых стратегий характеризуется определенным набором речевых маркеров-МСГ. Маркеры разделяются по полювому принципу на ядерные и периферийные.

Так, для стратегии участия / неучастия коммуникантов в речевом событии ядерными маркерами выступают:

– *личный план*: 1-е или 2-е лицо ед. ч. («Ich» / «du»), инклюзивное «wir», притяжательные местоимения «mein», «dein», «Ihr», сложные наречия «meinetwegen», «deinetwegen», модальные наречия «meinerseits», «deinerseits»,

«Ihrerseits» и устойчивые словосочетания «meiner Meinung nach» и др.

Частота актуализации личного плана говорит о завышенной самооценке субъекта, который склонен к эгоцентризму (интровертный интенциональный тип).

– *социальный план*: эксклюзивная форма 1 л. мн. ч. «wir», притяжательное местоимение «unser», местоимение «jemand», «man», «jeder», «jedermann», «keiner», «niemand», «viele», «manche», «wenige», «alle»; а также пассивные конструкции, контекстно подразумевающие участников данного речевого акта, и конструкции, заменяющие пассив: «sein + zu + Infinitiv», «sein + Adjektiv, с суффиксами -bar, -lich, -wert, -sam», «sich lassen + Infinitiv» и др.

Социальный план, доминирующий в речевом поведении, свидетельствует об экстравертном интенциональном типе отправителя текста, о высокой степени социализации личности, о деятельном типе отношения к состоянию одиночества. Предметный план коррелирует с индексами социального плана по маркерам и характеристикам психологического типа.

Статистический метод позволяет проследить тенденции в выборе тех или иных речевых стратегий каждого автора и выявить общие (инвариантные) черты, обусловленные во многом жанром повествования, который накладывает свои ограничения на вариативность речевого поведения авторов.

Анализ текстов по критерию возрастного периода показал следующую динамику:

– для стратегии «Участие / неучастие» общая тенденция заключается в доминировании личностного плана в период «молодость» и «зрелость», снижением его в период «взрослости», что обусловлено повышенным эгоцентризмом в начале сознательной жизни и с приобретением опыта (большая уверенность в себе). Доминирование предметного и социального плана в период зрелости и частично зрелости свидетельствует о доминировании деятельностных и социальных приоритетов с психосоциальным развитием личности.

Для стратегии «Уверенное / неуверенное речевое поведение» можно констатировать устойчивую тенденцию к доминированию плана неуверенного речевого поведения, что свойственно созерцательному, рефлексивному типу интенционального отношения, характерному для писателей и философов. Проявления отстраненности, замкнутости, отсутствия своего мнения обусловлены жизненными коллизиями

отдельных авторов (Ж. П. Рихтер, Г. Клейст, Р. М. Рильке, Т. Манн, С. Цвейг). Исключение составляют тексты молодых писателей XX в., чья молодость пришлась на военный период (Г. Белль, Э. М. Ремарк). У них явно завышен план уверенного речевого поведения, видимо в силу трудных социальных обстоятельств, вынуждающих сделать выбор в пользу решительности и социальной активности. В произведениях В. Гете наблюдается обратная корреляция: в период зрелости автор проявляет большую уверенность в своих интенциональных проявлениях.

Для стратегии «Вероятностное оценивание отправителем текста речевого события как реальное / нереальное» характерны незначительные колебания вариантов эмоционального множества (*mX*). Во все эпохи и возрастные этапы наблюдается стабильность в речевом поведении субъекта. Доминируют показатели плана действительного события, что определяется в значительной степени особенностями жанра повествования.

Для стратегии «Акцентирование элементов высказывания» отмечаем относительную стабильность акцентуации во все возрастные периоды. Показатели плана акцентирования следующие: XVIII в. – СРВ 58,3 %; XIX в. – СРВ 58,99 % и XX в. – СРВ 57,3 %.

Лишь у некоторых авторов речевое поведение с возрастом становится более акцентированным (проценты относительно СРВ): И. В. Гете («молодость» – 37 %; «зрелость» – 59,8 %), Г. Клейст («молодость» – 34,6 %; «взрослость» – 57,5 %), Р. М. Рильке («молодость» – 50,1 %; «взрослость» – 57,5 %), С. Цвейг («взрослость» – 57,1 %; «зрелость» – 64,1 %), Э. М. Ремарк («молодость» – 52,5 %; «взрослость» – 58 %).

Для стратегии «формирования автором отношения к речевому событию» делаем заключение: субъект одиночества с возрастом эмоционально более стабилен в своих изречениях, сумма показателей положительного и отрицательного «формирования отношений» равнозначна показателю нейтрального «формирования отношения». Однако, прослеживая речевое поведение субъекта одиночества в диахронии, мы наблюдаем со сменой эпох увеличение показателя отрицательного «формирования отношений».

Сопоставительный анализ по эпохам написания произведений показал, что речевое поведение субъекта одиночества в значительной

степени вариативно только в связи с онтогенетическими возрастными изменениями, тогда как в перспективе филогенеза (исторической эволюции социума) эта вариативность угасает. Следовательно, мы наблюдаем нерелевантность вариативности речеповеденческих актов на протяжении рассмотренных исторических периодов – XVIII, XIX и XX вв. Это позволяет говорить о практически стабильном инварианте речевого поведения (выбора речевых стратегий) немецких писателей в выражении своего отношения к феномену одиночества на протяжении трех веков.

Как следует из вышесказанного, для составления речевого портрета автора художественного произведения как субъекта интенционального состояния одиночества главными дифференциальными признаками обладают маркеры, связанные с личностными / социальными характеристиками речевого портрета автора.

К таким характеристикам относятся: экстравертность / интровертность; дистантность / аффертивность; деятельностная, целеориентированная / сублимированная интенция; субъективность / объективность интенциональности (семантического пространства); решительность / нерешительность в речевом поведении и др.

На основании лексико-семантического выбора можно судить об интенциональном отношении субъекта к феномену и состоянию одиночества, но не о психологическом типе личности как таковой.

Сравнивая общие СРП по планам и по стратегиям, мы получаем *филогенетическую (цивилизационную) динамику* выражения той или иной стратегии в произведениях немецких классиков XVIII–XX вв.

Проведенное исследование позволяет говорить о вневременных речеповеденческих типах, связанных с общенациональным языковым семантико-прагматическим пространством и представляющих устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций семантико-прагматического уровня организации интенциональной личности.

Учет возрастных параметров языковой личности позволяет выявить выражающиеся в текстах вариативность и инвариантность речевого поведения субъектов состояния одиночества в зависимости от изменяемости интенциональных свойств на протяжении всего социально-психологического развития творческой инди-

видуальности. Анализ показывает значимые различия в речевом поведении субъектов психологического состояния одиночества в зависимости от возрастных стадий – «молодость», «взрослость», «зрелость».

Список литературы

1. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // *Вопр. языкознания*. 2000. № 4. С. 56–67.
2. Бондарко, А. В. Языковая интерпретация семантических категорий в сфере грамматики // *Язык. Личность. Текст : сб. к 70-летию Т. М. Николаевой*. М., 2005. С. 139–148.
3. Гагарин, А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх: от античности до Нового времени, историко-философский аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2002. 355 с.
4. Изард, К. Э. Психология эмоций. СПб., 2006. 464 с.
5. Матвеева, Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов н/Д., 1999. 82 с.
6. Матвеева, Г. Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителей текста на его получателя // *Личность, речь и юридическая практика : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6*. Ростов н/Д., 2006. С. 122–128.
7. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 322 с.
8. Мкртчян, Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 180 с.
9. Обремченко, О. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломата (на материале русского и немецкого языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011. 23 с.
10. Одарюк, И. В. Полевой эксперимент по исследованию речевого поведения авторов статей по экономике газеты «Маркет» // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания : межвуз. сб. Ч. 1*. Ростов н/Д., 2001. С. 135–139.
11. Подзолкова, Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
12. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова*. М., 1987. С. 96–126.
13. Слободчиков, В. И. Основные ступени развития субъектности человека [Электронный ресурс] / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. URL: www.septemberfox.ucoz.ru/biblio/slobodchikov.html.
14. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 2001. 312 с.
15. Цурикова, Л. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности // *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой*. М., 2009. С. 76–92.
16. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 416 с.
17. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 2009. 264 с.
18. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007. 502 с.

МАРКЕРЫ ИГРОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

Обсуждается проблема определения маркеров игровой (людической) тональности коммуникативного процесса на основании проведенного опроса респондентов. В качестве основных критериев определения игровой тональности общения выделяются творческое переосмысление и принципиально множественная интерпретация диктума. В качестве маркеров игровой тональности выступают элементы поверхности текста, обладающие игровым потенциалом, по мнению респондентов опроса; анализируются свойства и функционирование маркеров игровой тональности общения.

Ключевые слова: *модальность, тональная модальность (тональность), игра, игровая интенция адресанта, игровой потенциал, маркер игровой интенции адресанта, маркер игровой тональности, интерпретационное измерение игры.*

1. Тональная модальность как предмет лингвистического исследования

Данное исследование представляет собой один из этапов в разработке проблемы игрового элемента коммуникации [10] и ставит своей целью определить формальные и содержательные параметры маркеров игровой коммуникативной тональности, в частности, их границы и условия функционирования в коммуникации.

Обращение к тональности, ключевому понятию данного исследования, невозможно без упоминания концепции выдающегося швейцарского лингвиста Шарля Балли, который первым предложил разделять высказывание на диктум (пропозицию, суждение, номинативный план) и модус (отношение говорящего к данному сообщению, модальный план) [2]. Дальнейшее развитие идей Балли привело к следующему теоретическому построению: диктум противопоставляется модусу, который, в свою очередь, имеет сложную структуру. Существуют три вида коммуникативной модальности: эпистемическая (с установкой описать события объективной реальности), деонтическая (с установкой изменить события объективной реальности) и аксиологическая (с установкой оценить события объективной реальности) [1. С. 13].

В лингвистической литературе подробно описаны три основных типа субъективной модальности с точки зрения текстоцентрической концепции: межличностные (эпистемическая, деонтическая и аксиологическая модальности), личностные (эмотивная, эпистемическая, деонтическая и композитивная модальности), тональные (характеризующие отношения как формальные, шуточные, иронические, враждебные, снисходительные и т. д.) [1. С. 13].

Под тональной модальностью (тональностью) понимается «способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [1. С. 13]. В. И. Карасик дает следующее определение коммуникативной тональности: «Это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [4. С. 384] – и выделяет несколько типов тональности: информативную, фатическую, статусную, шуточную, торжественную, идеологическую, фасциативную, гипотетическую, агрессивную, эзотерическую, манипулятивную, менторскую, подчеркивая, что список не конечен и его можно продолжить [4. С. 384].

Нас здесь интересуют, прежде всего, способы вербализации исследуемой тональности, поэтому целью данной статьи является описание стилового оформления высказывания, авторского выбора выразительных средств общения, которые воспринимаются адресатом как формальные маркеры входа в людическую (игровую) тональность коммуникативного процесса. Под людической тональностью здесь понимается такой способ окрашивания пропозиции в дополнительные эмоциональные / оценочные / стилистические тона, при котором говорящий использует вербальные маркеры, способные (1) сигнализировать адресату о коммуникативной двуплановости высказывания (его отрезка) и (2) сигнализировать собеседнику о том, что от него ожидается

творческая интерпретация высказывания и (в зависимости от его желания и готовности) соответствующая реакция, иными словами, вступление в коммуникативную «игру». Интерес авторов к игровому использованию явлений языка и речи (как маркеров игровой тональности коммуникации) продиктован тем, что игра, являясь весьма важной частью человеческой жизни вообще, должна находить свое проявление и в человеческой коммуникации. Кроме того, в то время как юмор (одна из форм игры) и средства создания комического эффекта в речи описаны на сегодняшний день вполне удовлетворительно (см., например: [5; 6; 7]), другие игровые коммуникативные проявления до сих пор ждут своего исследователя. В определении игры мы следуем Й. Хейзинге [8] и Р. Кайюа [11], таким образом, мы исходим из того, что игровой элемент культуры (и коммуникации) имеет следующие обобщенные свойства: 1) неутилитарность, 2) гедонистичность, 3) добровольность, 4) положительная эмоциональность, 5) (семантическая) двуплановость (соответствует здесь «ощущению инобытия» по Хейзинге): существуют два плана интерпретации высказывания или его части: как игрового и как неигрового.

2. Ключевые термины и понятия исследования

1. *Игровая (людическая) коммуникативная тональность* – способ окрашивания пропозиции в дополнительные эмоциональные / оценочные / стилистические тона, при котором говорящий использует вербальные маркеры, способные (1) сигнализировать адресату об интерпретативной двуплановости высказывания (его отрезка) и (2) сигнализировать собеседнику о том, что от него ожидается (творческая) интерпретация высказывания и (в зависимости от его желания и готовности) соответствующая реакция, иными словами, вступление в коммуникативную «игру».

2. *Игровой потенциал* – (здесь) процент респондентов, оценивших то или иное языковое явление как имеющее игровую природу. В более широком смысле: экспериментально измеряемая величина, показывающая степень вероятности, с которой та или иная языковая единица, комбинация языковых единиц, словоупотребление, троп и т.д. может служить *маркером игровой интенции адресанта* (см. пункт 4, ниже); позволяет говорить о наличии игрового элемента как в абсолютных (есть – нет), так и в относительных (более – менее) категориях.

3. *Игровая интенция адресанта* – стремление адресанта к тому, чтобы сигнализировать адресату о своем желании переключить тональность коммуникации с неигровой на игровую. Здесь важно заметить, что использование игровой коммуникативной тональности может иметь как направленный, осознанный, так и ненамеренный характер, например, быть обусловлено коммуникативными особенностями личности адресанта или вытекать из интерпретативной стратегии адресата.

4. *Маркер игровой интенции адресанта* – отрезок текста (принятая в данном исследовании рабочая единица анализа, нестрогость определения которой компенсируется высокой степенью свободы, ощущаемой испытуемыми при анализе материала, а также возможностью задействовать в эксперименте людей без специального лингвистического образования), имеющий достаточный игровой потенциал для того, чтобы сигнализировать игровую интенцию адресанта и переключить тональность общения на игровую. Публикуемое здесь исследование показало, что маркером игровой интенции адресанта может служить словоупотребление, троп или синтаксическая конструкция.

5. *Интерпретационное измерение игры* – представление о том, что переключение тональности на игровую – это процесс, в котором важен не только коммуникативный посыл адресанта, но и интерпретация текста адресатом, а также от его согласия вступать в игру / поддерживать тональность игры.

3. Игровая тональность и смежные явления

Выбор термина *игровая / людическая* (от лат. *ludus* – игра) как определяющего исследуемую коммуникативную тональность основан на следующих соображениях.

Во-первых, необходимо постулировать *особенность тональных характеристик* такого общения, в котором говорящие (1) создают условия для неоднозначной (принципиально открытой, в отличие от, например, юмористического общения) интерпретации своих высказываний, (2) прогнозируют и провоцируют творческое осмысление их высказываний партнерами по общению, (3) строят высказывание таким образом, чтобы оно не нарушало связности дискурса даже в том случае, если игровая интенция не распознана (не поддержана), и, следовательно, творческая интерпретация содержания высказывания отсутствует.

Во-вторых, термин «людический», или «игровой», выражает интуитивное представление носителей языка о том, что любое творческое рекомбинирование элементов целого является формой игры. Творческое осмысление реальности в отрыве от норм и ценностей (отметим в скобках, что в пространстве игрового отрицание ценностей и нарушение норм не обязательно, игровое лишь игнорирует те нормы и ценности, которые стоят на пути свободной рекомбинации и реинтерпретации языковых средств). Например, в заключении к монографии, посвященной таким перспективным направлениям лингвистики текста, как интертекстуальность, интердискурсивность и поликодовость, В.Е Чернявская [9] объясняет все эти понятия именно через слово обыденного языка «игра», а в тексте работы неоднократно метафорически употребляет слово игра в сочетаниях типа «игра с текстовой нормой».

При попытке встроить игровую / людическую тональность в систему уже описанных в лингвистике явлений исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью убедительно противопоставить игровое и комическое: это связано с тем, что в обоих случаях присутствует *обязательное создание интерпретативной двуплановости*, без которой невозможен ни комический, ни игровой эффект (отсюда известная общность выразительных средств в обоих случаях). Однако *функциональная составляющая* этой двуплановости различна. В самом общем виде интерпретативная двуплановость комического создается за счет обмана ожиданий реципиента: в большинстве случаев автор высказывания до последнего момента подводит его к наиболее ожидаемой интерпретации ситуации, положенной в основу шутки / остроты – комический же эффект достигается внезапным обрушением основ данной интерпретации путем введения новых фактов, новой точки зрения на проблему и тому подобных внешних включений. Постулируемая здесь игровая тональность также во многом основывается на манипулировании ожиданиями реципиента, однако обман ожидания здесь, выражаясь обыденным языком, «распределен более равномерно» и имеет несколько другую цель: реципиента не подводят к одной интерпретации, чтобы затем внезапно предложить другую, а постоянно держат в состоянии «интерпретативного напряжения» – двусмысленность нужна не для *одномоментного наслаждения смехом*, а для *постоянного подталкивания ре-*

ципиента к работе с несколькими возможными интерпретациями высказывания.

Таким образом, в рамках несерьезной тональности необходимо различать юмористическую / шутовую и игровую ее разновидности (здесь возможно углубление и детализация понятий, так, в 2009 г. Т. С. Брыжиной была защищена диссертация на тему «Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы») [3]. Основное различие между двумя этими взаимосвязанными явлениями заключается в том, что в первом случае автор преследует в качестве главной цели создание смысловой двуплановости ради комического эффекта, а во втором – создание смысловой двуплановости для изменения условий интерпретации текста получателем. Сопоставим параметры юмористической и игровой разновидностей несерьезной тональности общения.

Таблица 1

Юмористическая и игровая тональности общения: сравнительный анализ

Параметры	Юмористическая тональность	Игровая тональность
Основная цель	создание комического эффекта	создание эффекта игры , а именно условий для творческой реакции собеседника (поддержания разговора или – в случае монолога – принципиально открытой интерпретации диктума высказывания)
Характер интерпретативной двуплановости	закрытый : единственно правильная интерпретация приводит к желаемому комическому эффекту, ее отсутствие – к «непониманию юмора»	открытый : возможных интерпретаций множество (в их числе и серьезные, неигровые), каждый интерпретатор может предложить собственное понимание сути сказанного, и это не ведет к коммуникативному сбою
Характер взаимодействия говорящих	монологический : от собеседника ожидается одна реакция – смех	диалогический : игровой обмен репликами (или интерпретация высказывания в игровом ключе)

Характер связи с контекстом	модульный: шутка – вещь в себе, как только она вызвала комический эффект, этот микрофрагмент общения закончился, начинается другой	спорадический: маркеры игровой тональности то появляются, то исчезают в тексте; игра то «вспыхивает», то «затухает» в коммуникации
------------------------------------	--	--

На основании содержания приведенной таблицы, можно сделать не вполне ожидаемый, но уже высказанный – см., например, [5. С. 36] – вывод о том, что юмор – это одна из разновидностей игры. Можно с уверенностью утверждать, что юмор – это *базовая форма игры* (по крайней мере, в коммуникации), поскольку он основан на такой форме смысловой двуплановости, которая предполагает однозначную интерпретацию либо (если эта интерпретация остается закрытой для адресата) коммуникативный сбой.

4. Ход опроса информантов и методика обработки данных

В эксперименте приняли участие 56 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие либо получающие высшее образование. Опрос информантов проходил в два этапа. Первой группе информантов (28 человек) был предложен для анализа текст из блога известного писателя Г. Чхартишвили, пишущего под псевдонимом Борис Акунин (<http://borisakunin.livejournal.com/82101.html?thread=35829685>).

В процессе чтения предложенного текста респонденты первой группы должны были пометить знаком те фрагменты (предварительно выделенные экспериментаторами), в которых, как было сформулировано в задании, *автор «играет» (вкладывает двойной смысл, шутит, каламбурит, привлекает внимание хлестким словом и т. д.)* и оставить непомеченными те из выделенных языковых единиц, которые *«автор употребил совершенно серьезно, с намерением информировать читателя, и только»*. Вторая группа информантов (28 человек) получила тот же текст с тем же заданием, но без каких-либо пометок в тексте. Таким образом, им предлагалось самим определить «игровые участки» текста, а также очертить их границы. В конце экспериментаторы попросили респондентов объяснить свой выбор (по желанию). Такое распределение заданий имело следующие цели: экспериментаторы, во-первых, стремились верифицировать гипотезу

о том, что игровым потенциалом обладают те отрезки текста, которые создают условия для неоднозначной интерпретации текста получателем, во-вторых, определить границы и типы маркеров игровой интенции адресанта. За единицу анализа материала нами был принят маркер игровой интенции адресанта, или отрезок текста, отмеченный респондентами как обладающий игровым потенциалом.

По окончании опроса авторы провели следующие подсчеты. *На первом этапе анализа*, для верификации своей гипотезы о сущности игрового маркера, авторы сравнили игровой потенциал (процент отметивших данный маркер респондентов в каждой из групп) каждого из маркеров, помеченных не менее чем 10 % респондентов. Обнаружив принципиальное сходство данного показателя в обеих группах, *на втором этапе анализа* авторы распределили все статистически значимые маркеры по трем группам: маркеры с наивысшим (39–68 %), средним (25–38 %) и низким (10–24 %) игровым потенциалом. На третьем этапе мы проанализировали данные респондентами комментариев в ответ на следующее (дополнительное) задание: «Мы будем особенно благодарны, если Вы отметите особо запомнившиеся случаи «игры» и объясните, что заставило Вас подумать, что это игра».

5. Основные результаты опроса

1. Во-первых, оценка игрового потенциала того или иного языкового явления респондентами в первой и второй группе практически совпадает. Это позволяет утверждать, что изначально в основе эксперимента лежала верная гипотеза о том, что маркерами игровой интенции являются некоторые отрезки текста, характеризующиеся маркированной экспрессивностью. *Однако эти цифры не объясняют, почему однопорядковые явления (например, две метафоры или две аллюзии) имеют для наших респондентов (что важно: в обеих группах) различный игровой потенциал.*

2. Во-вторых, численные подсчеты привели нас к весьма логичному результату, при котором развернутые («спасение утопающих» – «спасать» – «тонут»), авторские, речевые метафоры («жертв электронной бомбардировки», «флибустьерствуя на просторе» – о кибер-пиратах,) а также метафоры разговорного стиля («трейды усохли», «весит он какую-то ерунду») оказались на верхних позициях списка маркеров с высоким игровым потенциалом (от 39 до 68 % респондентов отметили их в

своих ответах). Такой результат опроса убедительно доказывает, что наши респонденты воспринимают в качестве игровых именно те языковые и речевые явления, которые, обладая высокой степенью экспрессивности, предполагают *творческое интерпретативное усилие* и *множественную интерпретацию*. Например, часть респондентов восприняла метафору «спасения утопающих» как воздействие на читателя при помощи намеренного сгущения красок (намеки на трагедию, гибель), а другая часть – как аллюзию к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», которая, несомненно, настраивает читателя на сатирический лад.

Сразу за описанными метафорами в нашем списке оказались две отсылки к прецедентным текстам: цитата из А. С. Пушкина (39 % отметивших) и аллюзия на название художественного фильма «Когда деревья были большими» (39 %). Эти результаты также укладываются в наше определение игровой коммуникативной тональности, поскольку все явления, связанные с прецедентностью, максимально вариативны в плане интерпретации: цитату или аллюзию каждый читатель понимает в соответствии со сформировавшейся у него индивидуальной концепцией мира, литературы и декодирования художественного текста.

Важно отметить, что в обоих случаях при отсылках к прецедентным текстам наблюдалось их сочетание с элементами, имеющими комический эффект из-за того или иного смыслового несоответствия. Так, цитата из Пушкина: «Шишков, прости, не знаю, как перевести» относится к новомодному заимствованию «тренд», а время, «когда деревья были большими», с некоторой долей циничного юмора описывается также как время, «когда целлюлозные комбинаты делали из них много-много бумаги».

3. Интересно, что следующая по значимости группа явлений, отмеченных как игровые меньшим, хотя и значительным, количеством респондентов (от 25 % до 32 %), имеют несколько отличные языковые характеристики от группы «лидеров». Так, от трети до четверти испытуемых посчитали, что игровым потенциалом обладают такие явления, как метонимия («бумага» – о бумажных книгах), слова книжного и разговорного стилей (артефакт, коллапс, ширпотреб, книжица), окказионализм («твердообложечной» – взято в кавычки автором). Думается, что именно срединная позиция этой группы явлений в наших подсчетах под-

сказывает важную мысль: если метафоры и явления прецедентности с высокой степенью вероятности воздействуют на большинство респондентов как маркеры игровой интенции, то другие выразительные средства имеют способность воздействовать лишь на ограниченное число носителей языка.

4. Результаты анализа можно представить в виде графика, показывающего, что две группы респондентов: (1) отметившие игровой потенциал абсолютного большинства маркеров игровой тональности в тексте (от 25 до 31 маркера из 46 возможных) и (2) приписавшие игровой потенциал минимальному количеству маркеров (до 4 маркеров) – составляют абсолютное меньшинство в нашей выборке (5 % и 7 % соответственно). Группы, приписавшие игровой потенциал 5–8 и 17–24 маркерам составляют 19,6 % и 17,8 % соответственно. Наибольшее количество респондентов (30 %) увидело игровой потенциал 9–16 маркеров из 46 выявленных. Таким образом, видим, что «гиперчувствительность» наших респондентов к игре в коммуникации оказалась столь же редким явлением, как и неспособность выявить искомые маркеры. В то же время большинство испытуемых увидели игру лишь в 19–35 % от всех возможных маркеров. Это убедительно свидетельствует о том, что маркеры игровой тональности не обладают абсолютной интенсивностью (способностью воздействовать на любого носителя языка), а определенной степенью «адресности» (более сложные стилистические явления распознаются как игровые ограниченным количеством носителей языка).

5. Наиболее «надежные» способы просигнализировать об игровых намерениях – это, по нашим результатам, метафоры (нестертые авторские, развернутые, стилистически сниженные и возвышенные), а также явления прецедентности; менее «узнаваемыми» маркерами игры стали метонимия, окказионализмы и заимствования, возвышенная, разговорная и сниженная лексика. Различные синтаксические тропы, например, параллельные конструкции, и черты разговорного синтаксиса в письменной речи были отмечены как игровые маркеры лишь незначительным числом опрошенных.

6. Анализ интроспективных пояснений респондентами своих ответов (из 56 респондентов 37 согласились выполнить это задание) дал следующие результаты. Во-первых, список маркеров, выделенных респондентами для интерпретации, выглядит следующим образом (в

порядке убывания числа респондентов):

(1) развернутые, свежие, эмоционально и оценочно маркированные метафоры – 21 респондент;

(2) заимствования: транслитерации и кальки при переводе иностранных слов (например, *киндлы, трейды, хардбэки, перекидная листалка*) – 14 респондентов;

(3) слова и выражения с эмоциональной коннотацией – 13 респондентов;

(4) явления прецедентности (цитаты, аллюзии и т. п.) – 12 респондентов;

(5) черты разговорного и сниженного стиля – 9 респондентов;

(6) черты диалогичности в монологическом тексте (намеки, манипулирование пресуппозициями, например, *«непиратские страны»*, черты разговорного синтаксиса и т. д.) – 8 респондентов;

(7) ирония, шутка, юмор – 4 респондента.

Из этих цифр следует вывод, что наши респонденты четко разграничивают юмор / комизм и игру как коммуникативные категории, считая юмор одной из разновидностей игры (не самой важной). В качестве игровых чаще всего воспринимаются такие языковые и речевые явления (называемые здесь маркерами игровой коммуникативной тональности), которые, согласно формулировкам наших респондентов, *«заставляют читателя»: «задуматься», «сделать собственные выводы», «обратить внимание на проблему», «заинтересоваться», «согласиться или нет», «увидеть, что у нас есть что-то общее с автором», «читать дальше»* и т. п. Таким образом, основными чертами игрового компонента коммуникации можно считать диалогичность, установку на привлечение внимания адресата и вовлечение его в процесс распознавания интерпретационной двуплановости элементов содержания текста.

6. Выводы

Проведенное исследование позволяет увидеть, что проблема изучения игрового потенциала языковых и речевых явлений помогает пролить свет на механизмы воздействия в текстах, где отсутствует прямая манипуляция, различные формы лжи, умолчания, искажение фактов и т. д. Суммируем полученное знание.

1. *О соотношении юмора и игры*: юмор (не в обыденном, широком, а в терминологическом смысле, как часть противопоставления юмор – ирония – сарказм) – форма игры, основанная на семантическом сдвиге, предполагающем однозначную интерпретацию. Другие

формы игровой коммуникации также содержат семантический сдвиг, однако его интерпретация может быть принципиально множественна, на чем и основан игровой интерпретативный эффект.

2. *О границах и функционировании маркеров игровой интенции адресанта*: игровая тональность коммуникации создается за счет использования экспрессивной и оценочной лексики, а также стилистических средств, привлекающих внимание адресата к тому или иному компоненту содержания текста (и запускающих процесс перебора различных вариантов интерпретации выбранной формы выражения мысли). Однако не любое употребление экспрессивной лексики или стилистической фигуры в тексте может считаться маркером игровой тональности, поскольку игра – это, прежде всего, выход за пределы обыденности. Таким образом, лишь те словоупотребления и тропы, которые так или иначе нарушают ожидания реципиента, потенциально способны служить маркерами игровой тональности.

3. *О воздействующем потенциале игровой тональности общения*: тексты, обладающие признаками игровой тональности общения, характеризуются воздействующим потенциалом, который, впрочем, трудно определить и доказать именно в силу интерпретативных свойств анализируемой тональности. Принципиально открытый характер интерпретации, задаваемый игровым текстом (игровыми фрагментами текста), предполагает, что реципиент проведет дополнительную умственную работу уже для того, чтобы «понять текст» (поскольку текст лишен как однозначности, так и однозначно интерпретируемой двуплановости юмора, аллегории или притчи). Подтолкнуть читателя к определенному результату этой умственной работы оказывается гораздо проще в случае игрового воздействия, чем в случае прямой агитации, и гораздо безопаснее, чем в случае использования обмана, подтасовки фактов, некорректных сравнений и других известных средств речевой манипуляции.

Список литературы

1. Багдасарян, Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 171 с.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.

3. Брыжина, Т. С. Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 259 с.
4. Карасик, В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. 520 с.
5. Мартин, Р. Психология юмора / пер. с англ.; под ред. Л. В. Куликова. СПб., 2009. 480 с.
6. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 2002. 192 с.
7. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 541 с.
8. Хёйзинга, Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. М., 2003. 496 с.
9. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М., 2009. 248 с.
10. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2008. Т. 67, № 1. С. 3–20.
11. Callois, R. **Man, Play and Games**. University of Illinois Press, Urbana and Chicago, 2001. 202 p.

МОДИФИКАЦИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО ПАРАМЕТРА В САМООРГАНИЗУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Выявляются ступени развития управляющего параметра языковых пространств. Особое внимание уделяется различным характеристикам детерминанты в зависимости от просодемного, сверхпросодемного или фазового пространств.

Ключевые слова: *управляющий параметр, языковое пространство, просодемное пространство, сверхпросодемное пространство, фазовое пространство, просодическая детерминанта, контингентно смысловая детерминанта.*

Проблема управления сложной языковой системой, создание и обобщение механизмов языкового саморегулирования приобретает в последнее время все большую актуальность. В ходе эволюции язык, как сложная нелинейная открытая система, состоящая из связанных между собой пространств, уровней, подсистем и их элементов, характеризуется переходом от одного вида саморегуляции к другому. Каждый раз новый тип саморегуляции, основанный на трансформации предшествующих уровней иерархии системы языка, представляет собой фазовый переход, в процессе функционирования которого возникают новые параметры порядка, перестраивается механизм управления.

Целью статьи является выявление сущности управляющего параметра – просодической детерминанты в процессе эволюционного перехода от одного языкового пространства к другому.

В субстанциональной системе языка принято различать фонемное, просодемное, сверхпросодемное пространства (микро-, макро- и мегауровни) со своими инвариантами, оппозиционными связями внутри пространств, фазовыми переходами от одного пространства к другому, при этом совершенствуется блок управления, возникают новые типы обратных связей [2, 3].

Механизм управления усложняется от фонемного пространства через просодемное к сверхпросодемному. Самоорганизация предполагает существование внешних и внутренних параметров порядка и управляющего параметра, который «возникает в ходе самоорганизации, отбирающей из океана возможностей ничтожную толику и упорядочивающей поведение системы» [1].

Понятно, что чем разнообразнее структура пространства, тем более сложный механизм управления требуется для самоорганизации си-

стемы. Управляющий параметр также усложняется по мере продвижения от микро- через макро- к мегапространству. Механизм переходных процессов также представляет собой пространства со своими ядерными элементами и сетью связей между элементами ядра и периферии.

Возникновение параметра порядка в статусе управляющего относится ко времени появления ребенка на свет и наличия у него механизма врожденной способности к крику и впоследствии к своеобразным вокализациям. С первых дней жизни, не понимая смысла обращенной к нему речи, ребенок способен запоминать постоянно повторяющийся преобладающий тон в том или ином языке. Впоследствии этот тон в экспериментально-фонетических исследованиях был назван просодической детерминантой восходящей звучности (английский, немецкий, испанский, швейцарский вариант немецкого языка, американский вариант английского языка, английский язык и др.) или нисходящей звучности (русский, латышский и др. языки). Преобладающий тон реализуется, как правило, внутри гласного – варианте фонемы, а также в маркированной единице ядра просодемного пространства – тоне.

Просодическая детерминанта (преобладающий тон) является управляющим параметром в фонемном и просодемном пространствах, а дальнейшее развитие языка происходит через неустойчивость, через бифуркацию, через случайность и возникновение фазового пространства от макропространства к единицам мегапространства через формирование ядра переходного пространства, образование элемента – минимального интерактивного дискурса.

Объединение тоны и акцентемы в единую речемыслительную единицу – минимальный интерактивный дискурс фазового пространства с локализацией между макро- и мегапро-

странствами способствует дальнейшему совершенствованию языка как средства общения. Такого рода синтез стал возможен благодаря выходу тонемы и акцентемы в единое временное пространство, «единый темпомир». Возникает потребность и реальная возможность для языка переключиться из режима функционирования отдельных просодем в режим дальнейшего выживания и организации бассейна вокруг нового новорожденного аттрактора – минимального дискурса. Фазовое пространство, или промежуточный (перемешивающий) слой между двумя пространствами, готовит условия для перехода к мегаединицам (предложениям, текстам, дискурсам с расширенным контекстом).

Со становлением минимального дискурса и образованием элементов ядра фазового пространства начинает преобразовываться управляющий параметр, чтобы не только соответствовать изменившимся условиям, но и взять на себя функцию управления. В первую очередь необходимо отметить изменившуюся среду – внешние параметры порядка, к которым относятся: коммуникативная ситуация, язык в целом (микросреда) и сознание коммуникантов (макросреда). Модифицируется управляющий параметр, т. к. ему уже недостаточно одного преобладающего движения тона. Потребность в выражении новых смыслов, эмоциональной напряженности приводит к неустойчивости единиц фазового пространства, к новому пониманию управляющего параметра, т. к. формируются более совершенные аттракторы и детерминанта сама преобразуется и ведет языковую систему к другому ее состоянию. Возникновение нового типа детерминанты не приводит к исчезновению прежней, а лишь ограничивает сферу ее действия. Преобладающее движение тона продолжает характеризовать вариант фонемы, маркированную единицу просодемного пространства – тонему. Переход от упорядоченной системы просодемного пространства к хаотическому в фазовом переходе свидетельствует о возрастающей сложности системы языка, дифференциации, интеграции и иерархизации элементов ядра и периферии, претерпевают изменения также типы связей.

Таким образом, блок управления перестраивается с учетом нового преобладающего качества целого, т. е. синтеза смыслов. Нарращивание системой языка новых уровней сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени.

Временное сжатие происходит в том числе за счет возникновения новых смыслов, путем превращения лексических единиц с принадлежащими к ней лексемами во фразеологическую единицу и в конечном итоге в аттрактор дискурса. Каждый раз происходит рождение нового смысла дискурса, не присущего элементам прежней системы. За смысл дискурса «отвечают» не свойства элементов, а их «коллективные взаимодействия».

Гарантом стабильности каждого уровня системы является ядро, в котором сосредоточена информация о системе в целом. Ядро такой сложной системы, как языковая, состоит из двух прямо противоположных единиц. В фонемном пространстве – это фонемы, образующие оппозиции с определенными типами связей, а в просодемном пространстве – это противопоставленность тонемы и акцентемы по дифференциальному признаку – сужение / расширение диапазона частоты основного тона. Фазовое пространство не является исключением. Здесь также конструируются маркированные и немаркированные элементы ядра. Речемыслительная единица – минимальный дискурс берет на себя функцию маркированной ядерной единицы фазового пространства, а его немаркированной частью является ментальная единица минимального дискурса (внутренняя речь).

Увеличение объема системы, т. е. возникновение мегапространства приводит к увеличению объема функционирования единиц ядра фазового пространства. В мегапространстве исчерпываются возможности развития ядерных единиц, они по-разному взаимосвязываются друг с другом, приобретая каждый раз новые смыслы.

На фонемном уровне прямо противоположные свойства ядра имеют одинаковые потенциальные возможности пойти по пути к маркированности восходящего или нисходящего движения тона. Просодемное пространство – это отражение перехода языковой системы на другой уровень развития через точку бифуркации. В точке бифуркации происходит четкий выбор – восходящее или нисходящее движение тона станет в будущем просодической детерминантой.

Достижение максимальной целостности осуществляется языковой системой на третьей ступени развития в мегапространстве, где происходит увеличение объема системы за счет возрастания количества однородности

элементов, но эта однородность основана на их универсальности, взаимопревращаемости, функциональной фрактальности. Мегапространство – это не такая жесткая система как микро- и макропространства. В мегапространстве иерархия взаимозаменяемости элементов становится конкретно-ситуативной. Языковая система перешла в режим устойчивости функционирования, выйдя на аттрактор предельного цикла в статусе управляющего. Новое пространство создает новый тип детерминанты, которая далее расширяет и разнообразит функционирующие единицы. Теперь семантический фактор выходит на первое место, увеличивая стремительный рост объема информации в обществе. Происходит наращивание флуктуаций, что приводит к увеличению хаоса и выдвиганию на первый план второй ветви – нисходящего движения тона (немецкий, английский и др. языки). Это важный период в развитии системы, на матрице первой происходит выдвигание второй.

Таким образом, просодическая детерминанта как управляющий параметр проходит следующие стадии развития: в микропространстве (фонемном пространстве) происходит формирование и функционирование детерминанты восходящей или нисходящей звучности. В макропространстве (просодечном пространстве) роль уже сформированного преобладающего для того или иного языка тона возрастает, о чем свидетельствует выдвигание признака – частотного диапазона в качестве дифференциального для различения ядерных единиц зоны нуклеации просодечного пространства. Расширение диапазона ЧОТ характеризует маркированную единицу – тонему, а сужение диапазона ЧОТ характеризует немаркированную единицу – акцентему. Следующая ступень развития управляющего параметра есть результат попадания просодема (тонемы и акцентемы) в единое временное пространство. Возникает новая речемыслительная единица – минимальный интерактивный дискурс, для которого на первый план выдвигается ситуативная принадлежность, в которую попадает тонема и акцентема, поэтому это уже не просодическая детерминанта, а контингентно-просодическая детерминанта. В мегапространстве (сверхпросодечном пространстве) расширяются возможности разнообразия смысла. Теперь

уже смысл выдвигается на первый план и становится дифференциальным признаком различения единиц зоны нуклеации мегапространства. Здесь необходимо ввести новый термин для характеристики управляющего параметра мегапространства. Назовем ее контингентно-смысловой детерминантой. Дифференциальным признаком различения единиц прямой и не прямой коммуникации в ядре мегапространства является смысл языковых единиц в конкретных условиях их употребления.

Таким образом, эволюция управляющего параметра проходит следующие ступени развития.

1. Становление преобладающего тона в языке в фонемном пространстве.

2. Преобладающий тон в языке становится управляющим параметром в просодечном пространстве, реализуясь в полном объеме в маркированной единице ядра – тонеме.

3. Синтез простых структур (просодема) создает сверхсуммативную структуру – минимальный дискурс, чтобы в дальнейшем перейти к мегаединицам, имеющим неограниченные возможности образования новых смыслов.

4. В фазовом пространстве усвершенствуется управляющий параметр, связанный с микросредой фазового пространства – контингентностью, заставляющей каждый раз изобретать новые смыслы.

5. В процессе эволюции языковой системы возникает новый тип сложности единиц мегапространства, в котором взаимодействуют физическое и ментальное, создавая более подходящий усовершенствованный управляющий параметр – контингентно-смысловую детерминанту, где дифференцированным признаком единиц ядра является семантический фактор.

Список литературы

1. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. М., 2003. 288 с.
2. Коваленко, Н. А. Минимальный дискурс в свете теории просодечного пространства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 37. Филология. Искусствоведение. Вып. 61. С. 41–47.
3. Коваленко, Н. А. Системный подход к фразовой просодии слова. Красноярск, 1998. 120 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА (на материале произведения Б. Рассела «History of western philosophy»)

Затрагиваются проблемы социально-дискурсивного подхода как теоретической и методической основы исследования философского дискурса. Особое внимание уделяется теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, ключевые концепты которой послужили инструментами эмпирического анализа философского дискурса. На лингвистическом уровне анализа исследуется роль концептуальной метафоры в контексте данного подхода.

Ключевые слова: *социально-конструкционистский подход, дискурс-анализ, концептуальная метафора.*

В настоящее время в лингвистической науке возрастает интерес к исследованиям дискурсов различных типов. Среди методик анализа дискурсов особого внимания заслуживает социально-конструкционистский подход. Разработка данного метода принадлежит постструктуралистскому направлению. Постструктурализм полемизирует со структурной лингвистикой Ф. Соссюра: разногласия касаются, в первую очередь, теории значения. Согласно постструктуралистской точке зрения, система знаков не является от начала до конца стабильной, застывшей в состоянии стагнации. Стабильность нарушается в процессе дискурсивной деятельности: дискурсы «расшатывают» устоявшуюся систему значений и борются за закрепление собственных значений за определённым языковым знаком в какой-либо специфической сфере¹. Среди концепций постструктуралистской направленности интерес представляет собой теория дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф². Согласно Э. Лакло и Ш. Муфф, дискурс – это «совокупность фиксированных значений в специфической области»³. В ходе дискурсивной практики за определёнными материальными носителями, экспонентами фиксируются конкретные значения, которые больше уже не меняются, т. е. «закрываются». Так дискурс устанавливает гегемонию собственного значения и не допускает вторжения в свою сферу какого-либо иного значения.

В данной теории выделяют три ключевых концепта, представляющие существенную важность для эмпирического анализа:

- узловые точки, ключевые знаки в структуре дискурса;
- цепочки эквивалентности;

- идентичность;
- понятия для анализа конфликта: антагонизм и гегемония.

Узловые точки – это организующие дискурсы ключевые знаки, за придание собственного значения которым «соревнуются» различные дискурсы. Цель этого соревнования – обретение гегемонии того значения, которое данный дискурс зафиксировал и недопущение внедрения иного значения в сферу его влияния. Узловые точки как «привилегированные знаки» создают цепочки эквивалентности с другими знаками, входящими в данный дискурс, тем самым определяя их значение. Примечательной особенностью данной концепции является её социальная направленность – дискурсы не просто конституируются, но и сами обладают конституирующей силой, оказывающей влияние на социальную реальность посредством формирования социальной идентичности лица или социальной группы. Идентичность формируется исходя из значений узловых точек.

Лакуной в данной концепции можно считать недостаточную разработанность инструментария, позволяющего проанализировать лингвистическую сторону дискурса. Поэтому наряду с базовыми понятиями данной теории целесообразно применить в ходе исследования методику изучения концептуальных метафор, которые в современной лингвистике по праву считаются эффективным механизмом концептуализации и формирования новых контекстуально-обусловленных значений. В разработку теории концептуальной метафоры основной вклад был внесён представителями когнитивного направления в языковедении (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Г. Стеен, З. Кёвечес, Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова).

Концептуальная метафора представляет собой единство двух концептуальных областей – области-цели и области-источника⁴. Концептуализация одной сферы в терминах другой способствует созданию нового контекстуально-обусловленного значения в дискурсе, создавая условия для дестабилизации устоявшейся системы значений и фиксации новых, для гегемонии данного дискурса в сфере социального и создания новой идентичности.

Цель данной работы – проанализировать конкретный текст, применяя концептуальный аппарат теории Э. Лакло и Ш. Муфф, и выявить роль концептуальной метафоры в создании новых значений в философском дискурсе. Материалом исследования послужила глава из труда Б. Рассела, посвящённая исследованию творчества известного немецкого философа Ф. Ницше. Методы исследования – концептуальный анализ, социально-конструкционистский анализ по методу Э. Лакло и Ш. Муфф.

Подвергнутая анализу глава представляет собой подробное изложение философской доктрины Ф. Ницше и её оценку с позиции собственных взглядов Б. Рассела. С самых первых строк между авторами разыгрывается борьба за гегемонию значения в важнейшей сфере философии – этике, дисциплине, объектом которой является мораль. Узловой точкой, за определение значения которой разыгрывается борьба между двумя философами, является концепт причины, или движущей силы человеческих поступков. По Ницше это не разум, как принято в традиционной западно-европейской христианской морали, а воля: «I test the power of will»⁵. Его этическая концепция может быть выражена через метафору семейных отношений, где областью-источником будет концепт из сферы *Семья, члены семьи*, а областью-целью – понятие воли.

Воля как причина человеческих поступков

Отец (причина) → воля

Ребёнок → сознание, подчинённое импульсам воли

Распоряжения отца → иррациональные импульсы, посылаемые волей

Добро → подчинение сознания страстям

Зло → отказ подчиняться страстям

Концепт воли формирует цепочку эквивалентности с понятиями «власть» и «бытие»: бытие, или основа человеческого существования, определяется Ницше как воля к власти. Идентичность, формируемая доктриной

Ницше, – это человек, облечённый властью, или «сверхчеловек», избранный, который не подчиняется универсальному моральному закону и следует исключительно прихотям собственной воли. Отсюда в цепочке эквивалентности прослеживается связь с понятием «герой»: «He is a passionate individualist, a believer in the hero...»⁶. И ещё: «I admire Alcibiades and the emperor Frederick II, and Napoleon»⁷. «Героя» Ницше можно метафорически описать в терминах концептуальной области Политика и война:

Военный конфликт → бытие

Герой, сражающийся за власть → избранная личность

Борясь за гегемонию собственного значения в сфере этики, дискурс Ницше вступает в отношения антагонизма с другими значениями узловой точки. Так, исключается всё, что противоположно по значению «сверхчеловеческому», «геройскому» – любовь, соучастие, сострадание, женственность: «He is never tired of inveighing against women»⁶. Или: «... He frequently preaches against sympathy»⁸. Элиминируется значение морали как товарно-денежных отношений между людьми: «I abhor the man's vulgarity when he says "What is right for one man is right for another"; "Do not do unto others that which you would not that they should do unto you". Such principles would fain establish the whole of human traffic upon mutual services, so that every action would appear to be a cash payment for something done to us»⁹.

Итак, проанализировав основные вехи этической концепции Ницше, рассмотрим, что противопоставляет ей Б. Рассел в борьбе за фиксацию собственного значения в сфере морали и нравственности. Этическая позиция Рассела воплощает в себе традиционную западно-европейскую христианскую модель, во главу угла ставящую трансцендентный разум, направляющий человеческие поступки в области морали и нравственности. Разум «отделён» от тела, совращаемого различными соблазнами, и его роль сродни руководящей роли Бога – защищать от страстей и иррациональных телесных импульсов¹⁰. Сценарий данной модели превосходно описан Дж. Лакоффом и представляет собой метафору семейных отношений. Для выражения отношений морали и нравственности (область-цель) используется концептуальная область Семья, члены семьи (область-источник)¹¹.

Универсальный моральный закон как суровый отец семейства

Семья → человечество

Отдельный ребёнок в семье → отдельная личность

Остальные дети в семье → другие люди

Отец → универсальный разум

Моральный авторитет отца → авторитет единого для всех морального закона

Распоряжения отца → единые для всех законы морали

Подчинение отцу → подчинение универсальному моральному закону

Семейные отношения в сфере морали → универсальные моральные отношения

Поощрение со стороны семьи за верность моральным принципам → поощрения со стороны универсального морального закона

Таким образом, Б. Рассел определяет узловую точку дискурса как разум, а не слитую с чувственно-телесным началом волю, как у Ницше, становясь по отношению к последнему в позицию антагонизма. Узловая точка у Рассела формирует цепочки эквивалентности с такими понятиями, как равенство, любовь, сострадание: «Nietzsche despises universal love; I feel it the motive power to all that I desire as regards the world»⁷. В антагонистических отношениях с этической доктриной Ницше находится и та идентичность, которая формируется философией Б. Рассела, – это идентичность святого, противоположная ницшеанскому «сверхчеловеку». Рассел обращается к личности Будды как антагониста «сверхчеловека». Будда воплощает в себе любовь ко всему человечеству, а категория универсальной любви – это то, что отсутствует в доктрине Ф. Ницше: «For my part I agree with Buddha as I have imagined him»⁷. Дискурс Б. Рассела проводит «интервенцию» гегемонии значения универсального морального закона в сфере философской этики, противопоставляя его волюнтаристской этике избранных. Соблюдение универсального морального закона, по Расселу, возможно только в государстве, существующем на началах либерализма и демократии, ницшеанская же мораль способна

лишь породить фашистский строй, подобный древней милитаристской Спарте: «... the only practicable form of aristocracy is an organization like the Fascist or the Nazi party... »⁸. Гегемония дискурса Б. Рассела распространилась и за пределы сферы дискурсивного в область социального: общечеловеческая мораль одержала историческую победу над индивидуалистическими устремлениями глав воинствующих государств. Б. Рассел предрекает скорый закат популярности философии Ницше: «His followers have had their innings, but we may hope that it is coming rapidly to an end»⁷.

Таким образом, философский дискурс был исследован с применением ключевых концептов теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф – антагонизма и гегемонии, идентичности, узловых точек дискурса. Существенным дополнением к данному анализу стало исследование концептуальной метафоры на лингвистическом уровне. Концептуальная метафора принимает непосредственное участие в образовании контекстуально-обусловленного значения узловых точек философского дискурса, вербализуя философские концепты и фиксируя за языковыми знаками значения, за гегемонию которых происходит борьба в дискурсивном пространстве.

Примечания

¹ См.: Йоргенсен, М. Дискурс-анализ / М. Йоргенсен, Л. Филипс. Харьков, 2008. С. 60.

² См.: Laclau, E. Discourse // The Blackwell Companion to Contemporary Political Philosophy. Oxford, 1993.

³ Йоргенсен, М. Указ. соч. С. 56.

⁴ См.: Lakoff, G. Philosophy in the Flesh / G. Lakoff, M. Johnson. N. Y., 1999.

⁵ Russell, B. History of Western Philosophy. L., 2010. P. 689.

⁶ Там же. P. 690.

⁷ Там же. P. 697.

⁸ Там же. P. 696.

⁹ Там же. P. 688.

¹⁰ См.: Lakoff, G. Op. cit. P. 423.

¹¹ Там же. P. 422.

АРХАИЗМЫ В АСПЕКТЕ РИТОРИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЯСНОСТИ, ПРАВИЛЬНОСТИ, УМЕСТНОСТИ И КРАСОТЫ

Рассматриваются архаизмы в аспекте риторических категорий. Умелое использование архаизмов не препятствует, а способствует формированию всех главных качеств хорошей речи – ясности, правильности (соответствия контекстной норме), уместности и красоты.

Ключевые слова: языковая норма, контекстуальная норма, узус, ясность, правильность, уместность, красота.

Ясность – качество речи, выделенное впервые Теофрастом и подробно разработанное Аристотелем. Под ясностью понимается доступность смысла речи для восприятия. Именно ясность обеспечивает быстрое и легкое понимание речи. Диоген Лаэртский давал такое определение этого качества речи: «Ясность есть способ выражения, представляющий мысль так, чтобы она была легко познаваема»¹. По сути дела без этого качества речи все другие лишены смысла.

Сегодня под ясностью понимают характеристику речи на основе ее соотношения с возможностями восприятия. Ясной называют речь, которая без затруднений воспринимается адресатом. Обеспечивается ясность, прежде всего, употреблением общепонятных слов в точном их значении. Затемняет речь незнакомая лексика. Но знакомая и незнакомая, активная и пассивная лексика не есть константа в применении к конкретным языковым личностям. Очевидно, что большинство архаизмов не затемняет текст, рассчитанный на образованного реципиента, способного не только опознать, но и оценить хорошую стилизацию.

Однако, как пишет В. П. Москвин², стилизация нередко вступает в конфликт с требованием ясности, тем самым еще осложняя взаимоотношения художественного текста с литературной нормой, поскольку при употреблении таких стилизационных средств, как архаизмы и историзмы, текст часто становится неясным. Отсюда следует одно из важнейших правил стилизации, в соответствии с которым при использовании этого приема средства стилизации вводятся лишь в немногих элементах – с тем, чтобы художественное произведение не превратилось в памятник или документ. Стилизация должна быть «легкой и умеренной»³. Г. О. Винокур справедливо отмечал, что «славянизмы в «Борисе Годунове» представляют собой лишь отличительные, заметные

места в рамках обычного языка пушкинской поэзии»⁴. А. С. Пушкин старался в летописях «угадать образ мыслей и язык тогдашних времен», но ему «был чужд метод прямолинейного документализма, чисто цитатный подход к материалу, так широко распространенный в литературных произведениях, имеющих своей задачей историческое изображение. Поэт в Пушкине постоянно побеждает стилизатора»⁵. Манера весьма умеренной архаизации языка действующих лиц характеризует и исторические романы Пушкина.

Введение в лексический оборот поэтических произведений архаических элементов требует большой речевой чуткости, художественного такта, эстетической меры, мастерства. В литературно-художественной практике эти требования, конечно, выполняются не всегда. Есть писатели, которые теряют чувство меры, излишне нагнетают архаические слова, и это делает язык произведений трудным, а иногда и просто непонятным. Такие упреки критика предъявляла, например, к историческим романам А. Чапыгина (хотя М. Горький, как известно, отзывался о творчестве А. Чапыгина восторженно: о романе «Степан Разин» он писал, что это «произведение совершенно исключительное... как старинная жемчужная риза на иконе богоматери, нельзя вынуть ни единой бисеринки»⁴).

Белла Ахмадулина на подобные упреки к своим стихам и сомнения относительно ясности своих текстов отвечала с полной уверенностью: «Поймут. А не поймут, так почувствуют, что, в принципе, одно и то же». Возможно, такая позиция по отношению к лирическому стихотворному тексту вполне оправданна (ср., однако, в пародии А. Иванова на Б. Ахмадулину: *Нет, смысла я не понимал, Но впечатленья – колдовское!*).

Как пишет Н. А. Шестакова, «невысокая степень утраты номинативности в большинстве

случаев позволяет устаревшему слову функционировать в других стилях или выполнять особые стилистические задачи в современном литературном языке, потому что в этом случае утраченная номинативность лексемы компенсируется экспрессивно-синонимической функцией»⁶. Особенно это справедливо по отношению к фонетическим (орфоэпическим) архаизмам, которые отличаются от стандартного варианта произношением одного звука:

В зале с черными колоннами

Маскерады затевал

И манжетами холодными

Ее руки задевал (Б. Ахмадулина. Старинный портрет)

Требование правильности / чистоты речи актуализируется в связи с использованием лексики пассивного запаса вообще и архаизмов в частности. Ср.: «Парадный сборник былин, вышедший в зрелые годы социализма под редакцией профессора Выходцева, остался в памяти читателей благодаря удалому названию: «Гой еси вы, добры молодцы!» Пропагандисты патриотизма не придавали значения таким мелочам, как согласование слов в предложении. Глагол в единственном числе лихо подмигивал истинно русским молодцам, коим «несть числа». Безграмотное употребление «красивого» архаизма свидетельствовало, что древняя форма глагола потеряла свой смысл, стала декоративной. Впрочем, в то же время бытовала ироничная присказка: «Ты не гой еси, ты еврей еси», – где с грамматической стороны было все в порядке»⁷.

Другой аспект правильности связан с соответствием архаизмов лексическим нормам современного языка.

Норма осмыслена в лингвистической литературе как исторически и социально обусловленный феномен (Э. Косериу, Г. О. Винокур, А. Гавранек, К. С. Горбачевич, Л. И. Скворцов), как динамическая категория (Л. К. Граудина, Г. А. Золотова); установлены параметры антипода нормы – языковой аномалии (Ю. Д. Апресян, Е. А. Земская, Л. А. Брусенская) и обоснована идея множественности нормы (А. Едличка, В. А. Звегинцев, Г. Г. Хазагеров, Э. Г. Куликова, И. В. Беляева).

Как известно, разветвленная стилевая дифференциация считается признаком «зрелости» литературного языка. В то же время развитие цивилизации и консолидация нации требуют унификации языка и, следовательно, его нормирования на единых основаниях. Ср. триаду

Э. Косериу: *система – узус – норма*⁸. Система понимается как структурный потенциал языка (это самое широкое понятие в триаде, ибо, как система возможностей, включает в себя всю технику, все эталоны, свойственные данному языку), узус – совокупность привычных употреблений (естественно, соответствующих системе) и норма предстает лучшим (образцовым) вариантом узуса. Таким образом, оказывается, что норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе. Но когда достигается определенный уровень языковой гомогенности, тесные рамки норм, особенно лексико-стилистических, становятся препятствием для дальнейшего развития. Именно поэтому идеи вариативности нормы, ее множественный характер составляют основу ряда концепций, в первую очередь – концепции Пражского лингвистического кружка.

Ученые Пражского лингвистического кружка выдвинули определение нормы как «гибкой стабильности», что позволило уйти от отождествления нормы с незыблемой консервативностью⁹.

Итак, вычленяется как минимум три типа норм языковой коммуникации: системные, стилистические и контекстные. Системная норма ограничена языковым компонентом, она тесно связана с системой (структурой языка), ее конституирующими чертами является общественное признание и обязательность в коммуникативном сообществе. Источником системной нормы являются конкретные языковые реализации. Системная норма – явление в значительной степени объективное. Она складывается как совокупность устойчивых традиционных реализаций языковой системы, причем реализаций, одобряемых социумом. Системная норма более стабильна, чем другие типы норм; именно она обеспечивает «устойчивый динамизм» языка.

Стилевая / жанровая норма обеспечивает единство и опознаваемость стиля / жанра общения.

Для контекстной (ситуативной) нормы определяющим является отношение к процессу коммуникации, эта норма обусловлена прежде всего ситуативными факторами и обстоятельствами. Ее отношение к формационной норме определяется тем, что одним из проявлений коммуникативной нормы служит способ дистрибуции языковых формаций в ситуативно-коммуникативных сферах. В иных

интерпретациях сходное понятие обозначается терминологическими сочетаниями «индивидуально-авторская», «авторская» или «контекстуальная норма» и противопоставляется прежде всего норме системной (зафиксированной в ортологических пособиях).

Идея контекстной нормы, базирующаяся на трудах Пражского лингвистического кружка, широко признана. Однако по-прежнему признаки одной – системной – нормы проецируются и на другие ее разновидности, гораздо более гибкие и динамичные. В работах Г. Г. Хазагерова была сформулирована мысль о том, что цель изменчивости нормы – сохранение системы гомеостата¹⁰.

Наряду с признанием нормативного как образцового и идеально правильного, все настойчивее звучит мысль о том, что в художественном тексте доминируют какие-то иные нормы. «Концепция нарушения нормы приводит нас к весьма одномерному определению литературного текста, так как в этом определении сохраняется лишь единственная отличительная черта подобного текста: его отличие от нормы или канона. Вследствие этого теряются из виду те различия конституентов текста, которые прежде всего и являются условием порождения эстетического объекта»¹¹. В своих так называемых «отступлениях» от нормы писатели вовсе не нарушают норму, а представляют «более точный, скрупулезно выполненный чертеж», как бы восстанавливая и дополняя то, что было упущено грамматическим описанием. Как замечает Р. Барт «... дискурс не просто использует язык, но совершает работу по его компенсации: дискурс как бы одаривает язык, восполняет его лакуны». Оригинальное авторское употребление осознается как таковое только тогда, когда достаточно явственным является представление о норме как стандартном использовании языковых единиц (и именно картину такого стандартного использования и рисуют толковые словари и традиционные грамматики).

Контекстная норма близка к категории эстетической нормы. Фактически с помощью этих обозначений выражается мысль: все то нормативно (соответствует этому виду нормы), что контекстуально успешно, эстетично, служит для передачи важных дискурсных смыслов.

Для современной лингвистики характерен отход от одномерного, консервативного и запретительного восприятия нормативности. Запретительной нормативности предпочитается

рекомендательная. В этом отношении показательна статья Л. П. Крысина «Толерантность языковой нормы»¹². Термин из современного политкорректного общественно-политического дискурса перенесен в сферу лингвистики.

Проявление толерантности Л. П. Крысин обнаруживает на всех ярусах языка: структурная толерантность – это допущение нормой вариантов, различающихся своей структурой (фонетической, акцентной, морфологической, синтаксической) при тождестве содержательной стороны; коммуникативная толерантность – это использование вариативных средств языка в зависимости от коммуникативных целей, которые преследует говорящий в тех или иных условиях общения; социальная толерантность – это допущение языковой нормой вариантов, распределенных по разным социальным группам носителей данного языка. Кроме того, можно говорить и о толерантности языковой нормы к новшествам. Таким образом, понятие толерантности, примененное к языковой норме, позволяет рассматривать ее как социальный конструкт, обусловленный не имманентной языковой системой, а важнейшими обстоятельствами жизни социума. Понятие толерантности, примененное к языковой норме, позволяет рассматривать ее как социальный конструкт, обусловленный не имманентной языковой системой, а важнейшими обстоятельствами жизни социума¹³.

Функциональное толкование системы предполагает учет того, что целостность элементов системы и их отношений определяется функцией, внутренне ей присущей как адаптивной самоорганизующейся системе. Адаптивная система характеризуется способностью по-разному проявлять свои функциональные возможности в зависимости от изменения внешней среды. «Понимание языковой системы как гомеостаза (то есть саморегулирующейся системы) корректно по отношению к функциональному повороту в лингвистике, причем именно в связи с развитием категории нормы»¹⁴.

Итак, в современной лингвистике утвердилось новая теория нормы как «выбора», а не как «запрета». Отход от консервативного восприятия нормы способствовал разрушению нормы как догматического постулата. Изменчивость нормы, в том числе и за счет проникновения лексики пассивного запаса в общее употребление, обусловлена задачами целого, иерархией и не должна быть обращена против

самого целого. Цель изменчивости нормы – сохранение вариантности и устойчивого соотношения вариантов нормы.¹⁴

При плюралистическом определении нормы меняется статус понятия *отклонение* от нормы, которое не противопоставляется абсолютной норме, а сопоставляется с ней, поскольку это тоже норма, но только оцениваемая с точки зрения другой нормы. Коммуникативные нормы тоньше и детальнее, чем системные, но одновременно демократичнее и способствуют индивидуализации языка. Традиционным стало разграничение намеренных (интенциональных) и ненамеренных аномалий, первые из которых фактически приравниваются к нормативным явлениям. К преднамеренным и в высшей степени полезным аномалиям могут быть отнесены и архаизмы.

Наиболее популярная типология системной нормы основана на уровне деления: нормы орфоэпические, лексические, грамматические. Лексическая норма, таким образом, представляет собой приложение общей языковой нормы к лексическому уровню языка. На каждом уровне языка соотношение между системой и нормой неоднозначно. Как писал Л. Г. Барлас, внимание лингвистов преимущественно направлено на выявление особенностей морфологической, словообразовательной и синтаксической норм, вопросы же лексической нормы, где особое место принадлежит стилистическому аспекту, остаются в тени¹⁵.

Слово может информировать о норме, функциональном стиле или идиостиле писателя. В этом смысле любое слово, по М. М. Бахтину, «преднаходимо и полифонично»¹⁶. Ср.:

*И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилой.
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой*
(А. С. Пушкин «Полтава»);
*Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов!*
(А. С. Пушкин «Перед гробницею святой»).

По поводу этих строк В. Г. Белинский писал: «Здесь слово *сей* незаменимо, а *этот*, если б оно и подошло под меру стиха, только бы всё испортило». То есть архаичная (еще во времена Пушкина) форма соответствует контекстной (ситуативной) норме.

Начиная с античных риторик важнейшим признаком совершенной речи считается уместность, т. е. адекватность языковых средств це-

лям и условиям коммуникации. Различаются виды уместности – стилевая, жанровая, контекстуальная, ситуативная, личностно-психологическая.

Наиболее уместны и обычны архаизмы в текстах, повествующих об отдаленных эпохах. О трудностях, связанных с использованием архаизмов для создания исторического колорита, писал еще А. С. Пушкин в статье «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»: «Вальтер Скотт увлек за собой целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! Подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости». Как известно, принципы, которых придерживался В. Скотт, состояли в том, что язык автора не должен быть исключительно устарелым и непонятным, но автор по возможности не должен допускать слов и оборотов чисто современного происхождения. Одно дело использовать язык и чувства, равно свойственные и нам, и нашим предкам, а другое – навязывать им переживания и речь, характерные только для потомков. Поэтому Вальтер Скотт не копирует язык прошлых эпох и ограничивается сравнительно небольшим количеством архаичных слов и выражений. Используя старинные слова, он стремится отбирать такие, у которых не все значения архаичны и которые поэтому более понятны читателю.

Итак, важнейший принцип использования архаической лексики связан с категорией меры. Братья Жемчужниковы, создавая «архаические» анекдоты Козьмы Пруtkова, ограничивались двумя-тремя словами – приметами давней эпохи. О дозированном использовании архаизмов пишет известный переводчик Л. В. Гинзбург. Хотя «передача» архаизмов давно уже является предметом переводческих дискуссий, никто, конечно, не в состоянии точно сказать, откуда и какие брать для перевода старинных текстов старые слова, не считая затасканных и неизбежных *коль, сколь, столь, ежели, нежели, вкушать, вотще* и пр. Дело, считает Л. В. Гинзбург, не только в лексике, но и в интонации, в манере речи, в ее темпе, а также в том, какой угол зрения избирает переводчик. Подавляющее большинство произведений, какому бы веку ни принадлежали, в оригинале написаны современным (по отношению к своему времени) языком. Дело переводчика решать, что из этого следует: то ли он должен подчеркнуть удаленность той,

некогда живой и современной языковой стилистики от нашей сегодняшней, то ли восстановить изначальную живость звучания. О себе же Л. В. Гинзбург замечает, что он всегда старался, чтобы груз архаизмов не давил стих, всегда предпочитал тяжеловесным архаизмам легкий, как бы условный налет старины, в его текст «архаизмы лишь вкрапливались»¹⁷.

О возможностях сознательного использования «чуждых» слов писал еще Аристотель: «... Следует делать язык чуждым: далекому изумляются, а то, что изумляет, приятно»¹⁸. Естественно, что оценки уместности «чуждых» архаизмов в творчестве того или иного автора нередко различались. А. И. Солженицын воспроизвел, как его обвиняли за книгу «Бодался теленок с дубом»: «Книга бессвязна. Политический дневник. *Атавистический лексикон* [выделено нами. – Т. К.] («Угодило зернышко промеж двух жерновов»). В. Воздвиженский отнес «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына к разряду курьезов: «Реальный русский язык нашего века стал подменяться у Солженицына некой предположительной русской речью, реконструируемой по Далю»¹⁹. В. Е. Максимов писал, имея в виду язык Солженицына, что «конструировать почти всю словесную ткань своих книг из вымерших архаизмов и неподъемных словосочетаний – это вернейший способ авторских самопохорон»¹⁹.

Иначе оценивает эту сторону творчества Солженицына П. Спиваковский, который считает, что менее всего писатель стремится поразить нас архаичностью речи. Не случайно, что даже слова, заимствованные у Даля (формально говоря – архаизмы), А. И. Солженицын использует (на функциональном уровне) как неологизмы. Они нужны, за редчайшим исключением, не для создания некоего «аромата старины», но, напротив, для расширения выразительных возможностей и смыслового обогащения современной литературной речи, для разрушения стилистических штампов и поиска новых красок и смыслов. Архаизмы А. И. Солженицына называли «неоархаизмами» и «архаиконеологизмами», поскольку архаизм, не служащий стилизации, нов – «неологичен». «Архаистический новояз А. И. Солженицына становится главным средством борьбы с космополитизмом современного русского языка», – пишет В. В. Кузьмин²⁰.

А. И. Солженицын сравнивает два варианта передачи единого денотативного содержания –

феминизмы *труженка* и *труженица*: у первого слова совсем иное звучание, оно не тянет за собой изношенных определений типа «славная» или «советская», оно вообще не соотносится с «холостящим советским обычаем».

В Словаре Даля 9 коррелятов к слову *ткач*: *ткагельница*, *ткачка*, *ткачиха*, *ткальа*, *ткаха*, *ткея*, *точея*, *ткалиха*, *тчея*. Солженицын выбирает «живые» варианты, которые «еще не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение» А. И. Солженицын стремится сохранить слова, «частично еще применяемые, но все реже, теряемые как раз в наше время, так что им грозит отмирание». Автор использовал отнюдь не только материалы В. И. Даля (а использованные – критически перерабатывал; так, из девяти наименований ткачихи, которые дает В. И. Даль, А. И. Солженицын оставил только четыре: *ткальа*, *ткаха*, *ткалиха*, *ткачея*), но «привлекал словный запас других русских авторов, прошлого века и современных», использовал «исторические выражения, сохраняющие свежесть», а также «слышанное» в разных местах – «но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка».

Таким образом, у А. И. Солженицына сам язык его произведений тоже участвует в борьбе с тоталитаризмом (точнее – с «новоязом», обслуживавшим идеологические нужды тоталитаризма). «Архаизированный» язык создает прием имплицитного диалога «новояза» и коренного языка. В таком случае оказывается, что архаизмы в художественном или публицистическом тексте не просто уместны, а совершенно необходимы, без них невозможно было бы достичь цели.

Красота как достоинство речи было выделено Теофрастом, считавшим, что красота складывается из двух качеств – приятности (сладости) и величавости. Под красивой речью нередко понимают речь, «украшенную» тропами и фигурами, то есть речь специально «отделанную». Особенно ценили красоту и благозвучность речи софисты, полагавшие, что красивая речь «чарует», «успокаивает», а значит – ведет слушателей туда, куда нужно оратору. И вплоть до сегодняшних дней красота признается важнейшим качеством речи, которое, однако, понимается далеко неоднозначно. Чаще всего красивой считают речь, способную обратить на себя внимание, произвести благоприятное впечатление своей формой.

Красоту многие авторы связывали со старинными речениями. Так, А. М. Горький в

статье «О языке» писал: «В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и об-разные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться». Однако в использовании архаизмов необходимо искусство, простое их нанизывание вряд ли сделает речь красивой. «От того, как сумеет поэт приспособить языковые средства, унаследованные современной поэтической речью от прошлых эпох развития литературного языка, к выражению нового содержания, насущных проблем современности, личного душевного опыта, во многом зависит художественная выразительность лирического произведения, его эстетический потенциал»²¹. Архаические значения слов, забытые речевым узусом, находят использование в современной литературе, если они отвечают эстетическим и стилевым установкам автора.

Интересно, что архаизмы, сфера которых была ограничена поэзией, в дальнейшем стали восприниматься как специфические сигналы определенных условий употребления, и таким образом сформировался разряд «поэтизм». Можно сказать, что архаизмы обогатили речевую практику современных поэтов. Ср. у М. Цветаевой:

*Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь.
Чтобы младость – не в радость,
Чтобы сахар – не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.
Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью – горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных...*

Для многих авторов характерно «сознательное внедрение слов, провоцирующих лексикографический поиск»²². Нередко такими словами оказываются архаизмы.

Как утверждает М. Амелин, *современный русский литературный язык и язык современной русской литературы* – два совершенно разных языка. Первый – намеренно усредненный, закрепощенный разнообразными нормами и правилами, некий выхолощенный конгломерат отживших и устоявшихся индивидуальных поэтик русских писателей XIX – начала XX вв., отраженный в общепотребительных словарях

и справочниках по правописанию. Второй – напротив, обязан быть чрезвычайно пестрым и свободным, находиться в подвижном, расплавленно-текучем состоянии; в нем одновременно сленг может соседствовать с архаикой, просторечие с заумью, смешиваясь и не мешая друг другу. Языковое творчество призвано разрушать всякую косность и проветривать застоялую затхлость ради создания новых словесных отношений, иногда довольно причудливых и всегда несслыханных²³. Между тем, в целом язык современных авторов, считает М. Амелин, чрезвычайно бледен. Стилистая и словесная глухота – характерная черта новой литературы. А безлико и серо нельзя сообщить нечто подлинно важное и глубокое. М. Амелин говорит о двух стилевых направлениях, которые можно обозначить как “гладкопись” и “плохопись”. Считается, что расширять словарь стоит только за счет обценной лексики, молодежного сленга и компьютерно-мобильной терминологии. В интервью газете «Культура» М. Амелин сказал: «Меня всегда раздражала усредненность языка как советских, так и антисоветских поэтов. Лет в семнадцать я понял, что необходимо вернуть в поэзию утраченный торжественный тон, от элегии сделать шаг в сторону оды. Насколько мне это удалось, не знаю, но уверен, что мои стихи трудно перепутать с чьими бы то ни было еще. Мне интересно экспериментировать с русским языком, с его недопроявленными возможностями, поэтому я и работаю на стыке XVIII в. и современности. Со стороны это, возможно, выглядит эдаким постмодернистским проектом, но для меня это совершенно естественная языковая стихия. Язык XVIII столетия более весом и емко, чем современный, в синтаксисе, лексике и фонетике»²³. Недаром М. Амелина называют «человеком, своей кровью склеивающим далекие эпохи».

Итак, умелое использование архаизмов не препятствует, а способствует формированию всех главных качеств хорошей речи – ясности, правильности (соответствия контекстной норме), уместности и красоты.

Примечания

¹ Античные теории языка и стиля / под ред. О. Фрейденберга. М. ; Л., 1936. С. 191.

² См.: Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологич. слов. Ростов н/Д., 2007. С. 732–733.

- ³ Алпатов, А. В. Стилизация речи // Рус. речь. 1970. № 4. С. 17.
- ⁴ Цит. по: Ревякин, А. И. О социально-эстетической роли архаизмов // Вопр. филологии. М., 1969. С. 398–406.
- ⁵ Там же. С. 399–401.
- ⁶ Шестакова, Н. А. Архаичная лексика современного русского языка по данным толковых словарей XVIII–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 1999. С. 167.
- ⁷ Кушлина, О. <http://www.litkarta.ru/dossier/o-kushlina-o-knige-l-zubovoi/>
- ⁸ См.: Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175–176.
- ⁹ См.: Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17–41.
- ¹⁰ См.: Хазагеров, Г. Г. Риторика для слушающего // Филол. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2000. № 1. С. 32–36; Хазагеров, Г. Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика : межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д., 2003. С. 55–64.
- ¹¹ Изер, В. Историко-функциональная текстовая модель литературы // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 121–128.
- ¹² Крысин, Л. П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык : сб. ст. памяти Б. С. Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. М., 2006. С. 175–184.
- ¹³ См.: Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов н/Д., 2008. 244 с.
- ¹⁴ Куликова, Э. Г. Толерантная языковая и командная правовая норма: манипулирование как нарушение этической нормы / Э. Г. Куликова, И. В. Беляева // Философия права. 2009. № 4. С. 77–81.
- ¹⁵ См.: Барлас, Л. Г. О лексической норме // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи : межвуз. науч. сб. Саратов, 1985. С. 3–21.
- ¹⁶ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. М., 1979. С. 311.
- ¹⁷ Гинзбург, Л. В. Разбилось лишь сердце мое... // Гинзбург, Л. В. Избранное. М., 1985. С. 252–253.
- ¹⁸ Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 374.
- ¹⁹ Максимов, В. Е. Год Солженицына // Лит. газ. 1991. № 11. С. 10.
- ²⁰ Кузьмин, В. В. Рассказы А. И. Солженицына: проблемы поэтики : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. С. 101.
- ²¹ Иванова, Н. Н. Высокая и поэтическая лексика // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977. С. 7.
- ²² Рахимкулова, Г. Ф. Олакрез Нарцисса. Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д., 2003. С. 10.
- ²³ Амелин, М. «Я работаю на стыке XVIII столетия и современности. И это совсем не постмодернизм». Интервью газете «Культура» // Культура. 2004. № 25.

ПЕРЕПИСКА С. Т. АКСАКОВА С О. С. АКСАКОВОЙ (1840 ГОД)

Комментируется неопубликованная переписка 1840 г. С. Т. Аксакова с О. С. Аксаковой: раскрываются новые факты биографии писателя, его взаимоотношения с супругой, характеризуется личность О. С. Аксаковой.

Ключевые слова: семейная переписка, С. Т. Аксаков, О. С. Аксакова, текстологический и реальный комментарий.

Письма писателей имеют не только биографическое, но и большое историко-культурное и литературное значение. Не является исключением эпистолярный автор «Семейной хроники». Как справедливо заметила В. В. Борисова, «именно эпистолярное наследие С. Т. Аксакова высвечивает масштаб его личности как великого русского писателя и преданного театру и литературе общественного деятеля, одного из мудрейших людей своего времени. До настоящего времени большая часть переписки Аксакова-отца не опубликована и остается малодоступной, хотя рукописное наследие большинства адресатов из круга общения Сергея Тимофеевича издано»¹. Опубликована только малая часть его писем, отдельные комментарии к которым можно найти в работах С. И. Машинского² и В. А. Кошелева³.

В письмах как самого С. Т. Аксакова, так и его адресатов содержится богатая информация. В частности, переписка с родными характеризует писателя как прекрасного семьянина, подтверждая единство его личности. Идеал семьи, сложившийся в его жизни, отразился затем в творчестве. Значительный интерес представляют в этом плане письма 1840 г., оказавшегося непростым для всех Аксаковых.

В начале этого года Сергей Тимофеевич продолжает находиться в отставке и сильно нуждается в деньгах и службе. Здоровье писателя ухудшается. В сентябре он вынужден расстаться на четыре месяца со своей семьей. Ольга Семеновна и сам Сергей Тимофеевич тяжело переживают разлуку. Осень и зима проходят в хлопотах и заботах. Именно этот период жизни писателя ярко представлен в переписке Аксакова с женой и детьми.

12 августа умирает Григорий Иванович Карташевский, наставник и друг Аксакова, за которым была замужем сестра Сергея Тимофеевича – Надежда. Жена и дочь покойного тяжело переносят смерть самого близкого им человека, к тому же их положение отягощают

денежные займы Карташевских в разных банках.

Аксаков, сочувствуя горю родных, принимает решение ехать в Петербург, для того чтобы похлопотать о делах Надежды и поддержать ее, с ним едет Вера. Сергей Тимофеевич был уверен, что его поездка выйдет удачной и надолго не затянется, но судьба распорядилась иначе. В письме от 2 сентября писатель сообщает о своем прибытии в Петербург, а последнее письмо из Петербурга датировано концом декабря.

Вот некоторые отрывки из писем этого периода, хранящихся в фондах РГАЛИ (они приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации, датируются по старому стилю).

6 сентября. Время проходит в беспрестанных воспоминаниях, в рассказах о последнем времени и терзательных обвинениях себя, что если бы поступлено было иначе, то этого несчастья не случилось бы... Теперь расскажу тебе, моя дражайшая Оленька, мой вчерашний день, который весь почти проведен мною в разъездах по Петербургу⁴.

В своих письмах жене Аксаков рассказывает не только о семейных хлопотах, но и о литературных событиях в Петербурге: «<...> поехал к Ивану Ермолаевичу [Великопольскому]. Он написал сатирическую драму и довольно удачно отдал Полевого и Брамбеуса, но как первый болен, то, боясь его убить он не хочет даже печатать своей пьесы (все это между нами)»⁵. Последние слова «все это между нами» свидетельствуют о доверительных отношениях между Аксаковыми.

Ответное письмо Ольги Семеновны датировано 10 сентября: «Мы здоровы все, мой друг. Вчера обедал у нас Мих. Петр. [Погодин], он читал нам статью, которую готовит в журнал «Москвоитянин» об Иване Посошкове. Он достал многие его разубеждения писанные для Петра Великого о многих частях Государственного управления, просто это неве-

роятно, такой ум гениальный тогда! И еще одно современное письмо о Пугачеве, если бы я была посвободнее, то чувствую, пристрастилась бы к историческим исследованиям, но моя душа, и без того наполнена и время занято часто самыми пошлыми, но необходимыми делами, например, теперь четверо больных (Григорий, Таня, Настя и Аграфена) <...>. Действуй мой Серж на душу Миши, в нем есть она – ах, как бы я желала своею жизнью купить счастье детям, право жизнь моя делает им более вреда, нежели пользы и если я совершенно убежусь в этом, тогда конечно я самая несчастная женщина. – Прости друг мой, сделала ли я тебя счастливым, это еще вопрос. Друг твой жена»⁶.

14 сентября, получив письмо жены, Аксаков пишет ответ: *«Я не думал писать сегодня, но вчерашнее письмо твое от 10 сентября меня обеспокоило и огорчило, особенно конец его. Как могут приходить тебе в голову такие мысли? Тебе, которой дети обязаны в тысячу раз больше, чем мне? Матери, которая всю жизнь посвятила им, совершенно забывая свою личность? Все высокое и благородное, правота и чистота нравов, все человеческое достоинство внушено им тобою... Тебе грешно так думать. Вопрос же твой мне, если бы я не знал твоего сердца – должно принять горьким упреком, заслуженным мною. Убедись в том, что для меня не существует жизнь без тебя»⁷.*

Этот фрагмент переписки нуждается, на наш взгляд, в развернутом комментарии. В нем обнаруживается драматический подтекст взаимоотношений в аксаковском доме. Судя по всему, его семейный уклад не был безусловно патриархальным. Роль хранительницы очага, матери и жены, как это видно из письма Ольги Семеновны, не позволяла ей полностью реализовать весь потенциал своей личности. Хотя на вечерах в аксаковском доме, в котором собирались литераторы, театральные критики, актеры, она не ограничивала себя лишь хозяйственными хлопотами.

Ольга Семеновна была в курсе всех событий, принимала живое участие в «умных» разговорах, помогала друзьям и знакомым. Например, она явилась инициатором оказания помощи семейству К. Ф. Калайдовича, когда тот заболел и его семья нуждалась в деньгах. В его пользу была открыта подписка, Ольга Семеновна лично составила текст подписного листа.

Теплые отношения сложились у Ольги Семеновны с М. П. Погодиным, который считал ее «доброй, нежной, чувствительной гуманисткой»⁸. Между ними велась интенсивная переписка. О. С. Аксакова принимала активное участие как в сердечных, так и в литературных делах Погодина, была в полной мере его confidente. Преимущественно с ней историк делился своими сокровенными мыслями. В благодарность за понимание и живое участие он посвятил ей свою повесть «Адель».

В свою очередь Ольга Семеновна обратила восхищенное внимание на пьесу Погодина «Петр». В письме к нему она отмечает: «Итак, 2-е действие уже окончено <...> много раз перечитала я речь Петра: а конец, молитву, не могла ни разу без слез прочесть. Вся, вся речь бесподобна, а лучше, где Петр говорит о науке. Чудо!»⁹. Свою любовь к истории Ольга Семеновна стремилась передать и детям. Первой книгой Константина была, например, «История Трои».

Историческая наука, общение с умнейшими и образованнейшими представителями русского общества – это та сторона жизни, которая казалась жене Сергея Тимофеевича Аксакова по-настоящему значительной и содержательной по сравнению с «пошлыми», как она говорит, домашними делами. В момент кризисной рефлексии они стали восприниматься именно так, вызвав даже вспышку разочарования в своих материнских и женских усилиях.

Можно представить, что переживал Сергей Тимофеевич в эти дни. Чувство долга перед сестрой и беспокойство за семью, оставшуюся без него, сознание вдруг нахлынувшей вины перед Ольгой Семеновной переполняли его душу.

Практически весь сентябрь Аксаков проводит в делах и разъездах, посещает «нужных» людей, пытается всеми способами поправить положение Надежды Тимофеевны. 19 сентября в письме он пишет: *«Никого нужных людей нет. Одним словом, я вижу, что все это здание предприятий и надежд рухнет без успеха. Ах, какое горестное зрелище представляет Надина со своим семейством, предчувствую все! Не понимаю, как будет жить Маша посреди людей, ее непонимающих. Один отец был ее товарищем»¹⁰.*

20 сентября датировано письмо Ольги Семеновны к Сергею Тимофеевичу: *«Поздравляю тебя, Серж мой, на твой пятидесятый год, да пошлет Господь Милосердный поздравить*

тебя и на семидесятый. Это небольшое желание, но молю Бога, чтобы оно исполнилось. Получила письмо твое, мой Серж, где пишешь, что тебя встревожили некоторые мои выражения. Что делать, ты знаешь, что я пишу под впечатлением той минуты и как расположена, так и слова мои выливаются. Все также и тоже, старая песня. Я желаю всем счастья, но не сумела доставить его никому, конечно одну себя виню. Да поможет вам Господь быть полезным сестре твоей и ее семейству»¹¹.

Ольга Семеновна находилась в подавленном состоянии. Это было обусловлено непредвиденным расставанием с мужем, навалившимися проблемами по хозяйству и материнскими переживаниями за детей.

Интенсивная переписка Аксакова с женой продолжается весь сентябрь. Сергей Тимофеевич практически ежедневно пишет Ольге Семеновне, подробно рассказывая о своих занятиях и визитах, но письма от жены получает редко из-за плохой работы почты, хотя Ольга Семеновна пишет часто. Ее письма проникнуты сочувствием к судьбе Надежды Тимофеевны и переживаниями за самого Аксакова. В них немало сведений и о литературных делах Москвы, которые интересовали Ольгу Семеновну, судя по всему, она внимательно следила за выходом в свет новых литературных журналов и книг.

Об этом свидетельствует письмо от 7 октября 1840 г.: «№ 220-й «Северной пчелы». Заметки о Москве [автор Межевич]. Рассказывает в Москве о каких-то двух братьях, не знаю были ли они на самом деле или теперь есть, которые года 2, 3 тому назад, умирали с голода в одной из отдаленных русской провинций, а теперь имеют около миллиона состояния! Он выиграл вчера 20 тысяч, он впоследствии выиграл тысяч триста, такая слава, такая весть, в Москве дело очень обыкновенное. Еще удивительнее, что какие-нибудь Московские Бальзаки и т.п., которые в повестях своих разглагольствуют о благе, о человечестве и пр. и пр., которые готовы целым томом антикритики убить рецензента, осмелившегося в статье своей сказать об них, что они гении. Эти Бальзаки пускаются в промышленность такого рода и, не надеясь на свой талант литературный, наживаются средством вернейшим – картами. Самая любимая и употребительная игра этих почтенных chevalier называется палками. Если ты не читал и не слышал об этом, то достань непременно и прочти всю статью»¹².

В этих заметках Ольга Семеновна, да и не только она, увидела прямой выпад В. С. Межевича против Николая Филипповича Павлова, писателя, хорошего друга Аксакова. Не удивительно, что она сильно обеспокоилась, так как статья угрожала репутации и самого Сергея Тимофеевича.

В ответ Ольга Семеновна получает от него утешительное письмо, датированное 12 октября: «Я получил письмо твое от 7 октября. Статью Межевича я не читал, да и читать не буду, но слышал о ней давно. Она не произвела здесь никакого впечатления. Межевич подленькая дрянь и не в состоянии написать ничего дельного и умного. Всем известно, что Н. Ф. [Павлов] играет часто и все считают его будущей жертвою, а не жрецом. Итак, подлая выходка Межевича ничего не значит, и смешно принимать ее так горячо, еще смешнее отвечать. Да кто же умеет угадать кого-нибудь в этой статье? Подобного рода пасквили всегда были и будут»¹³.

В начале октября Сергей Тимофеевич общается, что вынужден пробыть в Петербурге весь месяц, через месяц пишет:

«4 ноября. Я решительно прихожу в отчаяние. Я теряю нравственное управление над собой, язык мой приговорился, голова истощилась, внимание притупилось, само участие не так уже сильно, не так живо и мною овладевает какое-то тяжелое, не грустное, а печальное состояние»¹⁴.

«18 ноября. Посуди, что все мне говорят, что успеха не будет. Каково же мне принести такие жертвы делу, от всех почитаемому потерянному. И в то же время, как же бросить его не испытать?»¹⁵.

В конце ноября намечается наконец перелом в деле Карташевских. Аксаков готовит бумаги, собирает необходимые подписи, посещает «нужных» людей и все документы отправляет в министерство.

2 декабря датировано письмо Ольги Семеновны, полное отчаяния: «11 ноября уже прошел и мы не вместе. Я понимаю, как тебе это тяжело. Да устроит Господь все так, как ему угодно. Покорность да пошлет, как и терпения. Не могу дождаться, когда кончится этот 40 год. Так он был нехорош для нас. Прости Серж мой, что это за жизнь, какую мы теперь ведем. Ожидаем, ожидаем и так длится все одно ожидание. Тебе все станет казаться странным после пяти месяцев»¹⁶.

4 декабря в письме Аксаков сообщает: «Слава Богу, берег виден и в лучшем виде, не жели все ожидали! Дело пересылается к министру финансов. Сообщение о решении будет 13 декабря»¹⁷.

13 декабря Аксаков готовится к отъезду, делает прощальные визиты. 14 декабря Сергей Тимофеевич пишет жене: «Нет, богу не угодно было благословить мои заботы, горячее желание мое осталось без исполнения. Государь отказал в снятии долга, прощены только на 3 года проценты с долга в Государственный земельный банк – это по 7 тысяч рублей в год, следовательно, в 3 года – 21 т. руб. Как всех нас это поразило. Итак, завтра с Верой мы отправляемся»¹⁸. Но Аксаковы смогли уехать из Петербурга только после 17 декабря.

Сложный период жизни Сергей Тимофеевич, безусловно, смог пережить благодаря поддержке близких людей и, прежде всего, жены, которая обладала безграничным терпением и добрым сердцем. Их почти ежедневные письма наполнены теплотой и любовью друг к другу.

Несомненно, семейная переписка С. Т. Аксакова является важным штрихом в летописи его жизни и творчества.

Примечания

¹ Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859) / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. Уфа, 2010. С. 5.

² См.: Машинский, С. И. С. Т. Аксаков: жизнь и творчество. М., 1973. 576 с.

³ См.: Кошелев, В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. 380 с.

⁴ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 6, л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 32, л. 126.

⁷ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 6, л. 28.

⁸ Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Т. 3. СПб., 1890. С. 105.

⁹ Там же. С. 315.

¹⁰ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 6, л. 38.

¹¹ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 32, л. 128.

¹² Там же. Л. 131.

¹³ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 6, л. 83.

¹⁴ Там же. Л. 141.

¹⁵ Там же. Л. 170.

¹⁶ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 32, л. 132.

¹⁷ РГАЛИ, Ф. 10, оп. 3, ед.хр. 6, л. 218.

¹⁸ Там же. Л. 232.

КНИЖНЫЙ ВИД ЖАНРА ДАСТАН В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТЕМУ

Рассматриваются татарские дастаны как специфическая разновидность жанра эпоса. Такая концепция в первую очередь опирается на народную этническую традицию и в ее рамках автор теоретически разрабатывает тему книжных дастанов татар Поволжья.

Ключевые слова: фольклор, устный, письменный, книжный, жанр, традиционная культура, дастан.

В общей фольклористике есть труды, посвященные теории эпоса, но проблемы изучения особенностей, характерных для татарского дастана, в теоретическом плане до сих пор специально никем не рассматривались.

В татарской фольклористике дастаны как жанр сравнительно недавно получили признание, принципы определения особенностей такого рода памятников долгие годы не вписывались в научные рамки. Первой научной работой, посвященной жанру дастана, можно считать статью Г. Ибрагимова¹. В эти же годы увидели свет учебник Гаты Исхаки², сборник Г. Шарафа³, статья Г. Саади⁴ и др. Известно, что в этот период материалы фольклора находились лишь на начальном этапе исследования. Отсутствие изучения произведений, которые можно было назвать «дастаном», связано с общественно-политическими условиями эпохи. Начиная с 20-х гг. и до конца 30-х и даже до начала 40-х гг. XX в., как и в литературном процессе всех тюркских народов, в татарской литературе и фольклористике для изучения жанра дастана были созданы благоприятные условия. Нельзя не отметить и то, что период «оттепели» был сравнительно коротким. Лишь во второй половине XX в. Х. Ярми снова поднял вопрос о том, что дастаны «давно дожидаются серьезного научного исследования»⁵. Следовательно, только в конце 60-х гг. XX в. была поставлена задача научного исследования татарских дастанов.

Начиная именно с этого времени в татарской фольклористике возросло внимание к жанру дастанного эпоса⁶, были изданы работы Ф. Урманчева⁷, Н. Хисамова⁸, Р. Ганеевой⁹ и др., посвященные анализу эпических произведений. А позднее появились диссертации и монографии¹⁰, посвященные специальному изучению отдельных дастанов.

Несмотря на то что в истории татарской фольклористики проблема книжного вида

жанра дастана специально не изучалась, учеными эта проблема то и дело ставилась.

На то, что некоторые эпические жанры народного творчества среди казанских татар бытуют письменно, начиная с XIX в. обращали внимание и высказывали по этому поводу свое мнение С. Г. Рыбаков, Г. Рахим и Г. Газиз, далее Н. Исанбет, Ф. Ахметова, Ф. Урманчев, Ш. Абилов, М. Усманов, М. Ахметзянов, М. Бакиров, А. Садекова, А. Шарипов, Х. Миннегулов, Т. Галиуллин, Ф. Яхин, Н. Хисамов, М. Гайнетдин, Л. Х. Мухаметзянова.

В татарском литературоведении и фольклористике процесс обретения татарским дастаным эпическим наследием своего достойного места вобрал в себя несколько десятилетий. Между тем теоретические и практические проблемы, относящиеся к области эпического устного творчества и письменного эпического фольклора, существуют и сегодня.

В научной теории о книгах существует своеобразный условный термин «рукописная книга», который применяется по отношению к сравнительно объемным текстам различного жанра. Здесь на первый план выступает рукописная форма оформления и существования самого текста. Изучая и освещая историю татарской печатной книги, ученые рассматривают ее на общем фоне развития тысячелетней книжной культуры народа в целом. Отсюда нетрудно понять происхождение и смысл термина «книжный дастан», употребляющегося в фольклористике в отношении эпос-дастана, созданного и распространенного в письменной форме. Казанские татары – преемники именно письменной культуры, сформировавшейся в Волжской Булгарии, позже продолжавшейся и утвердившейся в период Золотой Орды и Казанского ханства. Книжные дастаны, опирающиеся на традиции этой культуры, дошли до нас в основном в рукописном или печатном виде. Это вполне логичный результат влия-

ния письменной культуры на традиционный фольклор. Наличие такой глубокой традиции и прочной базы в лице тысячелетней национальной книжно-письменной культуры способствовало становлению, формированию и развитию татарских книжных дастанов. Именно факт преобладания письменной культуры, нежели традиционной устной, и стал катализатором формирования татарских книжных дастанов.

Причин формирования книжного дастана в татарской традиционной культуре немало. У татар решающую роль играли стремление к образованию, к книге, уважение к печатному слову, условия оседлой жизни обеспечили возможность письменного творчества, переписывания и распространения объемных текстов. Поощряющий, пропагандирующий и последовательно внедряющий грамотность и книжную традицию ислам также оказал решающее влияние на эпическое творчество, исполняемое в устной форме, способствуя распространению в сфере духовной культуры и быта народа книжной разновидности жанра. Дастан – в некоторой степени элитарный жанр. Бесспорно, вид творчества, обладающий определенной эстетикой, стихотворным исполнением, большим объемом, несущий в себе ту или иную идею мог завоевать душу лишь достойных его образованных читателей. Этот факт также не мог не повлиять на то, что жанр обрел книжный вид. Народ все больше отдавал предпочтение письменному творчеству, внешние фольклорные признаки татарского эпоса убывали, на определенном этапе исторического процесса он в основном сформировался как книжный эпос¹¹.

Книжный эпос – это аутентичный текст в его индивидуально-литературной обработке и систематизации с учетом фольклорной эпической традиции, специфики его содержания, формы, сюжета, стиля, поэтики, а также закономерностей возникновения, становления и развития эпического фольклора вообще, созданный в условиях письменной культуры просвещенными людьми, умеющими искусно соединять каноны народного эпоса с письменными стилевыми и поэтическими особенностями или же по-своему перерабатывать некоторые известные сюжеты. Ряд татарских книжных дастанов сохранили имя своего автора, существуют дастаны, авторы которых неизвестны.

Книжный вид дастана в татарском фольклоре своей неразрывностью с письменной культурой сильно отличается от «живого» ис-

полнения эпоса перед народной аудиторией¹². Книжные дастаны – это эпос, продолжавший функционировать в репертуаре письменной культуры народа и одновременно поддерживающий тесную связь с устным фольклором, вновь и вновь исполняемый и сказителями.

Степень обретения книжной формы у татарских дастанов различная. Если в одних дастанах доминирует фольклорный пласт, в других лучше усвоены литературные признаки. Если одни сохранились лишь в рукописях, то большинство же достигло уровня книжного исполнения, а переписчик стал выступать даже в роли автора. Сюжет «Тахира и Зухры» – тому пример. У этого произведения бесчисленное количество вариантов, начиная с Саади, записанного В. Радловым, переписанного А. Курмаши и других как «авторских», так и «неавторских». Но вариативность сюжета, а также язык, стиль, мотивы, устно бытующие фрагменты из того или иного варианта дастана – это неопровержимые доказательства народного признания произведения. Эти признаки, нашедшие отражение в тексте, позволяют раскрыть фольклорные основы дастана.

Х. Миннегулов в статье, посвященной анализу сходства между средневековой татарской литературой и фольклором, пишет: «Фольклор и письменная литература, составляющие два ответвления искусства слова, в древние века и в средневековье особенно тесно соприкасались. Иногда одно от другого отличается чисто условно»¹³. Книжные дастаны находятся на границе этой условности и являются разновидностью объемного эпического жанра. Татарские книжные дастаны можно назвать синтезом, соединением письменно-литературного и фольклорного начала. Если в системе устного народного творчества они являются эпическими текстами, усвоившими литературно-эстетические достижения, то если их рассматривать как оригинальное произведение индивидуального автора, выясняется, что тексты следуют эпическим канонам фольклора, уходящего в глубину веков.

По своей сущности эпический фольклор – это искусство слова. Анализ стилистического оформления дастанных текстов и типологических мотивов, его составляющих, позволяет определить соотношение в них литературно-письменных и фольклорных традиций. Проведенный нами анализ¹⁴ указывает на глубокие литературно-фольклорные связи татар в период сложения и формирования дастанного

эпоса с древнетюркским доисламским устно-эпическим и древневосточным мусульманским и домусульманским письменным наследием. В книжном виде жанра особенности фольклорного эпоса и литературно-книжного произведения органично переплелись в одно целое. В процессе становления и формирования книжные дастаны татар Поволжья приобрели совершенно новые черты, не противоречащие фольклорным эпическим законам, сохраняя при этом обратную связь с тем самым фольклором.

Итак, дастанное эпическое творчество, сохранившееся у татар Поволжья почти исключительно в книжной форме, возникло в недрах народного творчества. Связь книжных дастанов с народной поэзией выражается не только в стиле, но и в содержании: эпические памятники, как правило, выражают общенародные интересы, пронизаны пафосом любви к родине, содержат демократические по своему духу тенденции. Книжные дастаны татарского народа являются не просто старинными рукописями устно-поэтического творчества, но определенным звеном в развитии жанра, а также литературы и фольклора в целом.

Примечания

¹ См.: Ибраһимов, Г. Әдәбият кануннары. Казан, 1918. С. 68–70.

² См.: Исхакий, Г. Әдәбият юллары. Казан, 1920.

³ См.: Балалар күңеле. Сүз башын язучы. Г. Шәрәф. Казан, 1921.

⁴ См.: Сәгъди, Г. Әдәбият тарихымы, язмалар тарихымы? // Безнең юл. 1923. № 1. С. 4.

⁵ Ярми, Х. Татар халкының поэтик ижаты. Казан, 1967. С. 82.

⁶ См.: Әхмәтова, Ф. В. Дастаннар // Татар фольклоры жанрлары. Казан, 1978. С. 26–50.

⁷ См.: Урманчиев, Ф. Героический эпос татарского народа. Казань, 1984.

⁸ См.: Хисамов, Н. Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества. М., 1979.

⁹ См.: Ганеева, Р. К. Восточный ренессанс и поэт Кул Гали. Казань, 1988.

¹⁰ См.: Ибрагимов, Л. Х. Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000; Закирова, И. Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011 и др.

¹¹ См.: Мухаметзянова, Л. Х. Книжный дастан в творчестве казанских татар // Вестн. Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та. 2011. № 4 (26). С. 247–249.

¹² См.: Мухаметзянова, Л. Х. Роль информанта – носителя эпической традиции в книжных дастанах татар Поволжья в популяризации национального эпоса // Вестн. Чув. ун-та. 2012. № 2. С. 337–340.

¹³ Миңнегулов, Х. Й. Урта гасыр татар әдәбиятының фольклор белән охшашлыклары һәм уртагак яклары // Татарская культура в контексте европейской цивилизации : материалы междунар. науч. конф. Казань, 2010. С. 284.

¹⁴ См.: Мухаметзянова, Л. Х. «Кур углы»: модель книжного дастана в творчестве татарского народа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 36 (290). Филология и искусствоведение. Вып. 72. С. 40–43; Мухаметзянова, Л. Х. Некоторые вопросы изучения «Кахарман Катил», эпического достояния казанских татар // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 4 (295). Филология и искусствоведение. Вып. 75. С. 79–82; Мухаметзянова, Л. Х. Соотношение индивидуального и традиционного в романическом книжном дастане татар «Лейля и Маджнун» // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 10 (301). Филология и искусствоведение. Вып. 76. С. 76–80 и др.

РЕЛИГИОЗНАЯ КОННОТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ XVII ВЕКА

Исследуется роль религиозно-маркированной лексики в законодательной речи XVII в. Выявлена связь концепта «преступление» с национально-культурным концептом «грех». Религиозно-правовой синкретизм рассмотрен как устойчивая этноментальная характеристика правосознания.

Ключевые слова: *концепт «преступление», концепт «грех», религиозная коннотация, религиозно-правовой синкретизм, русское правосознание, языковое сознание законодателя.*

Представители разных научных отраслей (философии, права, филологии) обратили внимание на уникальную сложность русского правосознания, в частности на унаследованную от славянских предков органичную связь права с моралью и религией. Согласно точке зрения И. А. Ильина, право и закон в русской ментальности должны соединиться с верой и совестью, через веру и совесть должны быть обоснованы и одобрены: «<...> надо объять их своим религиозным и нравственным взором <...>» [3. С. 579–580]. По мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, специфика славянской правовой традиции заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона, которые имеют божественное происхождение [2. С. 234–235]. В правоведении возрастает интерес к историко-культурному направлению, получены интересные результаты при исследовании древнерусского правосознания, основанного на синкретичном комплексе «протонорм», включающем моральные, религиозные, правовые и другие регулятивы (см. [6]).

Правоведы осознают необходимость собственно лингвистического изучения истории языка права, и это, по нашему мнению, целесообразно не только для «адекватного проникновения в культуру и правовое мышление средневековья» [6. С. 16–17], но и для исследования дальнейшего генезиса русского правосознания. Поскольку речь отражает особенности языковой личности, с помощью анализа созданных этой личностью текстов можно реконструировать понятийно-ценностную картину мира данного субъекта или, как в нашем случае, профессиональной группы субъектов – юристов. Подчеркнем: языковое сознание русских законодателей следует рассматривать именно в рамках этнолингвокультурной общности. Такой подход способствует пониманию

логики развития собственно юридического сознания в парадигме русской культуры.

С точки зрения историков права, древние нормы права неразрывно связаны с религиозными воззрениями, поскольку в течение длительного периода существовал синкретичный комплекс «протонорм» [6. С. 91, 93]. Разделение регулятивных норм в обществе на правовые, моральные, религиозные и другие «вполне осуществилось только в Новое время» [6. С. 128], т. е. к XVII в. Так, авторы отмечают активное использование в тексте «Уложения» 1649 г. «религиозной символики», подразумевая, очевидно, соответствующие языковые единицы. Ученые констатируют условность религиозно окрашенной формы юридического текста при его семантической объективности, связанной с прагматической направленностью юридического мышления в «Уложении» [6. С. 166–168]. По нашему мнению, данное явление имело этноментальную обусловленность: принадлежность языкового сознания законодателя к русскому этноязыковому коллективу естественным образом приводила к трансляции традиционных ментальных установок через речевые произведения. Предполагаем, что вводимая в профессиональный текст религиозно-маркированная лексика выполняла в нем более серьезную роль. Помимо своей формы, данные языковые единицы обладали глубоким содержанием, которое даже в законодательном тексте при объективной потребности обозначения правовых реалий неизбежно способствовало формированию особой, синкретичной семантики профессиональных слов и выражений. Семантическая многослойность не могла не влиять на понимание содержания правового текста адресатами, а значит, и на их правовое сознание. Раскроем сущность описанного явления на примере анализа лексики тематической группы «преступление».

Для номинации противоправного поведения в «Уложении» используется религиозно-маркированная лексика, входящая в лексико-семантическое поле «грех» и в номинативное поле концепта «грех». Из ядерных единиц *грех*, *грешный*, *грешить*, *грешник* в юридическом тексте функционирует только лексема *грех*: «А будеть отецъ, или мать сына, или дочь убить до смерти: и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣ въ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи, и у церкви Божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ, а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити» [10. С. 154]. Убийство ребенка, совершенное родителями, оценивается с точки зрения религиозных и юридических норм. Исходное лексическое значение ‘нарушение, преступление закона божія; дѣло противное которой нибудь изъ заповѣдей божіихъ’ [7. С. 394] объединяется с производным значением ‘проступок’ [7. С. 395], на основе которых развивается профессиональное значение ‘преступление, нарушение юридической нормы’, которое в словарях отчетливо не отражено.

Лексема ‘грех’ в юридическом тексте XI в. (Устав Ярослава Владимировича) использовалась для номинации одного из двух базовых понятий: грех – религиозно-нравственное преступление, нарушение божественного закона через деяния или помыслы, нравственная несправедливость; преступление – нарушение закона человеческого, противообщественное деяние (это понятие соотносится с «обидой» в «Русской Правде») [5. С. 222]. Если в Уставе XI в. понятия греха и преступления сознательно разграничивались, то в «Уложении» XVII в. мы наблюдаем их диффузию и интеграцию. Лексема *грех* используется как вариантное наименование убийства (ср.: *смертное убийство*) – уголовного преступления, которое в то же время оценивалось как нарушение религиозной нормы. Тип коммуникативной ситуации (описание санкции за уголовное преступление) с собственно профессиональной точки зрения не требует апелляции к религиозной норме, однако ссылка на нее происходит, что свидетельствует о тесной связи религиозного и юридического закона в языковом сознании законодателя. Данный феномен можно назвать сакрализацией правовой нормы, нарушение которой является не только антиобщественным, но и антирелигиозным поступком.

Наряду с лексемой *грех* в «Уложении» встречается субстантивированное прилагательное

неправедный, которое можно соотносить с центральной зоной номинативного поля концепта «грех»: «<...> а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни въ чемъ другу не дружити, и недругу не мстити, и никому ни въ чемъ ни для чего не норовити, дѣлати всякія Государевы дѣла, не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго отъ руки *неправеднаго*» [10. С. 17]. Лексема *праведный* в отношении к человеку имела значение ‘свято живущій’, производное наречие *праведно* – ‘свято, согласно съ закономъ, безгрѣшно’ (речь о Божьем законе) и ‘по правдѣ, соотвѣтственно правдѣ, точно’ [8. С. 1044]. В соответствии с антонимическими отношениями *неправедный* в первую очередь понималось как ‘грешащій, нарушающій религиозные нормы’ (в упомянутом словаре отдельно не толкуется) и являлось синонимом к грешник ‘преступникъ, нарушитель божія закона’ [7. С. 397]. В юридическом тексте на основе религиозной семантики формируется профессиональное значение ‘преступник, нарушитель юридической нормы’. Оно зафиксировано и в современном словаре по исторической лексикологии: ‘тот, кто творит беззаконие; несправедливый, нечестный человек’ (в качестве иллюстрации приведена та же цитата из «Уложения»), хотя при толковании термин *преступник* не используется [9. С. 240]. Этим же значением обладали функционирующие в «Уложении» термины *вор*, *злодей*, *лихой человек*, *ослушник*. Они могли полностью удовлетворить собственно профессиональную коммуникативную потребность – обозначение незаконопослушного субъекта, но в процитированном фрагменте профессиональное языковое сознание отдает предпочтение лексеме *неправедный*, в семантике которой мы вновь видим отражение обязательной связи религиозного и юридического закона.

Интересным считаем такой факт: в юридическом тексте появление номинации *неправедный* по отношению к преступнику в дальнейшем изложении побуждает использовать, хотя и фрагментарно, выражение *православные христиане* по отношению к законопослушным людям, что еще раз подтверждает концептуальную значимость греховности и праведности при осмыслении преступления и законопослушности. «32. А которые розбойники и тати дойдутъ до пытки: и тѣхъ розбойниковъ и татей пытать и въ тѣ дни, хотя будетъ въ которой день по котормъ Государѣ и память будетъ,

или хотя и праздникъ будетъ, потому, что розбойники и тати и въ праздники *православныхъ Христiанъ* бьютъ, и мучать, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ» [10. С. 141].

Более сложной по форме, но семантически идентичной лексеме *неправедный* является номинация *забыватель закона христианского*, в основе которой лежит глагольный оборот *забывать закон христианский*, то есть 'грешить': «4. А будетъ кто сынъ, или дочь, не помня закона Христiанскаго, учнетъ отцу, или матери грубья рѣчи говорити, или отца и мать съ дерзости рукою зашибеть, и въ томъ на нихъ отецъ, или мать учнутъ бити челомъ: и такихъ *забывателей закона Христiанскаго* за отца и мать бити кнутомъ» [10. С. 154]. Кроме того, в «Уложении» функционируют глагольные конструкции *преступить закон Божий, забыть страх Божий и христианский закон, не помнить закона христианского* (в форме деепричастных оборотов), совмещающие религиозное и юридическое значение: «170. А будетъ которая обчая ссылка по посуломъ, или по чему нибудь *преступивъ законъ Божий*, солжетъ и оговорить кого не по винѣ...» [10. С. 43]; «25. А будетъ кто мужескаго полу, или женскаго, *забывъ страхъ Божий и Христiанскій законъ*, учнутъ дѣлати свадьбы женками и дѣвками на блудное дѣло, а сыщется про то допряма: и имъ за такое беззаконное и скверное дѣло учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ» [10. С. 156]. Несмотря на эксплицитную вербализацию концепта «грех» как представления о нарушении религиозной нормы (закона), в приведенных контекстах религиозно-маркированные номинации получают вторичное значение 'нарушение юридической нормы (закона)' и отражают концепт «преступление». Наибольшая степень близости религиозной и юридической семантики наблюдается в конструкции *преступить закон Божий*, которая по сравнению с конструкцией *забыть закон христианский* более адаптирована к профессиональной коммуникации (ср. ряд терминов: *преступить, преступление, преступник*).

Оценивая соотношение концептов «преступление» и «грех», нужно учитывать, что последний входит в число ключевых концептов русской языковой картины мира. Национальная специфика концепта «грех» заключается в многомерности концептуальной структуры – наличии в ней социального, этического, религиозного компонентов [1; 4]. Если традиционными сферами функционирования данного

концепта являются неофициальные отношения, то его проявление в юридической коммуникации придает ей национальную специфику. Для русского народа представление о грехе связано прежде всего с нарушением закона Божьего; внутренняя форма слова грех – «жжение (совести); то, что жжет» – содержит в себе идею духовно-нравственных страданий [1]. В христианском сознании грех – отрицательный поступок, наносящий вред не только окружающим, но и самому грешнику, разрушающий его душу [4]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для русского правосознания, в том числе профессионального, важной представляется не только внешняя сторона преступления, но и его внутренняя сторона – душевное состояние преступника.

Таким образом, мнение историков права о четком разграничении в XVII в. правовых и религиозных норм полностью не подтверждается результатами лингвистического анализа. Полученные данные свидетельствуют об устойчивости такой этноментальной характеристики правосознания, как религиозно-правовой синкретизм. Представление о связи религиозных и юридических норм в языковом сознании законодателя как члена русского этноязыкового коллектива обуславливает возможность выражения юридического концепта «преступление» с помощью лексики, относящейся к номинативному полю концепта «грех». Вследствие этого концепт «преступление» приобретает религиозную коннотацию и не может быть назван профессионально-объективным. Религиозная маркированность юридического текста не имела условный характер, как полагают историки права, а способствовала выражению национального правосознания и организации национально-ориентированной системы права, одним из критериев справедливости которого было соответствие религиозным устоям.

Список литературы

1. Бушакова, М. Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «Грех» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010.
2. Иванов, В. В. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, Загреб–Любляна, сент. 1978 г. : доклады советской делегации. М., 1978.

3. Ильин, И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6, кн. 2. М., 1996.
4. Козина, Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех»: на материале лексических, фразеологических и паремических единиц : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003.
5. Ключевский, В. О. Русская история : полн. курс лекций : в 3 кн. Кн. I. М., 1997.
6. Рогов, В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. М., 2006.
7. Словарь Академіи Россійской. Ч. II. Отъ Г до З. СПб., 1790.
8. Словарь Академіи Россійской. Ч. IV. Отъ М до Р. СПб., 1793.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 (Потка – Преначальный) / РАН, Ин-т рус. яз., гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1992.
10. Уложение. 1649 // Полное собрание законов Россійской Имперіи, повеленіем Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. Т. I, № 1. СПб., 1830.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛА «РОЗЫ» В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Представлена трансформация символа «розы» – ведущего цветка в художественном пространстве А. Ахматовой. Предлагается уточненная схема «внутритекстовых синонимов» «розы», выделен прием нанизывания признаков не только на уровне конкретного стихотворения, но и на протяжении всего творчества поэта.

Ключевые слова: красота, художественный образ, символ, эпитет, метафора, сравнение, категория, трансформация, «внутритекстовые синонимы».

Предлагается рассмотреть «розу» как наиболее яркий символ в поэзии Анны Ахматовой, основываясь на полном Собрании сочинений поэта в 6 томах¹. По словам Ю.М. Лотмана, «в символе всегда есть что-то архаическое», а «память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения»².

Развитие методики анализа символа «розы» и уточнение фактов, которые ранее были приведены в работах В. В. Короны, составляют научную новизну исследования. Автором выявлено, что этот цветок впервые упоминается поэтом не в 1910 г. в цикле «Обман», как указывалось в книге «Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций», а в 1906 г. в стихотворении «Весенний воздух властно смел...».

«Розам» посвящено немало легенд и преданий. В Древней Индии считалось возможным просить у царя все что угодно тем, кто приходил с розой, а турки верят, что белая роза возникла из капель пота Магомета. С незапамятных времен человек пытается найти разгадку красоты и нежности этих созданий. Известно, что в древности Иран назывался «Страной роз», Персия воспевалась поэтами как «сад роз», плодоносные хлебные поля Рима преобразовывались в розарии. Персидская роза сравнивалась с китайским лотосом, в Индии она несла божественную тайну, а в христианской иконографии являлась символом воскрешения. В Кашмире и по сей день, отмечается праздник распускающейся розы³.

Не случайно именно «розу», королеву благоухания, А. Ахматова использует чаще других цветов (33 раза). Однако хронологически в первом стихотворении упоминается «лилия» – тонкий, благородный цветок, ассоциирующийся с невинностью. Так, древние греки усматривали в нем зачатки страсти и любви, возможно, поэтому его называли «роза Юноны».

При описании «роз» происходит своеобразное нанизывание оттенков, олицетворяющих внутренний мир героини («белые», «душисто-снежные», «желтые», «румяные», «желто-розовые» и др.). Поэт приподнимает завесу тайны души неопытной, ранимой и противоречивой героини. Эмоции, перехлестывая разумный ход вещей, соединяясь друг с другом, наполняют все существо иным смыслом, далеким от установленных догм.

Именно поэтому можно поспорить с А. Н. Веселовским, который в середине XX в. утверждал, что никто, за исключением Вяч. Иванова, не может конкурировать с А. Блоком в виртуозном описании этих «священных» цветов.

Являясь мощным магическим символом, «роза» олицетворяет собой кратковременность нашей жизни: «Если ты прошел мимо розы, то не ищи ее более».

В цикле «Обман» лирическая героиня еще юна и невинна, ее «сердце любит сладостно и слепо»: «Из белых роз не свей венок, / Венок душисто-снежных роз...». Все предметы и события описаны в радужных, светлых тонах. И даже когда появляется «легкий осенний снежок», она надеется получить «целый букет...» «роз из оранжереи». «Весенние» и «осенние розы» так милы и совершенны, что героине приятен не только их цвет, форма, но и аромат, что вносит определенную чувственность в канву сюжета. В то время, когда «лирические герои как бы меняются местами»⁴ – девушка превращается в недоступную особу, она совершенно в ином свете видит все те же «розы», которые «колются больно», да и «площадка круглая», откуда их принесли, уже не кажется таким романтическим и полным надежд местом.

Постепенно трагизм уходит, в сюжет вливаются сочные краски от «ярко синего» до «изумрудного» и «темно-зеленого». Но, как и пре-

жде, «... на террасе запах роз слышной» и «от роз струится запах сладкий». Повзрослевшая героиня четко формулирует свои желания: «Ни розою, ни былинкою / Не буду в садах Отца», она «научилась просто мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...». Прослеживается корреляция символа «розы» с идеей божественности.

Далее в жизни и душе «тихой и веселой» лирической героини наступает зима: «новогодние розы» «в снегу цветут». «Розы» появляются «в граненом бокале», «в умывальном кувшине», высвечиваются говорящие детали, формирующие нынешнее пространство, ослепляющее «...прозрачным блеском на вещах и лицах, / Как будто всюду лепестки лежали».

А. Ахматова использует в основном категориальные признаки в описании цветов. Цветы являются одними из прекраснейших творений на земле, и пока ими восхищаются – они вечны. Эти божественные символы присутствуют в жизни в минуты радости и печали, влюбленности и разочарования. Проходит время, ощущения минувших лет притупляются, обиды исчезают, и на смену непорочным цветам приходят «желто-розовые некрупные розы», в данном примере поэт акцентирует внимание не на чувственном выражении эмоций, а на созвучии духовно-эстетических категорий. Замечено, что А. Ахматова сочетает порой несовместимые растительные компоненты («И крапива запахла, как розы, / Но только сильней...»), а в 1957 г. «одичалые розы пурпурным шиповником стали...». Наблюдается своеобразная кольцеобразующая система трансформации символа «розы»: *ЛИЛИЯ-РОЗА-ШИПОВНИК-КРАПИВА*.

С помощью изобразительно-выразительных средств (метафор, сравнений, оксюморонов и олицетворений) цветковые решения раскрываются в индивидуально-авторском стиле поэта, реализуя эмоционально-образную картину мира, где приняты «обеты страдальческого пути». Главный принцип выбора цветовой гаммы – это гармония, в которой ощущается красота. «В использовании цветковых прилагательных А. Ахматову, по мнению К. В. Мочульского, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, А. А. Павловского, Н. О. Артюховской и других, отличают, с одной стороны, традиционность, исключая оценку ее поэзии определениями типа «сияющая, красочная, окутанная в цветовой туман», с другой – тонкое, изысканное мастерство во владении цветовой

палитрой, высокохудожественный вкус в выборе цветковых слов, которые получают в контексте новое, глубоко индивидуализированное эмоциональное напряжение»⁵.

Выявлено, что, минуя характеристику цвета в описании царицы цветов, А. Ахматова говорит о «первой розе» лишь в апреле 1944 г. в стихотворении «Как ни стремилась к Пальмире я...». Соединение «первой розы» с персиком, который «цветет» в черно-лиловом дыму «фиалок» представлено с некоторыми разночтениями через 11 лет в стихотворении «Третью весну встречаю вдали...», где «Персик зацвел, а фиалок дым / Все благовонней...». Разделяя мнение Л. К. Чуковской о совпадении одной строфы, заметим, что есть еще одна объединяющая деталь произведений – это топографическое пространство. В первом варианте Пальмира – древний город (столица Сирии), во втором – Ленинград, который часто назывался Северной Пальмирой. Вместе с тем, завершающая фраза («Кто мне посмеет сказать, что здесь / Злая чужбина...»), а в другом варианте: «Кто мне посмеет сказать, что здесь / Я на чужбине?!») вносит определенные опасения: говорит ли поэтесса о Ленинграде или мыслями еще в Пальмире? Экспрессия в первом варианте достигается при помощи эпитета «злая», а во втором – употреблением личного местоимения, что вводит конкретное лицо в сюжет, а также сложной пунктуацией, передающей смятение и неопределенность лирической героини. «Дым» «фиалок» представлен А. Ахматовой в весьма широком масштабе. Происходит своеобразный переход от «черно-лилового дыма» до «благовонного» всплеска чувств, окутывающего всеобъемлющим покрывалом красоты, погружающим читателя в безграничную божественную благодать.

Очевидно, разгадка ахматовского приема кроется в искусном прорисовывании прошлого, настоящего и будущего в различных культурных пространствах при помощи символов и деталей, что значительно обогащает сюжетные зарисовки стихотворений.

На смену «листьям» и «мыслям последним» приходят «последние розы». Период упоминания о них достаточно длителен: «последние розы» в 1917 г., одинокая «роза алая» в 1962 г. и самые последние – в начале 1964 г.:

Это все поведано
Самой глуби роз,
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез¹.

Поэт вскрывает основу всех основ: смысл жизни в любви, а «роза» в данном случае несет тот глубокий подтекст, который не нуждается в уточнениях.

В. В. Корона отмечал, что «хронологически самой последней является совсем другая – “Пятая роза”». «Ядро определяемого понятия – “Моя Роза”, а оболочка – перечень семи предметов, указывающих на различные оттенки внутритекстовых значений»⁶ (представлены в виде схемы):

1. Солнце («Звалась Soleil ты...»)
2. Райский сад (напоминала)
3. Стихи (могла быть «петрарковским сонетом»)
4. Музыка (могла быть «лучшей из сонат»)
5. Вино («И губы мы в тебе омочим...»)
6. Благословитель («А ты мой дом благослови...»)
7. Любовь («Ты как любовь была...»)

Основываясь на логике исследования развития действия, можно утверждать, что символ «розы» с наибольшей полнотой раскрыт именно в «Пятой розе», в которой присутствует ряд дополнительных коннотаций.

Предлагается уточненная реконструкция символа, где ядром данного понятия является название стихотворения, а художественные символические образы отражают его многогранность:

1. Солнце («Звалась Soleil ты или Чайной»)
2. Красота («стала столь необычайной»)
3. Райский сад (напоминала)
4. Творчество (могла быть «петрарковским сонетом»)
5. Вино («И губы мы в тебе омочим...»)
6. Дом («А ты мой дом благослови...»)
7. Любовь («Ты как любовь была...»)

Из «внутритекстовых синонимов» конкретизируем «красоту» как основополагающий образ структуры, а также «райский сад», непосредственно относящийся к заявленной тематике. Остальные характеристики не нуждаются в расшифровке, так как достаточно полно описаны В. В. Короной.

Правомерность введения в уточненную схему параметра «красоты» подтверждается объе-

динением ее с «розами» также и в более раннем стихотворении поэта «Я не люблю цветы – они напоминают...» («Но лишь предвечных роз простая красота...»). «Для А. Ахматовой Красота – комплексное понятие, которое ... включает в себя как объективные характеристики: форму, цвет, размер, содержание предметов и объектов, так и субъективные признаки – авторское восприятие»⁷. Обратимся к рифме: «Чайной-необычайной». Соединение объективного признака («чайной») и субъективного отношения к героине («необычайной») подтверждают дуальное восприятие прекрасного Анной Ахматовой.

Объединив значения символов «роза-солнце» и «роза-сад», предположим, что в самой «последней розе» «огонь небесной любви» сияет с большей силой и глубиной. Чайный цвет сплетает золото утреннего и красноту закатного солнца. Сложность цветописы используется поэтом с целью показать непростую канву любовных отношений с их изменчивой и непостоянной природой. Не случайно, в заключительных аккордах звучит любовь как ведущее связующее начало.

В стихотворении «Летний сад» присутствует реальный цветок, в данном случае «роза». Использование глагола в прошедшем времени «напоминала», рисует скрытый символ райских птиц: путем употребления дивной «розы» и эпитета «единственный» (в черновиках встречаем иной вариант – «таинственный»):

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника...¹

Образ сада – это не просто концентрация растительности на отдельно взятом участке, а идеалистическое создание добра, справедливости, гармонии, божественного миропорядка («Божий сад лучей...»), а, следовательно, красоты.

«Летний сад» – «сад, в котором царит вечное лето», а «розы» сообщают о «высокой и тайной любви». Как и образ дома, сад занимает почетное место в повторяющихся словообразах поэта.

В 1911 г. А. Ахматова создает просто «Сад», минуя символические уточнения («летний», «осенний», «нежный», «чудесный», «ти-

хий», «флорентийский», «царскосельский», «единственный», «отеческий», «деревенский», «яблочный», «темный», «приморский» и др.). Лирическая героиня пребывает в некоем оцепенении после разлуки с любимым.

Только в октябре 1964 г. в стихотворении «Я там иду, где ничего не надо...» она подошла к «глухому саду» в сопровождении самого милого спутника, который, к сожалению, «только тень». Возможно, здесь намечается параллель не только с садом, но и с миром, который не слышит ее: «А под ногой могильная ступень».

Из анализа символа «розы» следует, что А. Ахматова выходит за границы простого описания цветов. Формируется философская мысль о быстротечности «...жизни тленной, тленной и прекрасной...», делается акцент на конкретных вещах и символах сиюминутного мгновения, потому что именно «эта жизнь прекрасна...».

Предлагаемая уточненная схема «внутри-текстовых синонимов» «розы» дает основание выделить ахматовский прием – нанизывания качественных признаков (чаще всего эпитетов) не только на уровне конкретного стихотворения, но и на протяжении всего творчества поэта. Установлено, что в текстах Анны Ахматовой преобладает всеерная система распределе-

ния гнезд риторических фигур, расширяющая символическую и образную палитры ее поэтического пространства.

Примечания

¹ См.: Ахматова, А. Собр. соч. : в 6 т. Т 1. Т 2. Стихотворения. 1904–1966 / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. М., 1998. 968 с.

² Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 147, 148.

³ См.: Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1992. 361 с.

⁴ Корона, В. В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций. Екатеринбург, 1999. С. 49.

⁵ Соловьева, Л. Ф. Поэтика цветописи в сборниках А. Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Anno Domini», «Подорожник»: психологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. С. 8.

⁶ Корона, В. В. Указ. соч. С. 51–52.

⁷ Пугачева, Э. В. Объективно-субъективная концепция красоты в поэзии А. А. Ахматовой // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 114.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА О МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАУРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Рассматриваются зауральские варианты византийской легенды о Марии Египетской, зафиксированные в конфессиональной среде старообрядцев Южного Зауралья. Выясняются причины, обусловившие популярность сюжета в вербальном фольклоре двоедан края. На основе сопоставительного анализа текстов исследуется синтез в них книжной и устной традиций. Выявляется и анализируется трансформация сюжетно-мотивного уровня византийского первоисточника в зауральских версиях легенды.

Ключевые слова: старообрядцы, Зауралье, варианты легенды, мифологический мотив, духовный стих.

Специфику старообрядческой культуры во многом определяют ее конфессиональные установки, базирующиеся на особом авторитете Книги «дониконовского» периода. Отношение к Книге как носителю всех сущностных категорий, этических и социальных принципов объясняет доминирующую роль книжности в религиозно-духовной, художественной и повседневной культуре ревнителей «древлего благочестия». Достаточно вспомнить «Епистолию страдальческую» [12. С. 48], в которой противопоставлялись древние святые книги «новоизданным никоновым», приносящим скверну. Вероятно, восприятие староверами Книги как божественной субстанции обусловило особенность их фольклора, отмеченную С. Е. Никитиной: «Духовная культура старообрядцев в ее устном варианте предстает как живое и многообразное явление, чье функционирование в большей степени зависит от письменной культуры и связанных с ней мировоззренческих установок» [9. С. 45]. В частности, устная традиция старообрядцев в большей мере, чем художественное творчество других конфессиональных групп, демонстрирует значительную связь с Библией, апокрифической литературой, с произведениями византийской и древнерусской книжности.

В зауральской старообрядческой среде особенно популярной оказалась византийская легенда о Марии Египетской. Пять вариантов сюжета, записанные от разных информантов в крае (Архив кафедры литературы Курганского государственного университета: колл. «Ильино-86», «Ильино-91», «Коврига-99», «Юргамыш-2000», «Гагарье-2003»), сохраняют основные мотивы византийского первоисточника.

Основная причина современного бытования «иноземного» сюжета в Зауралье видится в кон-

цептуальном старообрядческом представлении о возможности искупления грехов удалением от мира. Народная христианская этика не отрицает грех как возможный этап на пути к святости. Согласно ей, человеческая природа изначально несовершенна, но может быть исправлена искренним покаянием. Возможность искупления грехов в глазах верующих подтверждается образами библейских грешниц, переживших подобное, Марии Магдалины в частности.

Мысль о способности человека к духовному возрождению является основополагающей для византийской легенды и ее зауральских версий: «Марья Египетская была блудницей с двенадцати лет, впала в грех, не могла остановить свою плоть. Скурвилась Марья, как бы вот сейчас весь мир. Потом опомнилась и долго мучалась и страдала, Богородица в конце концов ее простила» [4. С. 68]. «Очень грязными делами занималась Марья Египетская, но раскаялась и хранила обет, и потому была прощена» [3. С. 45].

Вероятно, активная жизнь сюжета о Марии Египетской в крае поддерживалась широким распространением здесь духовного стиха об уходе в пустыню как средстве углубленного самопознания и подготовки к иной жизни:

Отрекись от мира прелестного,
Иди в пустыню далекую [6. С. 20].

«Уход в пустыню» – мотив еще библейский, ветхозаветинский. Пророки уходили в Пустыню, чтобы слышать «глас Господень» – наедине беседовать с Господом. Идея пустыничества, основанная на противопоставлении «прелестного мира» и «пустыни», нашла яркое отражение в старообрядческих духовных стихах, бытовавших и в Зауралье. В пустыню удаляется герой зауральского духовного стиха, чтобы «...затворится, со слезами Богу помолится...» [6. С. 21].

Сама концепция ухода из мира является для двоедан мировоззренческой основой, организующей систему религиозно-бытовых регламентаций:

Скидавай-ко ты, человеце, ризы-те цветныя, алелуея,

Одевай-ко ты, человеце, ризы-черныя, алелуея... [6. С. 11].

Кабы я знал, кабы я ведал скорую кончину,
По три дня бы на неделе я постился... [6. С. 15].

В старообрядческой поэзии уход из мира – это еще и отрицание такого мира, в котором воцарился антихрист, «змея лукавый, семиглавый»:

Ведь антихрист сидит на царстве,

Он дает ведь такую прелесть

По всей земле, по вселенной... [6. С. 23].

Интересно, что очень популярный стих «Во миру жила девица...», где есть строки:

Во миру девицу невзлюбили,

Из миру красную прогнали –

был прокомментирован исполнительницей следующим образом: «Это веру нашу из мира прогнали, вот она в пустыню и ушла» [6. С. 26].

Зауральцам оказалась близка мысль о спасительности для души ухода в пустыню, заложенная в византийской легенде. И в зауральских вариантах нарратива прозревшая Мария Египетская оправляется в пустыню, чтобы страданием искупить свои грехи. «Пустыня» как средство самопознания сочетается с физическими испытаниями, которые она в себе содержит. «У пустынников трудное житие: никого людей, никакой еды. В монастыре хоть хлеб дадут, а в пустыне ничего. Росу пила и ела корни всякие. Ходила нагая, так как вся одежда ее обремкалась. Трудно было в пустыне Марии Египетской, очень трудно. Но она все молилась, этим спасалась» [5. С. 65].

Зауральские варианты сохранили основные сюжетно-композиционные элементы и образы византийского первоисточника, восходящие к фольклорно-мифологической традиции. Имеются в виду анимистические и тотемистические представления древних. С ними непосредственно связан образ зверя, помогающего хоронить Марию Египетскую.

Фольклорная пограничная символика воды. Многочисленные этнографические и фольклорные источники указывают на то, что вода мыслилась древними славянами как пространственный рубеж, разделяющий «свой» и «чужой» миры. Во всех вариантах Мария Египет-

ская переходит священную реку Иордан, прежде чем попадает в пустыню.

Сохранена в зауральских вариантах троичность как основополагающий принцип композиции фольклорного сюжета, в основе которого архаическое представление о трехчастности устройства мира. «Древний человек представлял, что мир вертикально членится на три части. Верхняя часть – небо, вторая – земля, нижняя – подземелье. Напоминает крест изображение мирового древа, которое выступало символом мироздания, мировой оси. Образ мирового древа для многих мифологических систем стал организующим началом, определяя их внутреннюю структуру и многие компоненты» [12. С. 80]. Мифема трехчастности построения мира имела такой универсальный и устойчивый характер, что нашла широкое отражение в сказках, балладах, былинах и других фольклорных жанрах. В частности отразилась она и в вариантах легенды о Марии Египетской. Трижды грешница в зауральском нарративе пыталась войти в церковь, чтобы получить прощение, три раза встречаются Мария Египетская и старец Зосима. Сакральное число три сохраняет свою актуальность в народной зауральской интерпретации византийской легенды.

Сопоставление вариантов свидетельствует о творческом восприятии старообрядцами края легенды. В частности, введен апокрифический мотив о «тайном прислуживании» Богородицы раскаявшейся блуднице. В одном из вариантов Мария Египетская рассказывает старцу Зосиме, как «тяжело ей было в пустыне и как сама Богородица ей помогала» [1. С. 40].

Вероятно, появление Богородицы в зауральском нарративе также не случайно. Грешный человек в этом мире надеялся не только на милость Христа. «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь» [11. С. 143]. Христос был слишком далек от повседневных забот. Образ же Богородицы отвечал религиозной потребности в поклонении Божественному материнскому началу. Такое почитание Божьей матери было сродни языческому почитанию матери-сырой земли. Богородице молились, от нее ждали помощи:

Мати Божья, Богородица,

Скорая помощница,

Теплая заступница,

Заступи, спаси и помилуй! [6. С. 45].

Мотив помощи Божьей матери великой грешнице усиливает идею прощения Богородицей духовно возродившихся людей.

Интересно, что в одной из зауральских версий легенды спасительный локус – пустыня – заменен своим смысловым инвариантом. Спасительным пространством для зауральской Марии Египетской становится лес. «Один раз молилась Мария Египетская, вдруг слышит голос: «Иди в лес за реку Иордан, там спасешься». Пошла она. Жила в лесу...» [4. С. 50].

Лес в традиционной культуре и фольклоре – природный локатив, наделяемый символической семантикой. Рассматривая исторические корни леса в сказке, В. Пропп делает вывод об «особой... мистерийной природе леса... Сказочный лес отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд, а с другой стороны – как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом» [10. С. 115]. В дуалистической мифологии большинства народов мира противопоставление «селение-лес» является одним из основных: через лес проходит путь в мир мертвых». Подобные представления о лесе обусловили в частности отнесение погостов в него как в сакральный локус, символизирующий пространство того света или путь в него. Лес – один из вариантов символического иномира, где происходят наиболее значимые в жизни героя события. Да и пустыня сама по себе для жителей Южного Зауралья – понятие абстрактное, отдаленное, тогда как лес гораздо ближе и понятнее.

Логичной в этом отношении выглядит еще одна перестановка, отличающая зауральскую легенду от первоисточника. Изменен образ чудесного зверя, который помогает старцу Зосиме похоронить Марию Египетскую. Естественно, появление льва в зауральском лесу выглядело бы абсурдным – откуда ему здесь взяться. Гораздо закономернее приход на помощь животного, имеющего большее отношение к зауральской фауне – медведя: «Вырыл медведь лапами яму, затем поклонился старцу и ушел» [2. С. 45].

Такая замена не противоречит статусу медведя в звериной иерархии в представлениях древних людей. По своей значимости медведь приравнен льву: он – царь зверей. «Почитание медведя в роли тотемного предка имело особенно широкое распространение среди охотничьих племен всех таежных и лесных районов, где водился этот зверь» [7. С. 448].

О вере в существование кровного родства с медведем свидетельствуют термины его наименования у разных народов. У русских медведь – «дедушка», «старик». У других народов его зовут «родным дедом», «старшим братом», «двоюродным братом», «любимым дядей» [8. С. 36].

Сохранились следы особого отношения к животному в поверьях. Верили, что медведь может помочь человеку, вывести заблудившегося из леса. Считали, что в медвежьей лапе скрывается таинственная сила: когти медведя, проведенные по вымени коровы, будто бы делали ее дойной, лапу вешали во дворе от домового или в подполье – «для кур». Археологи нашли и прямые следы культа медведя. В могильниках Ярославского края обнаружены просверленные медвежьи зубы и ожерелья из зубов, имевших в древности значение талисманов [8. С. 38]. Вероятно, представления о медведе как тотеме обусловили его приход на помощь старцу Зосиме в зауральской легенде.

Итак, рассмотрение вариантов распространенной в Зауралье византийской легенды о Марии Египетской позволяет говорить о синтезе нескольких традиций – архаико-мифологической, фольклорной и книжной. Сопоставление выявляет сохранение основных мотивов византийского первоисточника при их некоторой трансформации, связанной со спецификой конфессионального мировоззрения старообрядцев – интерпретаторов книжного памятника, региональными условиями бытования легенды и вариативностью как общей особенностью бытования фольклорного текста в диахронии.

Список источников

1. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Ильино-1986». 141 с.
2. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Ильино-1991». 120 с.
3. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Коврига-1999». 78 с.
4. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Юргамыш-2001». 83 с.
5. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Гагарье-2003». 81 с.
6. Архив кафедры литературы КГУ. Коллекция «Духовные сихи-1». 57 с.

Список литературы

7. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество. М., 2001. 478 с.
8. Дзенискевич, Г. И. Медведь в фольклоре индейцев Аляски // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 35–56.
9. Никитина, С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура : сб. ст. / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1982. С. 91–126.
10. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 280 с.
11. Федотов, Г. П. Стихи духовные. М., 1991. 240 с.
12. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев Южного Зауралья. Курган, 1997. 283 с.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ МИРОВОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГРАФИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

Представлены результаты исследования образа мирового кризиса в современной русской и американской политической карикатуре, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное мнение.

Ключевые слова: *графическая модель, карикатура, политическая коммуникация, креолизованный текст.*

За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, видеoverбального, составного, поликодового, креолизованного текста (Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, Л. С. Большаянова, Н. С. Валгина, Л. В. Головина, А. Ю. Зенкова, О. Л. Каменская, В. М. Ключанов, Э. А. Лазарева, Н. В. Месхишвили, О. В. Пойманова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, L. Bardin, V. Karlavaris, S. D. Sauerbieg и др.).

В. М. Березин указывает, что «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [1. С. 162]. Очевидно, что «эскалация изображения» не только знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, но и отвечает первостепенным потребностям современного общества [6]. Понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации», привело к обоснованию необходимости выделения в рамках современной науки понятия визуальности [5].

В связи с перераспределением в письменной речи функций вербальных и невербальных компонентов появляются семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. Для таких текстов используется метафорический термин «креолизованные тексты», принадлежащий Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову [8]. По их определению, креолизованные тексты – это «тексты, фактура кото-

рых состоит из двух неомогенных частей вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [8. С. 180–181]. Исследователи, принимающие в своих трудах в качестве рабочего данный термин, отмечают, что креолизованный текст представляется сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата.

Разнообразны виды креолизованных текстов: это могут быть кинотексты, плакаты, рекламные тексты, комиксы, карикатуры и др. Следует отметить, что не всякая реклама является креолизованным текстом, так как она обладает специфическим каналом передачи и восприятия информации: только зрительный ряд в печатной рекламе, только звуковой – в радиорекламе, видео и аудиоряд – в телевизионной [7. С. 114].

В условиях социально-экономических перемен, происходящих в России в начале XXI в. в условиях мирового кризиса, особую актуальность приобрели визуальные средства неформальной политической коммуникации. Особое место в современном политическом дискурсе справедливо заняла карикатура: ее роль и значение определяются, в первую очередь, наглядностью передаваемой информации, используя концептуальные образы, автор может очень точно передать суть какого-либо социального явления, отношение свое и общества к изображенным персонажам, проблемам [3. С. 61].

Карикатура, как один из основных видов графики, употребляется давно, но как особый сатирический вид изобразительного искусства сложилась в конце XVIII – начале XIX в.

Графические модели – карикатуры получили развитие, главным образом, в газетно-журнальной графике и стали острейшим орудием

политической борьбы и агитации.

После 1917 г. карикатура становится одним из ведущих жанров политической наглядной агитации. Исключительная роль принадлежала карикатуре в годы гражданской и Великой Отечественной войн: в плакатах, листовках, фронтовых газетах художники-карикатуристы бичевали и жестоко высмеивали врага (www.dictionary.reference.com).

В настоящее время карикатура чаще воспринимается не просто как некое средство критики, иронии, но и как некое зеркало современности, чутко реагирующее на все изменения в обществе, «как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [2. С. 132]. Большинство политических карикатур возникают вокруг антиобщественных явлений, событий и процессов, надлежащих отрицанию или исправлению, посвящены остроактуальным проблемам, таким как избирательные кампании, вопросы войны и мира, коррупции в правительстве. Начиная с 2008 по 2012 гг. отражение кризисных реалий являлось одной из главных тем современной политической карикатуры.

Являясь неформальным средством политической коммуникации, понятие карикатуры современными исследователями определяется двояко. Во-первых, это сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект достигается с помощью неожиданных сопоставлений или уподоблений, а также путем преувеличения и заострения каких-нибудь черт. Во-вторых, карикатура – это жанр изобразительного искусства, являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей, произведение или отдельный художественный образ, в котором в юмористической или сатирической форме передаются характерные признаки [4. С. 91]. Иными словами, для карикатуристов, безусловно, важными являются ироническое мировоззрение и, прежде всего, жизненная установка, позволяющая не принимать на веру общепринятые истины и стереотипы, общепризнанные ценности социума. В конечном счете, именно они позволяют художникам комического жанра находить новые темы и образы, построенные на основе хорошо

знакомых переносных значений, устойчивых словосочетаний, прецедентных феноменов.

В условиях финансовой нестабильности, которую до сих пор переживает мировое сообщество в посткризисный период, образ мирового кризиса остается одной из злободневных тем, представленных в современной карикатуре в российских и американских СМИ. Методом сплошной выборки нами были отобраны 47 российских и 42 американские политические карикатуры о кризисе 2008 г., представленные в Интернет. Графическими моделями, давшими основную серию карикатур о кризисе в обоих дискурсах, являются: «Экономический кризис – это падение», «Экономический кризис – это мир природных явлений», «Экономический кризис – это артефакт». Рассмотрим каждую из данных моделей более подробно.

Графическая модель «Экономический кризис – это падение» является самой частотной в американском медиадискурсе (25 карикатур / 42 (59,5 %), в российских СМИ количество карикатур составляет 23 / 47 (49 %).

На карикатуре № 1 (см. рис. 1) вербальный компонент несет яркую позитивную оценку происходящего, представляемую официальными российскими СМИ, но, обращаясь к невербальному компоненту, мы понимаем, что остановить это «радостное» движение вниз невозможно, нас ждет неизбежное падение с обрыва.

Рис. 1. Карикатура № 1

В данном примере содержание, переданное невербальными средствами, вступает в проти-

воречие с вербальной информацией, на основе этого возникает комический эффект, столь актуальный в тексте карикатуры.

Также автор обращается к информационному конфликту, а именно к информационному диссонансу, когда информация от официальных СМИ в корне расходится с реальной ситуацией. Как отмечает М. Б. Ворошилова, популярность карикатуры обусловлена как спецификой неформальных каналов коммуникации, нацеленных не столько на передачу информации в политической сфере, сколько на выражение отношения к ней, так и резким падением доверия к официальным средствам массовой информации [4. С. 90].

Карикатура № 2 модели «Экономический кризис – это падение» иллюстрирует тяжелое финансовое положение стран Евросоюза – Греции и Италии в связи с кризисом. Образ падения и крушения великих памятников архитектуры этих стран в данной иллюстрации символизирует серьезные экономические проблемы стран Евросоюза.

Рис. 2. Карикатура № 2

Образ немецкого канцлера в качестве главного спасителя европейских стран от кризиса не случаен. Тексты СМИ активно позиционируют этого лидера как «бесспорно самого влиятельного лидера стран Евросоюза. Превосходство германской экономики, хорошее состояние государственного бюджета позволяют ей пытаться внедрить немецкие рецепты борьбы с кризисом в других странах Евросоюза. По версии американского журнала “Форбс”, канцлер Ангела Меркель – самая влиятельная

женщина в мире. Немецкий Шпигель называет ее Королевой Европы – рейтинг Меркель в Германии высок» (www.euronews.com).

Семантика падения в обоих дискурсах выражена в невербальном компоненте в виде падающего воздушного шара, тонущего корабля, графической линии, ползущей вниз. Семантическими компонентами данной модели являются нестабильность, трагичность, неизбежность трагических последствий кризиса.

Другой моделью, давшей серию карикатур о кризисе, является «Экономический кризис – это мир природных явлений». Графическая модель со сферой-источником «Природа» занимает второе место по частотности в креолизованном тексте политической карикатуры (16 карикатур / 47 (34 %) в российском медиадискурсе, 12 карикатур / 42 (28,5 %) в американском медиадискурсе).

Для российских креолизованных текстов характерно отражение образа кризиса в виде такого животного, как слон. В американских карикатурах реалии кризиса отображаются с помощью образа мыши.

Рис. 3. Карикатура № 3

Так, рис. № 3 иллюстрирует кризис в виде этого небольшого зверька, нагло поглощающего сыр, символизирующий американскую экономику. Большое количество сквозных дыр в иллюстрируемом продукте олицетворяет плачевное состояние американской экономики в связи с мировым кризисом.

На карикатуре № 4 (см. рис. 4) изображен слон. Это огромное животное ломает все на своем пути, давит и калечит людей.

Рис. 4. Карикатура № 4

На первый план в данной иллюстрации выходит уже отмеченный нами ранее семантический компонент неизбежности: бороться с кризисом бесполезно, все предпринимаемые меры безрезультатны.

Метафорика неживой природы, используемая авторами в карикатурах о кризисе в обоих дискурсах, иллюстрируется в виде океана, болота, природных стихий, охвативших страны, рынки, незащищенных, растерянных людей, не теряющих надежду на спасение. Примером подобных метафор может служить карикатура № 5 в российских СМИ (см. рис. 5).

Рис. 5. Карикатура № 5

Автор использует метафорический образ цунами, смывающей и уничтожающей все на своем пути. Огромная волна процентов, символизирующая стремительный рост долгов государств перед мировой общественностью, вот-вот захлестнет спасающихся людей. Рисунок актуализирует семантический компонент трагических и неизбежных последствий кризиса.

Рис. 6. Карикатура № 6

На карикатуре № 6 (см. рис. 6) изображены страны Европы, охваченные пожаром. Группа пожарных спасателей, разместившихся вне зоны пожара, не собирается предпринимать каких-либо решительных действий. Автор изображения подчеркивает безрезультатность переговоров стран в лице лидеров «Группы Двадцати» по вопросу европейского кризиса.

Таким образом, в политической карикатуре, где эмоциональная составляющая часто является ведущей, именно семантический компонент трагических и неизбежных последствий задает общий тон.

Артефактные метафоры кризиса занимают третье место по степени частотности (8 иллюстраций / 47 (17 %) в российских СМИ, 5 иллюстраций / 42 (12 %) в американских СМИ). Рассмотрим для примера карикатуру № 7 в американском медиадискурсе.

Рис. 7. Карикатура № 7

Иконический элемент карикатуры № 7 представляет президента США в роли циркача, идущего по канату с огромным мешком на спине. Вербальный элемент иллюстрации помогает понять, что тянущий вниз груз на

спине Обамы – это государственный или национальный долг США, т. е. деньги, которые федеральное правительство США должно своим кредиторам. Груз настолько тяжелый, что создается впечатление, что американский президент вот-вот скинет его. Люди с транспарантами внимательно наблюдают за Обамой, а один из наблюдателей циркового выступления даже пытается перерезать канат, по которому с трудом идет президент. Данный текст сочетает юмористическую и скептическую окраску. Карикатура репрезентирует неверие административной власти в способность американского президента разрешить экономические проблемы в стране. Необходимо отметить, что образ американского президента в роли циркача в политической карикатуре также отмечается в исследованиях Е. В. Шустровой. Данный образ лишен положительного прагматического значения [9. С. 83].

Рис. 8. Карикатура № 8

Образ качелей, ключевым семантическим компонентом которого является нестабильность, часто используется карикатуристами в российских СМИ. Рассмотрим рис. № 8.

Данный метафорический образ актуализирует семантику взаимозависимости: нельзя выйти из кризиса, решив лишь одну проблему, стабилизировав положение в одной из отраслей, в одной из стран.

Итак, метафорический образ мирового кризиса в политической карикатуре в медиадискурсах России и США основан на трех наиболее актуализированных графических моделях: «Экономический кризис – это падение», «Экономический кризис – это мир природных явлений», «Экономический кризис – это артефакт». Все модели объединены семантическими компонентами трагичности, нестабильно-

сти и незащитности людей перед негативными последствиями кризиса.

Семантика трагического движения вниз в модели «Экономический кризис – это падение» в обоих медиадискурсах выражена в невербальном компоненте в виде падающего воздушного шара, тонущего корабля, графической линии, ползущей вниз. Образ катастрофы актуализирует отсутствие возможности остановить развитие кризиса.

Метафорический образ кризиса, создаваемый метафорами неживой природы, в российском и американском медиадискурсах воплощается в виде океана, пожара, цунами, шторма, в которых тонут страны, рынки, незащитные, растерянные люди.

Для российских креолизованных текстов характерно отражение образа кризиса в виде такого животного, как слон. Метафорический образ слона в карикатуре актуализирует параметрические компоненты кризиса, такие как глобальность, и несет семантические компоненты неизбежности и бессмысленности в борьбе с кризисом.

В американских карикатурах реалии кризиса отображаются с помощью образов мыши. Изображение кризиса в виде маленького грызуна не случайно. Известно, что мыши всегда представляли для человека опасность и доставляли массу неудобств. В первую очередь эти грызуны являются переносчиками опасных инфекций. Кроме этого, нанося человеку большой материальный ущерб, они поедают или портят продукты питания, зерновые запасы.

В американском и российском медиадискурсах авторы карикатур изображают кризис в виде тяжелого груза, качелей.

Графические модели в обоих дискурсах объединены смысловыми компонентами трагичности, нестабильности и незащитности людей перед негативными последствиями кризиса.

Авторы политической карикатуры не только репрезентируют реалии кризиса, но и раскрывают проблему информационного дисбаланса. Позитивный вербальный компонент, представляемый официальными СМИ, находится в оппозиции с невербальным компонентом неизбежных трагических событий.

Креолизованный текст политической карикатуры, являясь одним из видов неформальной коммуникации, позволяет открыто и довольно точно выразить общественное мнение, охарактеризовать и описать современные негативные

явления, одним из которых является мировой экономический кризис.

Список литературы

1. Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.

2. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2006.

3. Ворошилова, М. Б. Алексей Леонидович! Нащупали дно?: прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Полит. лингвистика. 2010. № 33. С. 61–63.

4. Ворошилова, М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Полит. лингвистика. 2010. № 31. С. 90–94.

5. Зенкова, А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39–54.

6. Каменская, О. Л. Лингвистика на пороге XXI в. // Лингвистические маргиналии. М., 1996. С. 13–21.

7. Попова, Е. С. Лингвокультурологический аспект проблемы нормы в рекламном тексте // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.

8. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

9. Шустрова, Е. В. Карикатурные образы Барака Обамы // Полит. лингвистика. Екатеринбург, 2012. С. 74–83.

Список источников

10. <http://www.google.ru/> карикатуры кризиса

11. <http://abstrag.3dn.ru/photo/jumor>

12. <http://www.buffett.ru/forum/umor/karikatura.php>

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СЧАСТЬЕ В ОДАХ «A LA FORTUNE» Ж. Б. РУССО И «НА СЧАСТЬЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Проводится сопоставительный анализ од «A La Fortune» Ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова, который позволяет рассмотреть одну из разновидностей категории «счастья», а именно «государственного счастья». Европейские и русские просветители проповедовали идею просвещённого монарха, способного учредить сильное государство во главе с добрым, мудрым властителем – построить счастье на земле. Руссо и Ломоносов в назидательном тоне обращаются к государям-деспотам, во власти которых сделать своих подданных счастливыми. Благодаря переводу Ломоносова в русскую культуру входит комплекс идей, связанных с общественным счастьем. Художественной спецификой ломоносовского образа является его русификация.

Ключевые слова: эвдемонизм, счастье, Просвещение, ода, М. В. Ломоносов, Ж. Б. Руссо, поэзия XVIII в.

Эвдемонизм как «философско-этическая традиция и жизненная установка, согласно которой единственным или высшим <...> человеческим благом является счастье <...>» [9. С. 549] берёт своё начало в античные времена, когда в представлениях человека счастье и удача всецело зависели от воли богини Фортуны. В Средние века достижение счастья на земле признавалось невозможным: скорбь и страдания смертных рассматривались как необходимые условия восхождения в Царствие Небесное и Вечного блаженства с Богом.

В Новое время «понятие “счастье” связывается, <...> во-первых, с идеей свободы от религиозных предрассудков, прежде всего, от неистребимых чувств греха и вины, сковывающих человека, во-вторых, с представлением о том, что человек сам творец своего счастья» [1. С. 163]. Мысль о достижении счастья на земле была непосредственно связана с концепцией просвещённого монарха. Рассуждая о русском просветительстве, П. Н. Берков особо отмечает «период петровского “просвещённого абсолютизма”. Характернейшей чертой этого периода было стремление создать сильное государство <...>» [2. С. 11]. Как подчёркивает Г. А. Гукковский, «основой политического мышления Ломоносова была идея “просвещённого абсолютизма”» [3. С. 92]. Учёный свидетельствует, что Ломоносов «в своих одах рисует <...> высокий благородный образ того идеального монарха, о котором он мечтает, от которого ждёт блаженства и прогресса России» [3. С. 94]. Возможно, поэтому в качестве объекта перевода в 1759 г. Ломоносов (и Сумароков, а в 1762 г. и Третьяковский) избирает оду «A La Fortune» Ж. Б. Руссо, важную для понимания идеи про-

свещённого монарха. Властитель должен был заботиться о своих соотечественниках, утверждать законы, во имя блага подданных и в этом находить счастье.

В данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: какова концепция государственного счастья в оде Ж. Б. Руссо и каковы особенности этой концепции в переводе М. В. Ломоносова? В силу того, что ода Руссо и её ломоносовский перевод являются ключевыми произведениями эвдемонистического дискурса, необходимо также выявить поэтику образа Счастья, которая станет матричным образцом для последующего поколения мыслителей и поэтов.

Ода Руссо начинается с обращения к Фортуне:

*Fortune, don't la main couronne
Les forfaits les plus inois* [10. С. 94].
(здесь и далее курсив мой. – С. С.)

Она почиталась богиней «счастья, счастливого случая, удачи <...> с рогом изобилия, колесом и рулевым веслом на катящемся или парящем шаре (или с крыльями)» [7. С. 615]. Милость Фортуны к людям изменчива, непостоянна. Её благоволение к монархам заключено в даровании им власти и материальных благ («рог изобилия»). Фортуна неосознанно, слепо наделяет властью случайных людей, которые становятся деспотами и тиранами, кровью подданных добывающими себе богатство. Упрёки к слепой Фортуне обращает Ж. Б. Руссо, а вслед за ним и русский просветитель.

В отличие от французского оригинала Ломоносов в переводном варианте оды отказыва-

ется от непостоянной, несправедливой Фортуны, заменяя её «Щастием»:

Доколе, *щастие*, ты венцами
Злодеев будешь украшать? [4. С. 661].

Слово «щастие» в Словаре Академии Российской трактуется следующим образом: «1) Удача, щастливый случай, щастливое происшествие <...>. 2) Благополучие, благосостояние, благоденствие» [6. С. 940]. В Этимологическом словаре русского языка понятие «счастье» означает «долю, совместное участие, причастность» чему-либо [8. С. 816]. В желании помочь, пожертвовать собой или поделиться своими радостью, достатком состоит счастье людей. Счастье Ломоносова персонифицировано: поэт ему посылает свой гневный вызов. Счастье должно быть общим, единым и для монарха, и для подданных:

Едину радость несказанну
Имеет в *щастии* людей [4. С. 664].
Du *Bonheur* d'un Peuple fidele
Fait le plus cher de fes fouhairs [10. С. 98].

Счастье, не отвечающее идеям просвещённого абсолютизма, поэт называет «ложным», «слепым», «тщетным».

Автор выражает недовольство Счастьем, которое награждает властью «злодеев», идущих неправедным путём. Счастье бесталанных и жестоких властителей оборачивается горем для граждан, подданных. Следовательно, оно «ложное», «безчестное». Как отмечает Т. Е. Абрамзон, «образ судьбы, щастливой участи включает в оде Руссо мотивы “ложного блеска” (“*faux éclat*”), **восхищающего и ослепляющего** (“*eblouis*”) **смертных**. Счастье названо “обманчивым идолом” (“*trompeufe Idole*”), которому приносят жертвы и почитают его» [1. С. 166]. Люди, ослеплённые внешним блеском, ложными величием и храбростью власть имущих, искренне им верят, полагая, что за человеком «в короне» скрывается сильный, надёжный, добрый монарх. Неправедное «щастие» в ломоносовском переводе – это собрание пороков: оно включает лицемерие, ложь, неверие в силу истинной добродетели:

Народ порабощён *обману*,
Малейшие твои дела
За ум, за храбрость чтит избранну.
Ты власть, ты честь, ты сил хвала;

В *угоду* твоему пороку
И добродетель превысоку
Лишает собственных красот.
Его *неправедны* уставы
На верьх возводят пышной славы
Твоих любимцов злобный род [4. С. 661].

Негативные качества власть имущих – жестокость, властолюбие и сребролюбие – Ломоносов приписывает аллегории Счастья, используя местоимение «твоему». На этом фоне «добродетель превысока» утрачивает своё величие. Люди, обманутые лицемерием и эгоизмом монархов, перестают верить в высокое назначение добродетели и правды. На вершине славы оказываются злобные, недалёковидные, себялюбивые властители. Слова «зло», «злодей», «злость» в переводе Ломоносова являются синонимами неправедного счастья правителей:

Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! откуда
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь? [4. С. 662].

Возмущение автора заключается в том, что подданные почитают перечисленные страсти за добрые качества личности, отсюда иронично злой эпитет «доброта *странная*». Поэт разоблачает мнимую добродетель, называя её «чудом», которое связано обычно с ожиданием чего-либо доброго, спасительного. В данном контексте чудом является злоба власть имущих.

Подданные государства, монархом которого выступает деспот и тиран, не могут обрести счастье. Несчастлив и сам монарх, достигающий своего так называемого счастья кровавым путём:

Что *рок* неправедной раждает
В победах слепотой своей;
Пред строгими ея очами
Герой с суровыми делами
Ничто, как щастливой злодей [4. С. 662].

И Руссо, и Ломоносов в определении рока используют эпитет «неправедной», а следовательно, – ложный, злой. Указанное словосочетание является оксюмороном, так как, согласно словарной дефиниции, «рок – это предопределение судьбы, судьбины» [5. С. 158]. «Судьба – 1) определение, промысл вышняго;

2) участь, счастье, состояние» [5. С. 654]. В наделении людей властью участвует Промысел Божий. Рок – это воля Создателя, которая не может быть несправедливой и ложной. Монархи, награждённые короной, уже одарены счастьем – властью. Они должны поделиться счастьем с другими, осчастливить своих подданных.

Французский просветитель говорит о счастье как о состоянии, к которому стремится человек:

Едину радость несказанну
Имеет в *щастии* людей [4. С. 664].
Du *Bonheur* d'un Peuple fidele
Fait le plus cher de fes foughaits [9. С. 98].

Кто *щастие* преодолает,
Один великим может слыть [4. С. 665].
Celui qui dompte la *Fortune*,
Merite feul le nom de Grand [9. С. 100].

Пусть *щастие* преобратится;
Недвижна добродетель тщится [4. С. 666].

Si la *Fortune* le traverse,
Sa confitante Vertu s'exerce [10. С. 100].

В финале оды и Руссо, и Ломоносов, как бы разочаровываясь в силе Счастья, Фортуны, Рока, видят спасение в Премудрости (разуме):

Конец имеет благоденство, **Le Bon-**
heur peut avoir fon terme;

Стоит в премудрости блаженство
Не постоянен *рока* взор [4. С. 666].
Mais la Sageffe eft toujours ferme,
Et les *Deftins* toujours legers [10. С. 100].

В оригинале слово «*Deftins*» (Рок) звучит всего лишь раз, в русском переводе – трижды. Слова «*La Fortune*» (Фортуна) и «*Bonheur*» (Счастье) французский автор употребляет по три раза, используя их в качестве контекстуальных синонимов. Ломоносов же отказывается от слова «*La Fortune*» (Фортуна) и использует слово «Щастие» шесть раз. За исключением заглавия, Ломоносов замещает греческую Фортуна русским «Щастием», которое несёт «русские» смыслы взамен значений греческой мифологии. Конечно, греческая и особенно римская мифологии входили в поэтический

словарь Ломоносова, но поэт отдаёт предпочтение русскому имени, приспособив и образ богини, и просветительскую идею к российской действительности.

Итак, оды французского и русского просветителей направлены не на раскрытие и воспевание Счастья как такового, а на поучение, наставление власть имущих, что продиктовано идеями просвещённого абсолютизма. В одах Руссо и Ломоносова концепция государственного счастья представлена *счастьем праведным*, когда во главе государства стоит просвещённый монарх, бесконечно заботящийся о жизни своих граждан, и *счастьем неправедным*, «ложным», «безчестным», когда страной правит себялюбивый властитель, который кровью и слезами соотечественников добывает себе материальные блага. Ломоносов превращает Фортуна в русское «Щастие»: он русифицирует «греко-французский» образ Фортуны, сохраняя в основном содержание образа, вводит в русскую культуру комплекс идей о государственном счастье.

Список литературы

1. Абрамзон, Т. Е. Об одном ломоносовском стихе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 163–168.
2. Берков, П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 5–27.
3. Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII в.: учебник. М., 2003. 453 с.
4. Ломоносов, М. В. Ода «На счастье» Жана Батиста Руссо // Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1950–1959. Т. 8. С. 661–664.
5. Словарь Академии Российской, 1789–1794: в 6 т. Т. 5. Р–С / РАН. М., 2006. 703 с.
6. Словарь Академии Российской, 1789–1794: в 6 т. Т. 6. Т–Я / РАН. М., 2006. 725 с.
7. Словарь античности / пер. с нем. М., 1989. 704 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза–Сят). СПб., 1996. 831 с.
9. Этика: энцикл. словарь / под ред. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнова. М., 2001. 671 с.
10. Rousseau J.-B. Oeuvres A. Bruxelles. MDCCXLIII. T. I.

**МЕЖФРАЗОВЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ
В ЯКУТСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**
(на материале олонхо Д. А. Томской «Ючюгэй Юдюгюйэн
и Кусаган Ходжугур»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-14-14001 «Поэтика якутского героического эпоса (на материале олонхо Д. А. Томской «Ючюгэй Юдюгюйэн и Кусаган Ходжугур»)

Рассматривается текстообразующая функция межфразовых средств связи в якутском эпическом тексте.

Ключевые слова: якутский язык, текст, эпос, сложное синтаксическое целое, структура, средство связи.

В контексте комплексного изучения текстологического материала, ставшего в последнее время особенно актуальным, особый интерес представляют исследования лингвистического характера. В частности, проблема изучения текста якутского эпоса в ракурсе различных уровней языка на основе подходов, применимых в традиционных филологических изысканиях как фундаментального, так и прикладного плана, все чаще привлекает внимание современных исследователей. В аспекте данной проблемы целесообразным является рассмотрение эпического текста и на уровне сложного синтаксического целого (далее – ССЦ). ССЦ является крупной структурно-семантической единицей текста, подробная разработка теоретической основы которой имеет значительную перспективу в развитии изысканий грамматического, функционального характера. Теоретическое обоснование проблемы лингвистического представления текста на якутском материале находится на начальной стадии. Таким образом, актуальность проблемы определяется неразработанностью лингвистических аспектов теории текста в якутском языкознании, отсутствием изысканий в области изучения ССЦ как основной единицы текста.

Рассмотрение композиционно-структурной организации ССЦ на материале олонхо в ракурсе проблем, связанных с изучением текста, дает возможность определить его значение в структурировании текста как речевого произведения, основными свойствами которого выступают связность и цельность. Специальное изучение эпического текста диктуется потребностями современного уровня развития якутского языка. Данный материал позволяет определить общие композиционно-структур-

ные особенности организации ССЦ в эпическом тексте, выявить в нем текстообразующие функции различных языковых единиц. Связность и цельность ССЦ достигаются с помощью средств связи, которые разделяют на лексические, морфологические и синтаксические [2. С. 107–108; 4. С. 7–8].

В данной статье представлены результаты исследования межфразовых средств связи на материале олонхо Д. А. Томской «Ючюгэй Юдюгюйэн и Кусаган Ходжугур». Текст данного якутского эпоса, восстановленный с магнитофонной записи 1987 г. устного исполнения сказительницы Верхоянского района РС (Я) Д. А. Томской, был впервые опубликован в 2011 г. [3. С. 376]. Текст олонхо сопровождается нотировками, комментариями фольклорно-исторического, филологического и этнографического характера. Примеры, приведенные в статье, даются не только в стихотворной, но и в прозаической формах. Данный эпический текст представлен в этих формах, «так как речь персонажей поется и передана стихами, а описания местности и природы, жилищ, повествования о странствиях богатырей, об их схватках даются и в той и в другой форме» [1. С. 38].

Обратимся к межфразовым средствам связи данного эпического текста. Например (арабские цифры обозначают номер предложения в рассматриваемом ССЦ по порядку): (1) *Онтон дьахтардары-оҕолору кэтөҕөн баран, дьэ айаҕынан таһырдыа тахсан кэтөр.* (2) *Барары ньаалаҕайын кынатынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун кэтөҕөн баран, дьэ кэтөн суксуйар.* (3) *Кэтөн суксуйан баарыннытан үөрэн-кэтөн, имэнэрэн, атыгар субу кэлэр.* (4) *Атыгар дьахтарын, оҕотун иннигэр мэнэстэн кэбиһэн баран, дьэ сүүрдэр.*

(5) *Дьэ, сүүрдэн иһэр, сүүрдэн иһэр* [3. С. 85]. «Затем хватает в охапку и женщину, и ребенка, выскакивает во двор. Надевает те свои крылья мошкеры, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину. Прилетев стремительно, радостный, торжествующий, подходит к своему коню. Посадив ребенка и жену на своего коня перед собой, скачет. Скачет он, скачет» [3. С. 202].

Данное ССЦ состоит из пяти предложений, связь между ними – цепная. Первое предложение-зачин открывает микротему ССЦ. Скрепя прономинального типа *онтон* «затем, потом», производная от указательного местоимения *ол* «тот», в препозиции предложения-зачина указывает на связь данного ССЦ с предыдущим, обозначая при этом следование событий, действий. Предложения основной части ССЦ последовательно дополняют друг друга, далее раскрывают обозначенную зачином микротему. Предложения данного ССЦ объединены единством временной формы глаголов-сказуемых в настояще-будущем времени: (1) *тахса кэтөр* «выскакивает» – (2) *кынаттанан кэбиһэр* «надевает (крылья)», *кэтөн суксуйар* «взлетает» – (3) *кэлэр* «подходит» – (4) *сүүрдэр* «скачет» – (5) *сүүрдэн иһэр, сүүрдэн иһэр* «скачет, скачет». Единство временной формы глаголов-сказуемых подчеркивает цельность структурной организации ССЦ. Единство временной формы глаголов-сказуемых, подчеркивающее связность и цельность ССЦ, относится к морфологическим средствам межфразовой связи.

В рассматриваемом ССЦ морфологическая межфразовая связь представлена также и аффиксами принадлежности в форме 3 л. ед. ч. Во всех предложениях данного ССЦ, в том числе и в первом предложении-зачине, подлежащее не выражено, на подлежащее *кিনি* «он» указывает форма глаголов-сказуемых в 3 л. ед. ч. Между вторым, третьим и четвертым предложениями существует связь «дополнение – дополнение», выраженная существительными в форме принадлежности 3 л. ед. ч. (2) *ньяалаҕайын кына тынан* букв. (он) «своими крыльями мошкеры», *оҕотун* (он) «своего ребенка» – (3) *атыгар* букв. (он) «своему коню» (4) *атыгар дьахтарын, оҕотун* букв. (он) «на своего коня свою женщину, своего ребенка». Форма принадлежности 3 л. ед. ч. в этих существительных указывает на их принадлежность к лицу, т. е. к подразумеваемому подлежащему *он* «кিনি», форма которого представлена во всех глаголах-сказуемых данного ССЦ.

Лексическими средствами межфразовой связи, представленными в данном ССЦ, являются повторы. Существительные в первом предложении-зачине *дьахтардары-оҕолору* букв. «и женщину, и ребенка», переданные в падежной форме *-лары* в значении присоединения объектов друг к другу, во втором предложении повторно даны в форме собирательной множественности *-лаах* и в форме принадлежности 3 л. ед. ч. в винительном падеже: *дьахтардаах оҕотун* букв. «женщину со своим ребенком». Эти же существительные в четвертом предложении повторяются в форме принадлежности 3 л. ед. ч. в винительном падеже: *дьахтарын, оҕотун* букв. «свою женщину, своего ребенка». (1) *Онтон дьахтардары-оҕолору кэтөбүн баран, дьэ айаҕынан таһырдыа тахсан кэтөр.* (2) *Баары ньяалаҕайын кына тынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун кэтөбүн баран, дьэ кэтөн суксуйар.* (4) *Атыгар дьахтарын, оҕотун иннигэр мэнэстэн кэбиһэн баран, дьэ сүүрдэр.* «Затем хватает в охапку и женщину, и ребенка, выскакивает во двор. Надевает те свои крылья мошкеры, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину. Посадив ребенка и жену на своего коня перед собой, скачет».

Существительное в притяжательной форме дательного падежа *атыгар* «к своему коню, на своего коня» в третьем предложении рассматриваемого ССЦ повторно использовано в препозиции четвертого предложения: (3) *Кэтөн суксуйан баарыннытан үөрэн-кэтөн, имэнирэн, атыгар субу кэлэр.* (4) *Атыгар дьахтарын, оҕотун иннигэр мэнэстэн кэбиһэн баран, дьэ сүүрдэр.* «Радостный, торжествующий, подходит к своему коню. Посадив ребенка и жену на своего коня перед собой, скачет».

Деепричастие на *-өн кэтөбүн* «взяв на руки, схватив в охапку», подчеркнутое дополнительным введением деепричастия *баран* (форма деепричастия на *-ан* от глагола *бар*), изложено и в первом, и во втором предложениях данного ССЦ: (1) *Онтон дьахтардары-оҕолору кэтөбүн баран, дьэ айаҕынан таһырдыа тахсан кэтөр.* (2) *Баары ньяалаҕайын кына тынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун кэтөбүн баран, дьэ кэтөн суксуйар.* «Затем хватает в охапку и женщину, и ребенка, выскакивает во двор. Надевает те свои крылья мошкеры, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину».

Основа глагола-сказуемого в настояще-будущем времени *кэтөр* «вылетает, выскакива-

ет» первого предложения рассматриваемого ССЦ во втором предложении повторяется в форме деепричастия, выступающего компонентом сложного сказуемого (*көтөн суксуйар* «летит (стремительно)»), а в третьем предложении – в форме деепричастия в функции обстоятельства образа действия (*көтөн суксуйан* «прилетев (стремительно)»): (1) *Онтон дьахтардары-оҕолору көтөҕөн баран, дьыэ айаҕынан таһырдыа тахсан көтөр.* (2) *Баары ньаалаҕайын кынатынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун көтөҕөн баран, дьэ көтөн суксуйар.* (3) *Көтөн суксуйан баарыннытан үөрэн-көтөн, имэнирэн, атыгар субу кэлэр.* «Затем хватает в охапку и женщину, и ребенка, выскакивает во двор. Надевает те свои крылья мошкары, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину. Прилетев стремительно, радостный, торжествующий, подходит к своему коню».

Основа сложного сказуемого в настоящем будущем времени *суксуйар* второго предложения данного ССЦ повторно дана в форме деепричастия в функции обстоятельства образа действия в третьем предложении: (2) *Баары ньаалаҕайын кынатынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун көтөҕөн баран, дьэ көтөн суксуйар.* (3) *Көтөн суксуйан баарыннытан үөрэн-көтөн, имэнирэн, атыгар субу кэлэр.* «Надевает те свои крылья мошкары, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину. Прилетев стремительно, радостный, торжествующий, подходит к своему коню».

Основа глагола-сказуемого в настоящем-будущем времени *сүүрдэр* четвертого предложения рассматриваемого ССЦ в пятом предложении повторяется в форме деепричастия, являющегося компонентом сложного сказуемого: (4) *Атыгар дьахтарын, оҕотун иннигэр мэнэстэн кэбиһэн баран, дьэ сүүрдэр.* (5) *Дьэ, сүүрдэн иһэр, сүүрдэн иһэр.* «Посадив ребенка и жену на своего коня перед собой, скачет. Скачет он, скачет».

Первые четыре предложения данного ССЦ имеют схожую синтаксическую структуру. Глаголы-сказуемые главных частей этих предложений переданы в форме настоящего-будущего времени, а сказуемые их зависимых частей представлены в форме деепричастия на *-ан*, некоторые из которых подчеркнуты дополнительным введением деепричастия *баран*:

(1) *Онтон дьахтардары-оҕолору көтөҕөн баран, дьыэ айаҕынан таһырдыа тахсан көтөр.* (2) *Баары ньаалаҕайын кынатынан кынаттанан кэбиһэр, дьахтардаах оҕотун көтөҕөн баран, дьэ көтөн суксуйар.* (3) *Көтөн суксуйан баарыннытан үөрэн-көтөн, имэнирэн, атыгар субу кэлэр.* (4) *Атыгар дьахтарын, оҕотун иннигэр мэнэстэн кэбиһэн баран, дьэ сүүрдэр.* «Затем хватает в охапку и женщину, и ребенка, выскакивает во двор. Надевает те свои крылья мошкары, взлетает, летит стремительно, неся ребенка и женщину. Прилетев стремительно, радостный, торжествующий, подходит к своему коню. Посадив ребенка и жену на своего коня перед собой, скачет».

Таким образом, средства межфразовой связи в якутском эпосе олонхо можно разделить на морфологические, лексические и синтаксические. Морфологические средства межфразовой связи в тексте рассматриваемого олонхо представлены единством временных форм глаголов-сказуемых, аффиксами принадлежности, встречающимися в нескольких предложениях одного фрагмента текста одновременно. Лексические средства связи между синтаксическими конструкциями в исследованном тексте выражены лексическими повторами, синонимами. Синтаксические средства межфразовой связи представлены единством, схожестью организации предложных конструкций в определенном фрагменте текста. Выявленные средства межфразовой связи, поддерживая цельность и связность синтаксических конструкций, непосредственно выполняют текстообразующую функцию.

Список литературы

1. Илларионов, В. В. Эпический репертуар верхоянской сказительницы Д. А. Томской // Томская, Д. А. Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаҕан Ходжугур. Якутск, 2011. С. 5–38.
2. Никифорова, Е. П. Русский язык. Синтаксис текста / Е. П. Никифорова, Т. И. Левина, З. Н. Рожина. Якутск, 1994.
3. Томская, Д. А. Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаҕан Ходжугур. Якутск, 2011. 376 с.
4. Цырендоржиева, Б. Д. Межфразовые связи в современном бурятском языке (на материале категории личного притяжания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Удан-Удэ, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА БИЛИНГВАЛЬНОГО ИСПАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТЕХАСЕ (на материале диалогов фильма «Spanglish»)

Рассматривается языковая ситуация в США, а также такие социолингвистические явления, как проблема диглоссии, билингвизма и переключения языкового кода. Приводятся некоторые примеры «смешения» языковых кодов и сбалансированного билингвизма в территориальном варианте американского английского в Техасе.

Ключевые слова: языковая ситуация, диглоссия, билингвизм, языковой код, переключение языкового кода, социальная дифференциация, территориальный вариант, межязыковые контакты, «спанглиш».

Складывающаяся языковая ситуация в США в настоящее время характеризуется рядом особенностей, появившихся в результате постоянного увеличения количества испаноговорящих.

По оценкам бюро статистики США, в 2009 г. в стране проживало более 48 млн. человек, указавших испанский язык в качестве родного, что составляет 15,8 % населения [1]. В 50 гг. 20 в. менее четырех миллионов жителей США были выходцами из испаноговорящих стран. Теперь их число увеличилось до 27 млн. человек. Примечательно, что по предварительным подсчетам испаноговорящее население в США удвоится к 2050 г. и составит 29 % [2].

В учебных заведениях США испанский язык является вторым наиболее распространенным языком (после английского), его также выбирают в качестве иностранного около 60 % студентов [3].

В Техасе имеется 4 канала телевидения на испанском, испаноязычные радиостанции, печатные издания.

Перечисленные особенности неизбежно ведут к межязыковому контактированию американского английского и мексиканского варианта испанского языка.

Известно, что билингвизм широко распространен везде, где две нации проживают в близком контакте друг с другом. Техас является примером такого взаимодействия языков, точнее, двух вариантов разных языков (американского варианта английского языка и мексиканского варианта испанского языка). Результатом такого смешения и взаимодействия является формирование у населения, проживающего на этой территории так называемого Spanglish (English и Spanish), статус которого еще до сих пор не определен окончательно.

Изучение речевой деятельности билингва показывает, что он переключает коды исходя из речевой ситуации очень легко, уровень интерференции оказывается весьма незначительным.

Чрезвычайно интересным представляется подробное рассмотрение того, в чем заключается переключение кодов.

Исследуемый материал представляет собой записи устной стилизованной речи героев в фильме «Spanglish» (2004 г., режиссер Джеймс Брукс), а именно мексиканки Флор (Вега), которая вместе с небольшой, но смысленной дочерью (Кристиной) переезжает на юг США, где устраивается горничной в семейство Класки. С этого момента она проживает вместе с неуравновешенной буржуазной дамой (Леони), ее обаятельной матерью (Личман), которая не прочь выпить, ее мужем (Джоном) – лучшим поваром на Западном побережье и двумя детьми, в числе которых добрая полная девочка (Бернис). Флор поначалу ни слова не говорит по-английски, но, что удивительно, общий язык со всеми находит, преодолевая языковой барьер.

Поразительная игра и мастерство актеров демонстрирует удивительное своеобразие речи испаноговорящих иммигрантов, осваивающих английский, в результате чего в их речи наблюдается так называемое переключение языковых кодов на уровне слов, фраз, предложений.

Так, в самом начале фильма мы знакомимся с героями фильма, они говорят в основном по-испански, но уже имеют место включения на уровне слова. Так, в примере в речи героини включены слова в испанский английский:

Flor (Флор):

– Una lágrima...sola una sola...Haz la mejor possible (рус. возможно).

Ремарка: The mother says, «solo español» – «only Spanish». (Мама говорит только по-испански.)

По мере овладения английским языком главные герои начинают включать в свою речь слова, а затем и целые фразы на английском языке. Например:

а) слово:

Flor (Флор):

– Me puedo ir?...go...can go?;

б) фраза (как правило, они представляют собой этикетные клише типа «Hi» – «Привет!», «Thank you» – «Спасибо»):

1) Flor (Флор):

– No... Sorry. (Нет... Извините.)

2) Flor (Флор):

– **Good night, Mr. Clasky.** (Доброй ночи, мистер Класки.)

3) Flor (Флор):

(thickly accented – неразборчиво, с сильным акцентом)

– Just try it on. (Просто надень!) (во время примерки нового пиджака);

в) предложение:

1) Flor (Флор):

(parrotting woman – повторяя за женщиной)

– I read your good review. (Я прочитала хорошую статью про тебя.)

Flor (Флор):

– It's nice. (Мило.)

2) Flor (Флор):

– You know about Cristina and your great school? (Ты знаешь о Кристине и твоей замечательной школе?).

Также имеет место явление «смешения кодов», которое может проявляться в двух видах:

а) немотивированный переход билингва в процессе речевого общения от одного языка к другому, причем граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания:

1) Flor (Флор):

– Simpático, yes. (Симпатично, да.)

2) Flor (Флор):

– Please!?! Mandilón. (Пожалуйста!?! Трус.);

б) вид речевой стратегии в ситуации билингвизма, предполагающий хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенции, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания. Иноязычные вкрапления могут выполнять функцию этнических или социальных идентификаторов, например: американец, обращаясь к Флор и Кристине, которые говорят только на мекси-

канском варианте испанского языка, включает в свою английскую речь испанские выражения:

– How can I reach you? Address? Telephone? Por favor. Por favor. (Пожалуйста).

В самом начале фильма во время знакомства главной героини с ее будущими работодателями она приходит со своей подругой (Моникой), которая без труда говорит по-мексикански и по-английски и переводит для Флор, помогая ей тем самым в такой сложной для нее официальной языковой ситуации собеседования при приеме на работу:

1) Deborah (Дебора):

– You're gorgeous. (Вы великолепны.)

Monica (Моника):

– Vistosos. (Красивая.)

И чуть дальше:

2) Deborah (Дебора):

(to Monica)

– I'm not leaving time for you to translate. (Я не даю Вам переводить.)

Monica says in Spanish. (Моника переводит на испанский.)

– What's your name? Llamo? One of my five Spanish words. (Как Вас зовут? Зовут? Это одно из пяти испанских слов, которые я знаю.)

Flor (Флор):

– Flor Moreno. (Флор Морено.)

Deborah (Дебора):

– Flor. [flɔ:r]

She pronounces it flat like the «floor» (произносит как английское слово «floor» [flɔ:], что в переводе означает «пол»).

Flor (Флор): (correcting – поправляя)

– Florrrrr. [flz:r]

Речь Моника и дочери Флор – это пример несбалансированного билингвизма – состояния, при котором человек свободно владеет одним языком лучше, чем вторым. Интересно, что сбалансированный билингвизм крайне редок, поскольку на практике почти всегда один язык преобладает над другим из-за различий во времени, проведенном в разных языковых средах. Например, в США дети иммигрантов могут прекрасно овладеть американским английским, но частично потерять язык страны, из которой прибыли их родители. В целом, обычный билингв не обязательно всегда владеет обоими языками в равной степени, просто в какой-то определенной ограниченной сфере он воспринимает и чувствует оба языка «как родные». Например, мексиканец может разговаривать со своими родителями на американском английском, но не знать научной терми-

нологии или не читать книг на американском варианте английского языка. В таком случае тот язык, которым билингв владеет лучше, называют «доминантным», который так или иначе (в значительной или незначительной мере) влияет на второй и искажает его структуру. В связи с этим следует различать «билингвизм» и «сбалансированный билингвизм».

Итак, анализ речи героев фильма показал, что в определенной языковой ситуации существуют такие явления, как билингвизм, который неоднороден и представлен также смешением и переключением языковых кодов, немотивированным и мотивированным переходом билингва в процессе языкового общения от одного языка к другому, что связано с определенными этапами овладения вторым языком. Подобные явления можно наблюдать в речи людей, проживающих на территории Техаса. Данная ситуация сложилась из-за гео-

графического положения штата Техас, его непосредственной близости к Мексике, откуда (о чем свидетельствуют статистические данные) с каждым годом увеличивается количество иммигрантов.

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, и приведенные выводы являются репрезентативными для проанализированного материала.

Список литературы

1. US Census Bureau [Электронный ресурс]. URL: <http://quickfacts.census.gov>.
2. USA Today [Электронный ресурс]. URL: http://www.usatoday.com/news/nation/2008-02-11-population-study_N.htm.
3. CVC. Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://cvc.cervantes.es/lengua/default.htm>.

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЖАНРА «ДОМАШНЯЯ СТРАНИЦА»

Затрагивается вопрос об электронных жанрах. На материале гипертекстов сайтов американских медицинских учреждений жанр «домашняя страница» рассматривается как сложный жанр. Также приводятся данные анализа его конститутивных признаков.

Ключевые слова: жанр, электронный жанр, гипертекст, сайтový гипертекст.

Сайты медицинских учреждений, так же как и сайты любых других организаций, в качестве «отправной точки» имеют домашнюю страницу. Л. А. Капаназе рассматривает «следующие наиболее распространенные «электронные жанры»: собственно веб-сайт, домашняя страница (имеет меньший масштаб, нежели сайт), электронная библиотека, электронный журнал, электронное письмо, чат (разговоры «в прямом эфире»), форум, гостевая книга, доска объявлений, коллекция программ, каталог (например, виртуального магазина), коммерческие объявления, рекламные баннеры и др.»¹. При этом, ученый ставит в один ряд такие жанры, как веб-сайт и домашняя страница. Мы, в свою очередь, считаем целесообразным уточнить, что веб-сайт относится к категории гипержанра, в то время как домашняя страница в качестве его структурного компонента является сложным жанром.

Все композиционные элементы домашней страницы (далее ДС) объединены тематически. Они служат для описания деятельности медицинского учреждения. Хотя контентный состав ДС не является строго регламентированным и зависит от интенций адресанта, анализ исследуемого нами материала показал наличие определенной тенденции в плане структурной организации ДС. Под данной тенденцией мы понимаем все более частое использование одних и тех же элементов при создании ДС. Среди них: заголовки с названием медицинского учреждения, новости, баннеры различного характера, сервис поиска по сайту, основное меню. Основное меню представляет собой гиперссылки, отсылающие реципиента к различным рубрикам сайта, таким как: «О нас», «Услуги», «Информация для пациентов», «Контакты» и т. д.

Заголовок, представляющий собой номинальную конструкцию, расположен в верхней части поля веб-страницы и информирует пользователя о том, на сайте какого медицинского учреждения он находится.

Кроме заголовка одним из основных элементов домашней страницы является лента новостей, касающихся деятельности конкретной организации. Интернет-новости как жанр интернет-коммуникации будут детально описаны нами позже.

Баннеры могут быть как статичными, так и динамичными. Как правило, в верхней части поля домашней страницы расположено от трех до шести закольцованных крупных баннера, сменяющих один другого. Содержание текстов данных баннеров различается. Анализ исследуемого материала показал наличие новостных, рекламных и баннеров-объявлений.

Новостные баннеры, как правило, содержат заголовок «Новости» и / или название медицинского учреждения, а к полному тексту отправляет гиперссылка, которая оформлена либо как сам заголовок, либо в виде императивной языковой конструкции «Read more» или «Learn more».

Рекламные баннеры, согласно анализируемому материалу, содержат информацию о заслугах медицинского учреждения и его персонала, которые отражаются в различных рейтингах; характеризуют медицинское учреждение как надежное, имеющее большой опыт работы. С точки зрения лексического оформления, следует отметить их лаконичность, наличие оценочных прилагательных (*experienced*, *indispensible hospital*) и прилагательных в сравнительной (*More than 450 000 patients visits a year*) и превосходной (*the most experienced*, *the best*) степенях сравнения. Например, динамичный баннер, размещенный на домашней странице сайта *Medstar Washington Hospital Center*, называет это учреждение самым опытным в регионе: «*The area's most experienced hospital*».

Баннеры-объявления информируют пользователя о предстоящем событии, дают его координаты и время проведения. Указаны дата и время семинара, лектор и контактные данные. В плане языкового оформления необходимо

отметить использование цифр вместо букв для экономии пространства; использование графических средств выделения, лаконичность текста.

Субстратом домашней страницы является интернет-пространство, ограниченное рамками веб-сайта. Технические параметры данного субстрата делают возможным частую смену информации, указываемой на домашней странице. Например, такое качество киберпространства позволяет обновлять ленту новостей, размещая на ней наиболее актуальные баннеры, заменяя устаревшие и т. п.

Перед тем как приступить к анализу адресанта и круга возможных адресатов, необходимо разграничить понятие адресанта и автора. Адресант, в нашем понимании, это лицо или группа лиц, от имени которых исходит передача информационного сообщения, а автор – непосредственный создатель или составитель текста.

В нашем случае адресантом является руководство медицинского учреждения, непосредственные авторы остаются анонимными. Возможный круг адресатов – безграничное число лиц, интересующихся медицинскими услугами и имеющих технические возможности подключения к сети Интернет.

Информация, размещенная на домашней странице, передается различными каналами: визуальным (статичным и динамичным), а также визуально-аудиальным. Визуально-аудиальный канал передачи информации характерен для видеороликов, размещаемых в новостной ленте домашней страницы. Статичные тексты и изображения представляют визуальный статичный способ, а динамичные баннеры – визуальный динамичный.

Анализ домашних страниц англоязычных сайтов медицинских учреждений показал высокую степень их креолизации. Большая часть информации передается различными невербальными средствами: символами, изображениями, цветовыми фонами, фотографиями и т. д. Использование данных средств делает домашнюю страницу яркой и легко читаемой, следовательно, увеличивает шансы того, что адресат продолжит работу с данным сайтом и не разорвет цепочку связи адресант-адресат.

Домашняя страница – это первое, что адресат видит при открытии сайта организации. В связи с этим основной коммуникативной интенцией адресантов при оформлении данной веб-страницы и отбора для нее контента явля-

ется создание положительного образа учреждения, привлечение внимания реципиента. Основными средствами для достижения данной цели являются новостные сообщения и баннеры-объявления. Таким образом, имиджевая коммуникативная интенция адресанта является первоочередной. Использование баннеров с заслугами медицинского учреждения носит скрытый рекламный характер, выделяя данное учреждение из круга конкурентов. Например, на домашней странице New York-Presbyterian размещен статичный баннер следующего содержания: «New York Magazine's Best Doctors 2013. New York-Presbyterian Hospital again has the most physicians listed in New York Magazine's "Best Doctors" issue – The 13th straight year as # 1». Афиширование успехов медицинского персонала служит рекламой для самого учреждения и позволяет достигнуть коммуникативной интенции адресанта – выделить учреждение из числа конкурентов.

В связи с тем, что содержание домашней страницы представляет собой информационный массив, правомерно говорить о выполнении информационной функции. Другими словами, еще одной коммуникативной интенцией адресанта является информирование адресата об успехах медицинского учреждения в осуществлении профессиональной деятельности.

Сайты некоторых медицинских учреждений содержат прямое обращение к адресанту. Например, руководители MedStar Washington hospital center призывают реципиентов следить за обновлениями интернет-блога данной медицинской организации, обслуживающей ежегодно около полумиллиона пациентов: «During the next several weeks, we will share information through our new daily blog and show you what it's like to be behind the scenes at the largest and busiest hospital in the nation's capital, which cares for nearly half a million patients each year. Please share with your friends and family and keep coming back for more! <http://medstarwashington-hospitalcenter.blogspot.com/>». Таким образом, одной из интенций адресанта можно считать побуждение адресата постоянно следить за обновлением информации о деятельности учреждения.

Подводя итог, отметим, что конститутивные характеристики анализируемого жанра «домашняя страница» в полной мере реализуются в ряде гипотекстов сайтового гипертекста, объединенных тематически. Субстратом является интернет-пространство, ограниченное рамка-

ми сайта. Адресант – руководство медицинского учреждения, адресат – любое лицо, заинтересованное в медицинских услугах, имеющее технический доступ к сети Интернет. Домашняя страница сайта медицинского учреждения реализует четыре коммуникативные интенции адресанта: информационную, побудительную, имиджевую и рекламную. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что жанр «домашняя страница» является сложным, так как в его состав входят несколько жанров: простые, такие как «баннер», «объявление», «интервью», и сложные – например, жанр «новости». Согласно материалу исследования, домашняя страница является структурным компонентом

всех сайтов медицинских учреждений, соответственно жанр «домашняя страница» является ядерным в составе гипержанра «веб-сайт организации». Домашняя страница веб-сайта появилась одновременно с возникновением нового субстрата, в связи с чем нельзя говорить о наличии жанра-предшественника, что позволяет нам определить жанр «домашняя страница» как первичный.

Примечания

¹ Капанадзе, Л. К. Структура и тенденция развития электронных жанров. Жизнь языка : сб. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001.

АГНОНИМЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 13-04-00045 «Семантизация агнонимов чувашского языка на основе комплексного лингвистического анализа»

Рассматриваются в семантическом аспекте чувашские абсолютные агнонимы русского происхождения, толкование которых в свое время оказалось проблематичным. В основу их семантизации положена ближняя этимология.

Ключевые слова: чувашский язык, чувашско-русские языковые контакты, семантизация, агнонимы, русизмы.

Изучение чувашско-русских языковых контактов в рамках традиционных областей практически исчерпало себя и в настоящее время находится в депрессивном состоянии. Естественно, речь идет об усталости традиционных тем и методик, но не об исчерпанности самой проблемы. Семантизация агнонимов русского происхождения в чувашском языке – это новая область, призванная расширить и оживить чувашско-русские контактологические разыскания.

Русизмы являют наиболее крупный пласт заимствований в чувашском языке. Качественные параметры позволяют определить время проникновения русских слов, соответственно чему произвести их стратификацию:

1) древние заимствования, известные значительными фонетическими изменениями (VIII–XVI вв.): *‘вырӑс’* ‘русский’, *‘кӗнчеле’* ‘кудель’, *‘ыраш’* ‘рожь’, *‘мачча’* ‘матица’;

2) старые заимствования, проникавшие через устное посредство и приспособленные под чувашское произношение (XVII–XIX вв.): *‘витре’* ‘ведро’, *‘кӗнеке’* ‘книга’, *‘купӑста’* ‘капуста’, *‘пӑшал’* ‘ружье’ (из *‘пицаль’*), *‘сӗтел’* ‘стол’, *‘хунар’* ‘фонарь’, *‘шкул’* ‘школа’;

3) новые заимствования, обусловленные письменной речью, и, как правило, сохраняющие исходное звучание или допускающие незначительные изменения (с конца XIX в.): *‘институт’*, *‘машина’*, *‘промышленность’*, *‘биологи’* ‘биология’, *‘профилактики’* ‘профилактика’, *‘хирурги’* ‘хирургия’.

Страты разнообъемны: древнерусских заимствований в чувашском языке насчитывается до нескольких десятков, старых заимствований, по разным оценкам, от 400 до тысячи слов, количество новых заимствований исчисляется десятками тысяч.

Агнонимы русского происхождения относятся к старым заимствованиям. Это периферийная лексика, которую едва успели зафиксировать и системно представить в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина без указания их семантики [1].

Установление русских этимонов чувашских агнонимов периода старозаимствований в условиях развитого чувашско-русского двуязычия – процедура несложная: исходные и заимствованные слова созвучны, их семантическое сходство подтверждается контекстуально. И вызывает вопросы крайне осторожный подход лексикографов времен создания чувашского тезауруса, которые нередко леммы снабжали неуверенными переводами.

В данной работе рассматриваются более 20 агнонимов чувашского языка, семантизация которых строится с привлечением русского материала.

‘Ӗреске’ [ʎr’эск’э] ‘зря’? [1. Т. 4. С. 130]. Агноним сопровождается иллюстративным текстом: *‘Ӗреске ан ту’* ‘Неожиданно не сделай’. Вопреки предположению лексикографов, возведение *‘Ӗреске’* к *‘зря’* фонетически не представляется возможным. *‘Ӗреске’* происходит от субституированной формы русского наречия *‘резко’* с сохранением значения. Инициальное *‘ӗ-’* – протеза, вызванная фонотактическими особенностями чувашского языка, включающего начальное [r]. Любопытна каритивная форма данного агнонима – *‘Ӗрескесӗр’* ‘зря, без толку’? [1. Т. 4. С. 130]. Сопровождающий лемму текст подтверждает справедливость допущений лексикографов: *‘Мускав патшалӑхӗнче Ӗрескесӗр вакланас йӗрке пулман’* ‘В Московском государстве не было принято без толку делиться на мелкие княжества’. Это плеонастичная форма *‘Ӗреске’*, которая

своим существованием уже ставит языковедов в тупик: *‘Ёрескесёр хытланат’* (?). Поступает *‘ёрескесёр’* (вопрос в оригинале). *‘Ёсре’* [‘ср’э] ‘зря’? [1. Т. 4. С. 139]. То же, что *‘сёре’* ‘зря, напрасно (понапрасну), попусту; очень; страшно, жутко’ с допустимыми перестановками звуков в инлауте. Этимомом является русское ‘зря’. У М. Р. Федотова приводится татарская диалектная параллель *‘зэрэ’* во фраземе *‘зэрэ очу’* ‘сильно испугаться’ [12. Т. 2. С. 45], видимо, также восходящая к русскому источнику.

‘Кёревник’ [к’ёр’эвн’и’к’] ‘гривенник’? [1. Т. 7. С. 277]. Справедливость предположения подтверждается контекстом, в финалах обеих частей которого содержится указание на сумму денег: *‘Сăпата тăрать кёревник, хёрёсем тăраççё çёр тенкё’* ‘Лапти стоят кёревник, девушки стоят сто рублей’. При этом первое предложение логически должно содержать сумму меньшую, чем второе, и им может быть только гривенник ‘монета в десять копеек’ в субституированной форме *‘кёревник’*.

‘Кувир’ [кув’и’р] ‘ковер’? [1. Т. 6. С. 256]. В металекте – *‘кавир’*, слово низово-диалектного происхождения. Является обратным заимствованием из русского языка: *‘ковер’* < дунайско-болгарское, волжско-болгарское (древнечувашское) **kav□^r* из **kebir*. Ср.: среднетюркское *‘kiviz’*, *‘küwuz’*, чагатайское, восточно-тюркское *‘kigiz’* ‘войлочное одеяло’, татарское, казахское *‘kız’*, монгольское *‘kebis’* ‘ковер’, калмыцкое *‘kews□’* [11. Т. 2. С. 270–271]. Огласовка агнонима через [у] может быть объяснена его заимствованием из северного, окающего русского наречия, с которым в контакте находился верховой диалект чувашского языка. В словаре Н. И. Ашмарина агноним паспортизируется неким селением *Тăваçушкăнь* Вурнарского района. Судя по форманту *-ушкăнь*, оно должно находиться в северной части обозначенного района. Установить более точную локализацию селения оказалось невозможно. Но остается проблема перехода русского [о] в чувашское [у], хотя оно в о-диалекте должно было сохраниться. Вероятно, что под давлением литературного языка объемный материал был зафиксирован в металектической форме, см.: *‘Савни çуни кувирлĕ, тану кувир çаптарнă; энĕр хамăр çавнашкал, тану кавар пуçарнă’* ‘Сани возлюбленного кувирлĕ, давно обили кувир’ом; мы сами такие, давно затеяли заговор’.

‘Кужин’ [кукши’н] ‘кувшин’? [1. Т. 6. С. 271]. Непосредственным источником чувашского *‘кужин’* послужила аналогичная

диалектная форма в русском языке, не претерпевшая каких-либо изменений (см.: [11. Т. 2. С. 367–368]). К той же форме относится чувашское литературное *‘кăкшиĕм’*, являющее более архаичное заимствование. Архаичность его доказывается значительностью фонетических трансформаций, а именно – редукцией гласных звуков и переходом ударения на первый слог.

‘Кулик’ [кул’и’к] подражание воркованию? *‘Кулик-кулик кăвакарчăн шуçлăх тăрăх кускалать; шуçлăх тĕлне çитсессĕн ик çонатне шарт çапать’* ‘Кулик-кулик голубь снует по желобку; когда доходит до желобка, бьет обоими крыльями’ [1. Т. 6. С. 276]. Вопреки нечувашскому фонотаксису в словаре 1985 г. лексикографируется как чувашское подражание воркованию голубей при собственно чувашском *‘кăвик(-кăвик)’* [13. С. 191, 156]. Этимомом выступает русский призывной возглас *‘гули-гули’*.

‘Кулуй’ [кулуй] *‘бедняк’?* (из русского ‘голый’) [1. Т. 6. С. 276]. Семантизация строится на основе контекстуального анализа: *‘Кулуя тухнă (çине çакмалли юлман)’* ‘Обеднел. Стал кулуй (не осталось ничего на себя повесить)’. Вряд ли агноним употреблен лишь в прямом значении ‘не имеющий на себе одежды, нагой’. Это прежде всего визуальная констатация факта, но в основе под *‘кулуй’* подразумевается ‘бедный, нищий’. В данном значении *‘кулуй’* соотносится с однокоренным русским словом ‘голытьба’. Агнонимичная фразема *‘кулуя тух’* укладывается в схему чувашского фразеологизма *‘çынна тух’* ‘выйти в люди’.

‘Кулясчи’ [кул’асчи] ‘гуляка’? Орфография сомнительна. *‘Хула сулĕ мăн аслă сул, тусан тăрать ула юпа пек. Çав тусанăн, ай-хай, хыçĕнче труйкка чаплă утсем килеççĕ. Çамрăк кулясчи ларса килет’* ‘Городская дорога – большая дорога, пыль стоит пестрым столбом. За этой пылью, ай-гай, тройка славных коней идет. Молодой кулясчи едет’ [1. Т. 6. С. 279]. Наибольшее фонетическое соответствие чувашскому агнониму обнаруживается в русском действительном причастии настоящего времени *‘гуляющий’* с расщеплением [ш:] на [сч]. В самом чувашском языке номинация деятеля нередко происходит с помощью причастия настоящего времени на *‘-акан (-екен)’*: *‘вĕрентекен’* ‘учитель’, букв. *‘обучающий’*; *‘ыйткалакан’* ‘попрошайка’, букв. *‘просящий’*; *‘итлекен’* ‘слушатель’, букв. *‘слушающий’*. Не исключается в качестве исходной основы вариант *‘гулячий’* ‘гуляющий, праздный и праздничный,

не рабочий и не работный; не занятый, свободный; бестягольный' [2. Т. 1. С. 669].

'*Курӑнчӑ*' [кӱрӑнчӑ] 'горница' (?) в девичьем плаче: '*Икӗ курӑнчӑ хире-хирӗс, кӑвакарчӑнсем пулмасан курӑнчӑ илемӗ сук*' 'Два курӑнчӑ напротив друг друга, если бы не было голубей, курӑнчӑ не будет красивой' [1. Т. 7. С. 6]. В литературном языке слово 'горница' представлено в неожиданной, полусвоенной форме – 'курница' с переходом ударения на конечный слог, но с сохранением чуждого для фонетических освоенных русизмов [ц] [13. С. 195]. Орфографирование в форме, более всего соответствующей чувашскому звучанию, находим в варианте того же текста в сборнике чувашского фольклора: '*Икӗх те курнитса хире-хирӗс, кӑвакарчӑн сукран илем сук*' [4]. Агномим представляет альтернативный вариант освоения русского 'горница', в котором сохранение ударения на первом слоге потребовало редуцирования [и].

'*Куспучӗ*' [куспӱчӗ] 'господь' (?) в молитвословии жертвоприношении кашей: '*Сырлах, турӑ, мӑн турӑ, мӑн турӑ амӑшӗ, хӑрпан, хӑрпан амӑшӗ, кепе, куспучӗ! Сире йӑлӑнатпӑр*' 'Смилостивись, бог, большой бог, мать большого бога, хырбан, мать хырбана, кебе, куспучӗ! Вас просим' [1. Т. 7. С. 39] (Хырбан (чуваш. хӑрпан) – языческий бог, исполнитель воли кебе, его помощник; Кебе (чуваш. кепе) – бог судьбы). '*Куспучӗ*' – посессивная форма третьего лица единственного числа. Должная быть исходная форма – '*куспуть*'. По контексту, '*куспуть*' – один из многих богов языческого пантеона. В интерпретации составителей сборника благословений и молитвословий, '*куспут*' (sic!) – 'добрый дух, присматривающий за скотом' [5. С. 328].

'*Лиска*' [л'искӑ] во фразеологизме '*лиска йытӑ*' 'собачка, мелкая порода собак' [13. С. 219]. Г. Е. Корниловым агномим возводится к русским именам собственным '*Лиска*' кличка собаки; '*Лиска*', '*Лискав*' мужские языческие имена, '*Лискав*' название села Лысково на Волге, '*Лисса*' женское христианское имя Елизавета, Василиса, а также языческое имя мужчины и интерпретируется как результат серии переносов: христианское имя > чувашское (языческое) имя (первоначально прозвище) > кличка собаки > наименование породы собак [6. С. 188]. Надо полагать, что у Н. И. Ашмарина '*Лиска*' как мужское имя и '*Лиска*' как собачья кличка (по иллюстративному материалу все-таки – маленькая порода собак) являются

омонимами [1. Т. 8. С. 86]. Не случайно в чувашско-русском словаре 1985 г. '*лиска*' приводится как имя нарицательное [13. С. 219]. В чувашском языке существовали другие традиции подбора собачьих кличек, редко пересекавшиеся с именованием человека. Клички носили преимущественно описательный или вопросительно-синтаксический характер, например: '*Улайкка*' из 'ула' 'пегий'; '*Хураҫка*' из 'хура' 'черный'; '*Кампур*' букв. 'кто есть?'; '*Камвӑл*' букв. 'кто это?'). Более вероятным представляется происхождение агномима от русского '*лиса*' в уменьшительной форме '*лиска*' для обозначения собак мелкой породы с мордой, напоминающей лисью, т. е. шпицев.

'*Лиски*' [л'иск'и'] [1. Т. 8. С. 84]. Агномим употреблен в детском фольклорном тексте: '*Арӑсланӗ пӗчӗккӗ пуль? – Сук, пӗчӗккӗ мар. Арӑсланин хӑлхине лиски сӗклеймест. – Лиски пӗчӗккӗ пуль? – Сук. Лискин хӑлхине шапа сӗклеймест*' 'Лев маленький, наверное? – Нет, не маленький. *Лиски* не может поднять львиные уши. – *Лиски* маленький, наверное? – Нет. Лягушка не может поднять уши *лиски*'. Ряд, в который встроены данный агномим, содержит указания на представителей животного мира по уменьшающейся крупности, ср.: '*арӑслан*' 'лев' – '*лиски*' (?) – '*шапа*' 'лягушка'. На первый взгляд, слово может означать и лису, и мелкую породу собак, см. '*лиска (йытӑ)*'. Однако семантически прозрачные элементы смыслового ряда, обозначающие диких представителей фауны, предполагают и агномим семантизировать в качестве дикого животного, т. е. лисы.

'*Лопӑк*' [лӧбк] в производном '*лопӑклӑ*' [1. Т. 8. С. 90]. Агномим имеет минимальный контекст в виде фраземы '*лопӑклӑ йӑҫ*' 'дерево, у которого местами кора треснула сама собой и отстала', т. е. уже на основе аутентичного перевода времен создания словаря Н. И. Ашмарина '*лопӑк*' можно семантизировать как 'треснувшая и отставшая кора'. Слово паспортизируется д. Верхние Олгаши, и поскольку деревня входит в марийско-чувашскую контактную зону, скорее следует предположить его финно-угорскую этимологию, и такая параллель обнаруживается в глазовском говоре среднечепецкого диалекта удмуртского языка – '*лӧпытны*' 'отдраться, облупить' (сообщение С. А. Максимова). Кроме того, в коми языке имеется слово '*лӧп*' со значением 'древесный хлам, сор, валежник' [7. С. 162]. Однако в нашем случае слово с большей вероятностью возводится к русскому '*луб(ок)*' 'волокнистая внутренняя

часть коры липы и некоторых других листовых растений с допустимым переносом ударения на начальный слог, ср.: *завод* > *савѣт* [сáвѣт], *кувшин* > *кѣкшѣм* [кѣ́кшѣм], *ямщик* > *ямшѣк* [jámшѣк]. В свою очередь представляется необходимым изучение возможных взаимосвязей русского *лѹб* и финно-угорских *лѹп*, *лѹптыны*.

Мачѣлташ [маѣлѣдѣш] [1. Т. 8. С. 215]. Согласно изысканиям Ю. Дмитриевой, *маѣлта* возводится к русскому *метлица* 'тимофеевка, костер' (*metl(i)ca* > *metel(i)cá* > *mekēlče* > *mečŷlte* > *mačǎlta*) [3. С. 90–91]. Перевод *мачѣлта* как *метлика* встречается и у Н. И. Ашмарина [1. Т. 8. С. 215]. [ш] в ауслауте обусловлено рифмованием *мачѣлта* с *ачѣлташ* 'горчица' (?) в условиях устойчивой фольклорной фраземы *ачѣлташа мачѣлташ*.

Миѣи (?) [м'иѣи] 'межа'? [1. Т. 8. С. 250]. В контексте агноним употреблен в форме посессива третьего лица во множественном числе: *Алѣк умѣнчен тухрѣм, хире пѣхрѣм – курѣнаймѣ-ши хирѣн миѣисем*. 'Отошел от двери, посмотрел в поле – не видны ли *миѣи* полей'. Его реконструируемая исходная форма – *миѣа. В чувашском языке имеются металектизмы русского происхождения *миѣа* 'межа, граница', *миѣавай* 'межовой, межевик' [13. С. 245]. Следовательно, *миѣа* – суть диалектная. Чувашскому языку известен переход *ш* ~ *ѣ* (ср.: *шари* 'подражание пронзительному испуганному крику' ~ *ѣари*; *кѣшкѣр* 'кричать' ~ *кѣѣкѣр*; *куѣсуль* 'слеза' ~ *кушисуль*), но подобные отношения в большей степени характерны татарско-чувашским лексическим параллелям (ср.: *шомырт* 'черемуха' – *ѣѣмѣрт*, *шѣрѣ* 'голый' – *ѣара*. *баш* 'голова' – *пуѣ*). По этой причине в заимствовании агнонима можно предположить также татарское участие. Тем более, что употребление слова *хир* 'поле' свидетельствует о принадлежности иллюстративного текста к низовому диалекту чувашского языка, находящемуся в контакте с татарским языком. Между тем в современном татарском языке используется русизм 'межа' без каких-либо фонетических изменений и слов, похожих на *миѣа*, не обнаруживается.

Похилке [поу'ил'г'э'] (?) 'бахилы' [1. Т. 10. С. 57], т. е. 'крестьянская рабочая обувь; сапог с голенищем на помочах' [11. Т. 1. С. 136–137]. Сомнение лексикографов относится не к значению слова, а к его фонетико-графическому отображению и скорее всего сводится к выяснению звонкого или глухого звучания [к]. Ис-

ходной основой чувашского *похилке* следует принять 'бахилки', в котором имеем [к], но не [г]. Таким образом восстанавливается промежуточная форма в виде *похилкке'. Следующий этап – выяснение соотношения русского [а] и чувашского [о] в первом слоге. Дело в том, что переход русского [а] в [о] в верховом диалекте чувашского языка невозможен, наоборот закономерно преобразование русского [о] в [а], ср.: *солод* > *салат*, *товар* > *тавар*. И, видимо, совершенно справедливо в чувашско-русский словарь 1985 г., в основу которого положен тезаурус Н. И. Ашмарина, слово 'бахилы' включены в виде *пахилкке*' [13. С. 275]. Именно эту форму можно допустить как корректную и в нашем случае, приняв *похилке* за ошибочное орфографирование. В нашем случае *пахилкке* входит в состав еще не описанного парного слова *пахилкке-ѣпата* как общего названия крестьянской обуви: *Иртсе карѣ пирѣн ѣмѣр похилкене-ѣпатапа ѣак пыр-лаккра ѣѣресе* 'Прошел наш век, мы ходили в *похилке* и лаптях по гололедице'.

Поянски [појѣнски] [1. Т. 9. С. 255]. Слово употреблено в загадке о сороке: *Хура сѣран аттине, поянски пуѣците, кѣримѣски ѣѣлѣкпе*. 'В черных кожаных сапогах, с *поянски* головой, в крымской шапке'. Являет случай заимствования русских формантов *-ск* и *-ий* (последнего в усеченной форме), присоединенных к чувашскому имени прилагательному *пуян* 'богатый' с сохранением его исходного лексического и грамматического значений. В итоге в новой нарочито макароничной форме *поянски* адъективность передается дважды – самим значением слова и русскими аффиксами. Аналогичная ситуация наблюдается в случае с прозвищем мужчины – *Авански* < *аван* 'хороший', *-ск* суффикс имени прилагательного, *-ий* окончание [1. Т. 1. С. 41].

Ришѣк [р'и'ж'ѣк] во фраземах *хорѣн ришѣк* название красноватого, мохнатого гриба, букв. 'березовый рыжик'; *шѣшкѣ ришѣк* название съедобного гриба серовато-красного цвета, букв. 'орешниковый рыжик' [1. Т. 10. С. 291]. Агноним безусловно происходит из русского *рыжик*, но, похоже, в чувашском языке слово локально начало означать грибы вообще. Известно, что рыжики растут в хвойных лесах, но не под березами или орешниками, как это, на первый взгляд, утверждается в рассматриваемых агнонимах. В итоге возможна семантизация *хорѣн ришѣк* как 'подберезовик', *шѣшкѣ ришѣк* как 'подорешник'. По

подсчетах М. Р. Федотова, в словаре Н. И. Ашмарина дано название 32 грибов [12. Т. 1. С. 253], и их ряд должен быть пополнен по крайней мере еще двумя миконимами.

'Тетинка' [т'эд'ин'гá] 'дяденька' или 'тетенька'? [1. Т. 13. С. 313]. Контекст не позволяет уточнить родовую принадлежность слова, и более точная семантика не представляется возможной: *'Эй тетинка, тетинка, тух-ха кунта! Вутáш тухат тет'* 'Эй тетинка, тетинка, выйди сюда! Говорят, водяной выйдет'. Слово употреблено в субституированной форме, в которой сливаются основы исходных русских слов. Для ср.: в низовом диалекте чувашского языка имеется русское заимствование *'тете'* 'старший брат', восходящее к русскому 'дядя'.

'Тсар' [тсáр] [1. Т. 15. С. 115]. В словаре Н. И. Ашмарина предположительное значение не приводится. Однако звучание и контекст отсылают к русскому слову 'царь': *'Тёнче тытан тсара усалтан хáтар'*. *'Тсар'*а, который содержит мир, избавь от зла'. Вполне вероятно, что текст обусловлен гимном Российской империи «Боже, царя храни» (1833–1917). При этом, судя по форме и содержанию, иллюстрация отсылает к языческим молитвам, включающим стандартную геоцентрическую фразеологию: *'тёнчене тытса тáракан турá'* 'бог, содержащий мир'; *'тёнчене тытса тáракан мáн турá'* 'великий бог, содержащий мир'; *'сут санталáка туса тытса тáракан ыра турá'* 'добрый бог, сотворивший и содержащий белый свет' (см.: Пилсемпе).

'Тупинке' [туб'ин'г'э'] дубинка? [1. Т. 14. С. 143]. Слово употреблено в загадке о ступе: *'Туп-туп тупинке, туртса кай та туртса кил'*. Загадка носит заумный характер, однако аналитические глагольные сочетания *'туртса кай'* 'повести' и *'туртса кил'* 'привести' отсылают к фраземе *'туртса пар'* 'ударить со всего маху кулаком, дубиной и т. п.'. В чувашском языке имеется ряд слов с аналогичным происхождением: *'валинке'* 'волынка', *'варинке'* 'воронка', *'калинке'* 'калитка', *'супинке'* 'собина'.

'Чалам' [чалáм] русское 'челом'? [1. Т. 15. С. 134]. *'Чалам та сук, хыпар сук, нимён те хыпар та сук, нимён чалам та сук'* 'Нет ни чалам, ни новостей, нет никаких новостей, нет никаких чалам'. По чувашско-русскому словарю 1985 г., *'чалам'* – 'ответ' [13. С. 577]. Представляется, что подобная абсолютная семантизация агнонима поспешна, ср. с аналогичным заимствованием в коми, в котором *'чолóm'* [чóльм] – 'привет'.

'Шарни' [шарн'и'] в парном слове *'шар-*

ни-марни' 'олады из белой муки на постном масле. Продавались русскими на ярмарке в с. Кияти. Приготавливались тут же в палатках' [1. Т. 17. С. 138]. Возможно предположить две этимологии. Согласно первой, *'шарни'* происходит из слова *'жарня'* 'жарение, стряпня' [8. С. 56] с заменой русского окончания чувашским аффиксом субстантивации причастий прошедшего времени *'-и'*. *'марни'* – беззначный редупликат, придающий парному слову собирательное значение. Вторая этимология предполагает происхождение *'шарни-марни'* из русского *'жареное-пареное'*, испытывающего при заимствовании чувашским языком целый комплекс фонетических изменений, главные из которых связаны с переходом слова в мужской род с потерей конечных звуков [j] в обеих частях и смягчением финалов.

Список литературы

1. Ашмарин, Н. И. Чáваш сáмахэсен кёнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань ; Чебоксары, 1928–1950.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2004.
3. Дмитриева, Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / ред. К. Адягаш. Дебрецен, 2001. 211 с.
4. «Икёх те курнитса хире-хирёс...» // Чáваш халáх сáмахлáхэ : юрáсем. Шупашкар, 1979. С. 159.
5. Карта пáттинчи кёлёсем. 1067 // Пилсемпе кёлёсем. Шупашкар, 2005. С. 328–329.
6. Корнилов, Г. Е. Названия для канис (фамилия канилэ) в чувашском языке // Ученые записки. Чебоксары, 1970. Вып. 49. С. 184–196.
7. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Сыктывкар, 1999. 430 с.
8. Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852. 256 с.
9. Пилсемпе кёлёсем. Шупашкар, 2005. 446 с.
10. Сергеев, Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968. 104 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. РАН О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб., 1996.
12. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Чебоксары, 1996.
13. Чáвашла-вырáсла словарь = Чувашско-русский словарь : ок. 40 тыс. слов / под ред. М. И. Скворцова. 2-е изд., стер. М., 1985. 712 с.

СИМВОЛИКА В БАШКИРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Доминирующим методом изображения жизни, души человека и окружающего мира в песенной поэзии народа является символика. Она способствует яркой образной выразительности, тонкому лиризму и эмоциональной глубине изображения. Освещается ее место, функции и специфика в башкирских народных песнях.

Ключевые слова: фольклор, жанр, башкирская народная песня, поэтическая символика.

Среди поэтических средств, используемых для раскрытия чувств и переживаний лирического героя, важное место занимает песенная символика.

Проблемы возникновения, функциональной специфики такого распространенного художественного средства изображения, как поэтическая символика, привлекли к себе внимание многих ученых. С середины XIX в. появляется целый ряд работ крупных ученых по указанной теме (Н. Гнедича, Н. Цертелева, А. Кубарева и др.), однако начало научного изучения народной песенной символики положено в трудах Н. И. Костомарова¹. Системному изучению народно-песенной символики посвящены также труды А. А. Потемни, А. Н. Веселовского и их последователей. По утверждению А. А. Потемни, главным содержанием народной песни является человек, который постигает себя с помощью первоначального познания явлений внешнего мира: «Человек обращается внутрь себя только от внешних предметов, познает себя сначала только вне себя; внутренняя жизнь всегда имеет для человека непосредственную цену, но создается и уясняется исподволь и посредственно»². Он справедливо признает символизм одним из главных эстетических достижений народной песни.

Большой интерес в изучении поэтической символики представляют работы Т. М. Акимовой, Н. П. Колпаковой и С. Г. Лазутина, в которых рассматривается система русской народной песенной символики³. Символика народной поэзии рассматривается в работе В. М. Бердникова и Е. А. Тудоровской по поэтике марийских народных песен⁴, в трудах татарских исследователей Р. Бикмухаметова, И. Надинова, М. Магдеева, К. Миннулина, Л. Замалиевой⁵, в исследованиях чувашских ученых М. Сироткина, Е. Сидоровой⁶ и др. Вопросы жанрового своеобразия, поэтико-стилевых особенностей и средств художественно-

го изображения башкирской народной песни системно исследованы в трудах С. А. Галина, Р. С. Сулейманова, Г. С. Галиной⁷. Вместе с тем необходимо отметить, что символ как основной художественный концепт лирических песен в башкирской науке еще не рассматривался. Данная работа представляет собой первый опыт изучения этой проблемы.

Непосредственное общение человека с природой, очарование и личные наблюдения над ее различными явлениями давали богатый материал для сопоставления их с жизнью человека, способствовали возникновению поэтических сравнений. По мнению ряда исследователей, песенная символика зародилась и оформилась в законченную поэтическую систему в связи с возникновением и формированием лирической песни. Символика, как утверждают исследователи, «служит средством выражения отвлеченных понятий и восходит, видимо, к очень ранним этапам развития поэтического мышления; <...> поэтический символ всегда использовался для того, чтобы конкретнее, ярче выразить чувства лирического героя»⁸; «система символических образов была способна выразить сложную и разнообразную гамму чувств человека, осознавшего себя частью большого мира природы, подчиняющегося ее законам»⁹.

Щедрая и многокрасочная природа Башкортостана явилась источником творческого вдохновения башкирского народа, сформировала чуткое восприятие гармонии живой природы и чувство слитности с нею. Все это нашло свое художественное переосмысление в устно-поэтическом творчестве народа. Большое место занимает она и в башкирских народных песнях. Реальное и поэтико-художественное включение природы в песенную традицию обеспечивает многогранное раскрытие внутреннего мира лирического героя и воссоздание облика самой природы, обстановки, в которой разворачивается сюжет.

У каждого народа есть традиционные образы-символы, связанные с понятием Родины. В большинстве песен башкиры воспевают как родное пристанище опозтизированный в разных жанрах фольклора бескрайний Урал с его величавыми горами, обширными долинами, полноводными реками, глубокими озерами. Многообразен в песнях образ Урала. Он олицетворяет в себе и природу как таковую, и понятие Родины целого народа. С ним башкир общается, разговаривает, как с живым, олицетворяет, персонифицирует его, наделяя его своими, присущими лишь человеку свойствами. Песни утверждают, что «хорош тот край, где злато-серебро, но родина, она всего дороже». Любовь к Родине выражена не только в песнях о родном крае, этот мотив характерен для всего песенного творчества башкир. Очень часто в лирических песнях повествуется о судьбах женщин и мужчин, по разным причинам разлученных с родной землей, с отчим домом, отчего они тосковали по ней и свою жизнь считали постылой и потерянной. Именно такая сюжетика обусловила в песнях устойчивую символику родного края, родной земли. Так, например, в лирической песне «Таштугай» символ горы, с одной стороны, передает прощание с гордой девичьей волей и свободой, а с другой – реальное родное пространство и место, по которым тоскует девушка. После обозначения своего состояния словом «һағынамын» (тоскую) следуют третья и четвертая строки, в которых в самой пронзительной, острой форме достигается передача душевной горести и тоски: каменные скалы родной горы готова молодая невестка периною постелить себе!

Иргәнсәккәй тороп, бер караһам,	Встаю я утром и смотрю на мир,
Һағынамын Урал коштарың.	Тоскую по птицам родного я Урала.
Түшәктәй үк күреп йоклар инем	Как на перинах я спала бы
Кыркты таузың кая таштарың.	На каменных Кыркты горы на скалах.

(«Таштугай») ¹⁰ («Таштугай»)

Порою даже обыкновенный камень становится символом родной земли. «Камни Урала в песнях – алмаз и жемчуг, на них кровью написаны и история, и проклятие. Для многих они служили и колыбелью, и очагом. Родные камни – свидетели былых событий, впитавшие в себя кровь и слезы, и славу наших предков»¹¹.

Судя по песням, мир состоит из двух пространств – «своего» и «чужого». «Свое» про-

странство характеризуется обилием высоких гор, полноводных рек, благоухающих лесов с певчими птицами и разнообразными животными, в «чужой» стороне вместо рек болота и стоячие воды:

Таштугай за буйы, ай, күләүек,	В долинах Таштугая озерки,
Күләүек тә түгел, һаз икән.	Даже не озерки, а топь болот.
Һаззарында һайрап коштары юк,	Нет птиц, поющих на болоте,
Моңло кошкайзары каз икән.	Печалится-поет там только гусь.

(«Таштугай») («Таштугай»)

В песне «Ғилмияза» «чужая» сторона для героини видится степью безжизненной: *Үз илемдәй түгел илкәйзәре, Ком бураны уйнай, елле икән. / Не похожа на мою эта страна: Бури песчаные и ветры веют.* За описанием этой страны подразумевается зеленый, цветущий край – родной край Гильмиязы. Такой символ можно выделить как психологический.

Мир природных стихий является изначально традиционным для художественных образов песен. Главными в нем считаются огонь и вода. Так, огонь в народных представлениях является одной из основных стихий мироздания (наряду с водой, землей, воздухом). В лирических песнях через символику огня и ее признаки: горение, пылание, горящая свеча и т. д. передается чувство любви. Огонь в сердце зачастую передает страсть, мучение от переживаний:

Кыскырмасы, кәкүк, ай, якында,	Не зови, кукушка, ай, рядом,
Кәкүк өсөн түгел талтирәк,	Не для кукушек ивы с тополями.
Яна ғына тиһән, Ялкыны юк,	Кажется, горит, да пламени нет,
Ялкыһыҙ уҡ яна был йөрәк.	Без пламени горит это сердце.

(«Кыскырмасы, кәкүк») («Не кричи, кукушка»)

Такое же значение получают и образы, производные от огня: кипящая вода, кипящий котел и т. д. В символике огня отчетливо проявляется не только его позитивная сторона, но и негативная – разрушительная сила. Например, в песне «Кыйыу кыз» («Дерзкая девушка») страдание лирического героя передается символикой огня, героиня песни в отчаянии призывает уничтожающую силу огня: *Хыялдағы малың утка яһын, Һөйгән йәнәшеңде алмағас! / Пусть сгорит добро, что в мечтах, Коль на любимой жениться не можешь!*

В сознании человека вода ассоциируется с жизнью, а ее течение – с безвозвратно ушед-

шим временем. Течение воды в языке соединяется с понятием быстроты, отсюда в символическом мышлении башкир жизнь сравнивается с водным потоком: *Йәши гүмеркәймәден, ай, үткәнән Оқиатамын һыузың ағышына. / Жизнь минувшую сравнил бы Я с текучею водой. Разлив символизирует разлуку: затопляя берега, вода препятствует свиданию, тоска девушки широка, как безбрежье разлившейся реки: Агизлкәй буйы тугайзарзан Тып-тып баһып килә юргалар. Һағынған да сакта қарар инем, Арабызза киң-киң даръялар. / Вдоль по Агидели бродят кони И ступают по траве легко. Унимая тоску, глядела бы на тебя, Но между нами реки и моря. Мотив перехода через реку маркирует преодоление препятствия: Яз кимәле еткәс, баһма һалдым, Уйзан-уйға акқан қар һыуға. / Весна пришла, и сделал я мосточек Над талою текучею водой. В песнях о любви берег реки (озера), как правило, является местом встречи молодых: по воду идет девушка и там встречается со своим возлюбленным:*

Соран йылғаһынан иртә менән	Поутру к Суран-реке спускалась
Бер һылыу кыз төшөп һыу ала.	По воду девица молода. Воды набирает, следы оставляет,
Һыузар ала, баһқан эзе қала,	На сердце от того огонь-тоска.
Йөрәгемә һағыш-ут һала.	

(«Фәүзиәкәй»)

(«Фаузиякай»)

Вода омывает слезы, облегчает страдания: *Һыу буйына барып та битен йыуа, Зөлхизә, Йөзөндәге йәшле лә таптарың, Зөлхизә. / Идет к воде, чтобы умыть лицо, Зюльхизя, Омыть кровавые слезы на лице, Зюльхизя. «Стихия воды – реки, озера, родники, а также облака, туман – появляются в народной песне всякий раз, когда возникает стремление передать внутреннее состояние человека, сердечную грусть, душевную тоску»¹². Пространство реки, сфера водной стихии в башкирских лирических песнях традиционно участвуют как маркеры «живых» сопереживателей горя и людской печали. Так, в песне «Ашкадар» женщина оплакивает своего мужа, утонувшего во время охоты в реке, а в песне «Камалик» девушка тоскует по утонувшему во время половодья возлюбленному. В песнях реки символизируют вечную разлуку и горе.*

В своем поэтическом воображении человек общается и со стихией воздуха. Наиболее подвижное из всех ее проявлений – ветер – часто

оказывается воображаемым другом и помощником человека¹³. В башкирских песнях ветер помогает развеять печаль, доставляет вести разлученным влюбленным или же сопереживает лирическому герою. В текстах песен лирический герой часто обращается к нему и просит у него помощи или же просит оставить его в покое: *Һызғырма ел, ыжғырма ел, Иртән һаткын былай за, шул. Ярһыулатма күңелемде, Мин ярһыулы былай за. / Не свисти, не вой ты, ветер, Прохладно поутру и так. Не тревожь ты мою душу, Беспокоен я и так.*

Солнце, Луна, звезды в песнях также имеют символические значения. Они «в песнях окутаны особой любовью и теплотой, тексты глубоко содержательны, отличаются особой выразительностью. Солнце, луна и звезды одушевлены, персонифицированы»¹⁴. В песнях солнцу и луне уподобляет егет свою возлюбленную: *Бер битең ай һинең, Бер битең нурлы көн Кайһы битең элек тә, Ғәйнифәрхәт, үбәйем? / Одна щечка – луна, Другая солнцем светит. Какую прежде щечку, Гәйнифархат, целовать? Прекрасной девушке завидуют даже сами небесные светила: Сәлимәкәй һыуға барған сакта Елдәр һыйпап үтә башынан. Сәлимәкәй төндә йоклаганда Ай көнләшә кыйғас кашынан. / Салимакай идет по воду, И гладит ветер по ее голове. Когда же спит Салимакай, Бровям ее завидует и месяц. Месяц и звезды в песнях обычно олицетворяют мужчину: Етегән дә тигән ете йондоз Өлкәрзәрен ташлап китә алмай. Ирмен генә тигән, ай, ирзәр шул Үз илдәрән ташлап китә алмай. / Етегән – семь звезд на небесах, Свое созвездие оставить не может. Мужчины, настоящие мужчины Своей Отчизны не покинут.*

Тематико-сюжетную основу многих башкирских песен составляют различные печальные моменты жизни: несчастная судьба, неразделенная любовь, вынужденная разлука, смерть возлюбленного и т. д. В связи с этим в них значительно больше символов горестного значения, нежели счастливого. Все объекты живой и неживой природы, встречающиеся в символическом счастье, в символическом горе имеют обратное функциональное значение: растения не цветут, солнце не светит, между возлюбленными – непреодолимое пространство.

Символом несчастной любви и разлуки служит все то, что определяет расстояние, препятствия: пустынное море, горы, реки, лес, пустое широкое поле, широкая долина¹⁵. Горы стесняют свободу движения; трудный путь непре-

менно лежит через реки и горы, поэтому горы тоже являются символом неволи, горя:

Алыстарзан карайып, ай күренгән	Что-то впереди, ой, за- чернело
Кара төлкө тигән тау микән?	Может, Кара төлкө* это та гора?
Таң турғайы, талда һайраһана,	Малиновка, скажи своей трелью:
Көмөшэй һылыу исэн- һау микән.	Кумушай здорова ли, жива?
(«Көмөшэй менән Изрис») [Кара төлкө – букв. Черная лиса – название горы]	(«Кумушай и Идрис») [Кара төлкө – букв. Черная лиса – название горы]

Место, куда уехала девушка замуж, представляется как далекое, недоступное пространство, а горы – как преграда для встречи. Парень беспокоится, тоскует по девушке, отданной замуж за высокие горы. Горы, облака черного цвета передают значения горя, неизвестности, опасности, зла:

Анау яктан килгән, ә-һэй, кара болот, Боз булып та тағы яуырмы?	Вон туча идет вновь, эй-гей, черная, Неужто град опять упадет?
Язғы ташкын аккан да, ә-һэй, һыу кеүек, Кыззар йәше шулай ағырмы?	Словно разливы, эгей вешние воды, Уж ли девица слезы льет?
(«Кәмәлек»)	(«Камалик»)

В качестве символов в лирических песнях башкир широко представлен растительный мир. Одним из центральных образов является береза. Судя по материалу, она не только олицетворяет красивую, стройную девушку, но и выступает символом печали, грусти, горя. Береза приносит горе, считали у башкир, поэтому ее нельзя было сажать возле дома. Обычно ее сажают на могиле¹⁶. Образ горя усиливается и тем, что слово «кайын» (береза) созвучно со словом «кайғы» (горе): *Кыскырмасы, кәжүк, ай, түбәмдә, Кыскырһаңсы кәкере кайында. Егет кенә кеше сер белдермәс, Кайғылары арткан һайын да. / Не кричи, кукушка, ай, надо мной, Кричала бы ты на кривой березе. Егет секрета не выдаст, Даже когда беды его все растут.*

Символом девушки в песнях выступают яблоня, черемуха, разнообразные цветы, камыш, кудрявый тальник, спелые красные ягоды, зрелые яблоки:

Буйғынайың, гүйә, алма ағасы, Куйынкайың, йәннәт баксаһы!	Вся ты словно яблоня весною, А твои объятия – словно рай!
(«Француз яулык»)	(«Французский платок»)

Среди прочих деревьев выделяется сосна, символизирующая силу. Благодаря твердости своей древесины она издревле считалась символом бессмертия и прочности. В башкирских народных песнях образ сосны является поэтическим средством раскрытия непоколебимой силы, могущества представителей сильного пола:

Карағайкай тигән бейек ағас Ызғыр елдәргә лә бирешмәй; Ирмен дә генә тигән ир-егеткә Башты түбән эйеу килешмәй.	Под любимым напором злого ветра Устоит могучая сосна. Мужчине, называющему себя мужчиной, Не пристало склонять голову.
--	---

(«Карағай») («Сосна»)

«Фольклорная символика чрезвычайно разнообразна, для выражения одного глубинного фольклорного смысла может использоваться множество слов-символов, и наоборот – одно и то же слово может быть выразителем разных символических смыслов»¹⁷. Если в приведенном ранее примере образ сосны символизирует силу, стойкость мужчины, то в следующей песне образ крепких сосновых ворот показывает безысходность жизни героини, насильно выданной замуж за старика, вселяет сомнение.

Карағай за капка, башы такта, Серер микән бер сакта. Һөймәгән дә йәрзән хәсерәте Бөтөр генә микән бер сакта.	Сосновые ворота крыты доской, Сгниют ли они когда- нибудь? Тоска гнетущая от не- любимого мужа Закончится ли уж когда- нибудь?
--	---

(«Зәғифә») («Загифа»)

В своей работе Т. В. Клюева, рассматривая символическую роль названий растений в русских народных песнях, отмечает, что названия растений, употребляясь не только в песнях, но и в пословицах, сказках, заговорах, загадках, поговорках, сказаниях, могут приобретать символическое, обобщенное значение, трансформируясь под влиянием различных воззрений¹⁸. Растения в песнях символизируют какое-либо состояние, то или иное чувство или настроение. Цветущие растения в песнях обычно воплощают молодость, жизненный расцвет, достаток, хорошую жизнь, а время увядания цветов и трав перекликается с тоской, печалью, утратой любви или изменой.

Наряду с образами из растительного мира в песнях в роли символов выступают образы из животного мира и образы птиц.

Сильный и могущественный егет на коне во всем великолепии боевого убранства – любимый и очень распространенный образ в башкирском фольклоре. В башкирской мифологии Толпар (Тулпар) – сказочный крылатый конь; Акбузат (Акбузат) – небесный крылатый конь, который играет важную роль в башкирских эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат». В башкирских народных сказаниях «Атһак қола» («Хромой буланый»), «Кара юрға» («Чёрный иноходец») лошадь выступает верным товарищем и помощником батыра.

Образ коня традиционен и почти обязателен для башкирской поэзии, и это неудивительно, потому что конь – гордость башкира, его радость, предмет неусыпных забот. О чем бы не думал и не пел наездник, он обязательно вспомнит о коне и любовно расскажет о нем или прямо обратится к нему, как к самому близкому существу:

Ерәнсәй зә атым, елһәнсе, Таңдың сулпандары калккансы. Еткерер зә ергә еткерһәнсе, Тамсылап та тирең аккансы.	Рыжий конь мой, скачи До восхода утренней звезды. Домчи, скакун мой, покрываясь потом, Унеси от бедности- беды.
--	---

(«Ир-егет») («Егет»)

По мнению К. М. Миннулина, в башкирской песенной поэзии образ коня является самым распространенным и наиболее полно и тонко разработанным образом¹⁹. Основным мотивом песен с образом коня является мотив дружбы и единства коня и мужчины:

Каз канаткайзары кат- кат булыр, Ир канаткайзары ат булыр.	Белые перья, перья гусиные, А конь быстрый – крылья мужчины.
---	---

(«Каз канаты») («Вороной иноходец»)

В башкирских народных песнях отражается особое, трепетное отношение и к образам птиц. Символами егета выступают орел, беркут, соловей, ястреб, кречет и голубь, а символами девушки – белая лебедь, серая утка, кукушка, ласточка и т. д.:

Һары ла була һандуғас, Кара муйын була карлуғас. Һин һандуғас буһаң, мин карлуғас, Һайрашырбыз икәү, пар булғас.	Желтым бывает певучий соловей, А с черной шейкою – ласточка она. Коль ты соловушек, то я – ласточка, Будем вместе петь всег- да.
--	---

(«Һары һандуғас») («Сизый соловей»)

В башкирских народных песнях некоторые символы полисемантичны, т. е. являются символами и егета, и девушки. Для передачи чувства единения, любовного союза птицы символизируют как девушку, так и егета, в данном примере ласточка – мужчина. В песнях особо выделяются образы соловья и кукушки. Образ кукушки традиционно символизирует одиночество, печаль, горе. Печальная судьба человека сравнивается с судьбой кукушки, у которой природа отняла возможность высиживать своих птенцов. В одном из вариантов песни о кукушке используется поэтический прием параллелизма образов:

Кәкүк тизәр, кәкүк тизәр, Кәкүк тә ялан кошо. Моңло тизәр, зарлы тизәр, Зарлы – бәхетһез кеше ²⁰ .	Кукушка, говорят, кукушка, Она ведь тоже птица полевая. Поет жалобно, говорят, печально, Печален несчастный человек.
--	---

Проводится параллель между несчастной птицей – кукушкой и несчастным человеком. К. М. Миннулин отмечает, что «в лирических песнях как башкир, так и татар кукушка является символом быстротекущей земной жизни»²¹. Следует отметить, что в башкирских лирических песнях кукушка также является символом счета жизни:

Кәкүк кенә сақырһа, язар була, Йәш ғүмерзең үтеүе йәл була. Һикһән генә тукһан, йөз йыл ғүмер Бер минуткайзарзан аз була.	Коль зовет кукушка – идет весна, Жаль бывает жизни проходящей. Восемьдесят, девяносто, сто лет жизни Короче кажутся одной минутки.
--	---

Несмотря на то что *һандуғас* (соловей) и *былбыл* – названия одной и той же птицы, в песнях башкир они используются одинаково ровно. Образ соловья олицетворяет любимую девушку, а также выступает спутником одиноких, тоскующих людей.

Таким образом, символические образы в народной лирике имеют древние корни и возникли как отражение миропонимания человека, познания им окружающего мира и мира своих душевных переживаний. В народных лирических песнях символы постепенно оформились как поэтические средства песенной лирики, способствующие яркой образной выразительности, тонкому лиризму и эмоциональной глубине изображения.

Примечания

- ¹ См.: Костомаров, Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843.
- ² Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2007. С. 174.
- ³ См.: Акимова, Т. М. О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966. 172 с.; Колпакова, Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. 282 с.; Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора. М., 1989. 208 с.
- ⁴ См.: Бердников, В. М. Поэтика марийских народных песен / В. М. Бердников, Е. А. Тудоровская. Йошкар-Ола, 1945.
- ⁵ См.: Бикмөхәмәт, Р. Поэзиябезнең сулмас чәчәкләре. Казан, 1960; Магдеев, М. С. Поэтика татарских народных песен // Опыт системного изучения народных произведений. Казань, 1982 (на тат. яз.); Миннулин, К. М. Поэзия и песенное творчество. Казань, 1998; Надиров, И. Н. Традиционные образы татарской народной лирики // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань, 1977; Замалиева, Л. Ф. Генетическая и типологическая общность в тематике и образной системе татарских, башкирских, чувашских народных песен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 24 с.
- ⁶ См.: Сироткин, М. Я. Чувашский фольклор. Чебоксары, 1965; Сидорова, Е. С. Возникновение и развитие жанра частушек в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984.
- ⁷ См.: Галин, С. А. Башкорт халкының йыр поэзияһы. Өфө, 1979; Галин, С. А. Тарих һәм халык поэзияһы. Өфө, 1996; Сулейманов, Р. С. Жемчужины народного творчества Урала. Уфа, 1995; Галина, Г. С. Башкирские байты и мунажаты. Тематика, поэтика, мелодика. Уфа, 2006.
- ⁸ Хайбуллаев, С. М. Поэтика аварской народной лирики. Махачкала, 1967. С. 35.
- ⁹ Акимова, Т. М. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁰ Примеры взяты из научного свода: Башкирское народное творчество. Песня / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. А. Галин; отв. ред. К. А. Ахмедьянов. Уфа, 1974. 386 с. (на башк. яз).
- ¹¹ Галин, С. А. Народной мудрости источник. Уфа, 2007. С. 182.
- ¹² Яцковская, С. Н. Народные песни монголов. М., 1988. С. 70.
- ¹³ См.: Колпакова, Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 195.
- ¹⁴ Гафиуллина, К. Н. Национально-мифологические основы поэтики татарской народной песни : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. С. 16.
- ¹⁵ См.: Колпакова, Н. П. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁶ Записано в 2010 г. от Хунафиной Гафифы Халиулловны (1926 г. р.), жительницы деревни Байгускарово Хайбуллинского района Республики Башкортостан.
- ¹⁷ Никитина, С. Е. Тезаурусное описание языка народной поэзии: общий подход и структура словаря // Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 67.
- ¹⁸ См.: Ключева, Т. В. О символической роли названий растений в русских и немецких народных песнях. М., 2004. С. 4.
- ¹⁹ См.: Миннулин, К. М. Общая символика в песенной поэзии народов Поволжья и Приуралья // Типология татарского фольклора. Казань, 1999. С. 42.
- ²⁰ Записано в 2012 году от Илимбетовой Завхиямал Маннафовны (1932 г.р.), жительницы дер. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.
- ²¹ Миннулин, К. М. Указ. соч. С. 44.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО МАТЕРИАЛА

Рассматривается вопрос о выборе лингвокультурного содержания, необходимого для межкультурного общения. Такой материал необходимо подвергать тщательному отбору, анализу и лексикографированию. Для правильного выбора достаточного, полезного, адекватного содержания целесообразно применить определенные подходы и методы, соблюдение которых позволит более точно обозначить тот лингвокультурный материал, усвоение которого будет способствовать увеличению знаний.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, лингвокультурное содержание, лингвокультурная компетенция, методы и подходы в лингвокультурологии.*

При рассмотрении проблемы отношения языка и культуры, их взаимодействия и взаимовлияния необходимо уделить внимание выбору методов и подходов к изучению этих семиотических систем для того, чтобы глубже изучить поставленный вопрос и достичь положительных результатов. В связи с этим нам кажется логичным сначала затронуть аспект взаимоотношения языка и мышления носителя языка. Речь идет о гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, согласно которой люди различных культур думают по-разному и язык обуславливает способ мышления носителя языка. Причина того, как и что человек говорит, как и что он мыслит, заключается в сущности самого языка. Полагается, что раз люди говорят на разных языках, значит, они воспринимают и оценивают одни и те же факты и события по-разному, так как язык сформировал структуру их мышления иначе. По-другому шел путь развития их сознания, образа мыслей, мироощущения и мировоззрения. Отношение к данной теории двоякое. С одной стороны, не принимая на все сто процентов данную гипотезу, как и некоторые исследователи (Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, Р. М. Фрумкина и др.), мы считаем, что все-таки язык является отражением действительности, а источником понятий являются предметы и явления, а не наоборот, язык не является той силой, которая создает мир. С другой стороны, нельзя совсем отрицать те положения, которые обоснованы в данной гипотезе: действительность такова, насколько она отражена в языке и передана языком. И человек осознает реальность в зависимости от того, как это язык описывает, объясняет, подсказывает. Многие сторонники и ее последователи (Л. Вайсгербер, Дж. Кэррол, Д. Олфорд, Д. Хаймс и др.) допол-

няли и разрабатывали данную теорию, но идея оставалась прежней: язык определяет мышление носителя языка.

По нашему мнению, в условиях отсутствия четких и проверенных результатов, эта гипотеза останется гипотезой, пока истина не будет доказана многочисленными примерами и исследованиями и, возможно, будет обосновываться в численном (процентном) отношении: насколько язык обуславливает способ мышления, а насколько он является отражением реальности. Мы исходим из того, что язык является отражением реальности, в нем отражаются все характерные черты общества, он является своеобразной «губкой» всего происходящего, «впитывающей» многочисленную информацию: события, факты, явления отражаются в языке. Поэтому для успешной и адекватной коммуникации с представителями той или иной общности необходимо «впитывать» в себя этот материал: овладевать семантикой отдельных слов, словосочетаний, фразеологизмов, прецедентных текстов, уяснять особенности их употребления, приобретать и интерпретировать фоновые знания.

А. А. Залевская полагает, что исследования в области лексической семантики отображают глобальный поворот к индивиду как носителю языка и культуры, а потому заставляют выйти за рамки «чистой» лингвистики и философии языка в более широкий круг наук о человеке. Семантику, считает исследователь, невозможно оторвать от культуры, привычек, социальных обычаев, от всего, что составляет общекультурную сферу нашего общества¹.

Мы рассматриваем вопрос о необходимости овладения лингвокультурным материалом для межкультурного общения. А для овладения определенным содержанием, его усвоения,

материал нужно сначала отобрать, проанализировать и лексикографировать. Для того чтобы правильно отобрать достаточное, полезное, адекватное содержание, логично применить определенные методы. Ведь методы – это «точные и простые правила, соблюдение которых способствует увеличению знаний»².

Мы полагаем, что важными для нашего исследования являются следующие методы.

1. Описательный метод

В данном случае главенствующей методикой является «методика наблюдения с интуитивным выделением языковых единиц и сведением последних в совокупности»³. Результаты, полученные этим методом, могут показаться ненаучными, так как он основан прежде всего на интуиции и субъективном подходе, но зато он позволяет выявить многочисленные свойства и взаимосвязи языковых единиц, что делает этот метод актуальным, а результаты можно подтверждать дополнительными методами.

Возьмем наиболее яркий пример внесения в обязательный узус языковой единицы *баня*, которая является единицей непереносного усвоения. Одним из способов описания значений является использование примеров типичного употребления данной языковой единицы: *Баня – особо устроенное помещение, где моются и парятся*⁴. Но для многих носителей современного русского языка *баня* еще означает место отдыха с друзьями, коллегами, место, где могут решаться важные дела, где человек может отдохнуть «и душой и телом».

Фразеологизм *задать баню* означает «отчитывать», «отругать».

Многочисленные анекдоты про баню:

Пошли Петька с Василь Ивановичем в баню. Начали раздеваться, тут Петька и говорит:

– Василь Иванович, ты даже грязней, чем я.

Чапаев отвечает:

– Ну так, я же тебя старше.

Овладение данной языковой единицей и демонстрация разнообразных примеров ее употребления являются чаще всего доказательством того, что говорящий компетентен, он осознает ее значение, может использовать в адекватной ситуации.

2. Таксономический метод

Основой этого метода являются структурные методики вычленения лингвистических единиц и обобщения их в классы, классифицирование (установление иерархических отношений), моделирование и др.⁵.

Данный метод актуален в нашем исследовании, так как позволяет опираться на вычленение лингвокультурных единиц, их изучение, распределение, определение в какую-либо группу или тему, то есть систематизированную категорию (например, отнесение к фразеологизмам, прецедентным текстам или, если необходимо, группирование их по темам: *Искусство, Мировая история, Наука о Земле* и т. п.).

3. Метод компонентного анализа

Компонентный анализ лексических значений – это последовательность процедур, которая, будучи примененной к словам языка, ставит в соответствие каждому слову определенным образом организованный набор семантических компонентов⁶. При использовании данного метода дается четкое исчерпывающее толкование языковой единицы, выделяются наиважнейшие и самые употребительные значения, единицы смысла. Одним из приоритетных для нашего исследования подходов выделения нужных компонентов значения является метод словарных дефиниций, так как именно в словарных дефинициях заключены те признаки, из которых строится значение слова, то есть уже «выполнена большая часть работы по разложению содержания на компоненты»⁷. То есть уже в наличии есть готовая информация о компонентном составе слова, откуда можно выбрать «ключевое» значение и эксплицировать смысловое содержание слова.

4. Квантитативный метод

Системность языка, обобщенный характер его компонентов и структуры позволили использовать этот метод применительно к выбору языкового материала путем измерения частотности тех или иных лингвокультурных единиц в речи носителей языка. Квантитативный метод мы можем применять потому, что для коммуникации, в том числе и межкультурной, характерна относительная стабильность частот некоторых элементов, что подсказывает наличие иногда видимой, а иногда и скрытой упорядоченности в системе языка. Эта упорядоченность проявляется в частотности различных явлений. Имеется в виду «число их проявлений в наблюдаемом отрезке действительности. Этим отрезком может быть любая совокупность считаемых единиц и любая среда, в которой появляются или находятся факты, поддающиеся счету»⁸. При использовании данного метода необходимо следовать определенному принципу: обращать внимание

на семантическую специфику обозначенных предметов, явлений, степень интенсивности их признаков, ведь связь между количественным и качественным данными – один из приоритетных законов диалектики. Однако мы не считаем этот метод приоритетным, так языковая единица может быть не частотна, но она определенно является непременной составляющей лингвокультурной картины мира той или иной общности. Например, языковые единицы *Глинка М. И., И дым отечества нам сладок и приятен, Русские люди (назв.), Рюриковичи* не являются частотными, но необходимы для понимания мировоззрения русской общности.

5. Метод дефиниционного анализа

Сущность данного анализа заключается в лексикографической информации о значении исследуемой языковой единицы. Анализ дефиниций современных словарей позволяет вычленив в семантическом содержании языковых единиц отражение лингвокультурного аспекта, так как «...словарная статья в сжатом, концентрированном виде представляет результаты освоения носителями того или иного этноса объективного и субъективного мира»⁹.

Кроме того, целесообразно рассмотреть подходы, определяющие вектор направления исследования лингвокультурного материала и позволяющие выявить возможности для правильного понимания оснований выбора тех или иных базовых лингвокультурных единиц и признания их «нужности» или «ненужности»:

1) *аксиологический подход* предусматривает необходимость приобщения человека к теоретическим и практическим знаниям о языковых и культурных ценностях, понимания их предназначения для постижения жизненного смысла, использования их в коммуникативной и некоммуникативной деятельности. Это подход, учитывающий «совершенные образования, являющиеся особенно значимыми как для общества, так и для отдельного человека и выражающиеся в различных проявлениях деятельности людей»¹⁰;

2) *коммуникативно-деятельностный подход* рассматривается как интегрирующий принцип, ориентирующий на выбор таких лингвокультурных средств, которые способствуют адекватному и органичному взаимодействию с разными носителями языка и культуры в процессе их деятельности;

3) *культурологический подход* предполагает подбор таких знаний, которые способствуют пониманию и усвоению родной, мировой, ино-

язычной культур и обеспечивают возможности формирования навыков адекватного и эффективного межкультурного общения. Такой подход подразумевает приоритет культурных особенностей и ориентацию на ту систему культурных ценностей, на основе которых строится общество;

4) *лингвострановедческий подход*, заключающийся в том, что необходимо семантизировать ключевое лексическое значение и одновременно разъяснить лексический фон, то есть «указать «взвешенное» знание, относящееся к слову и в случае необходимости активизировать национально-культурные ассоциации»¹¹.

Вместе с тем, необходимо учитывать следующие аспекты выбора тех или иных единиц:

– *информативность*. Данный критерий обуславливает обеспечение необходимой информацией в синхронном отрезке времени. Каждая языковая единица несет определенное содержание и потенциально обладает некоторым количеством информации, которое является актуальным именно в данном отрезке времени и в определенном межкультурном взаимодействии;

– *функциональность*. Данный критерий основан на постулате «быть в действии, в работе», т. е. активно функционирует в социуме независимо от того, насколько часто он употребляется. Он необходим для адекватного понимания и выражения различных умозаключений;

– *достаточность (экономные и эффективные схемы поиска информации и ее интерпретации)*. «За достаточный уровень межкультурной компетенции обычно принимается совокупность языковой, коммуникативной и культурной компетенции, обеспечивающая возможность адекватного общения в конкретной социальной или этнической группе»¹². Необходимо выделить те языковые единицы, которые являются ключевыми с точки зрения аккумуляции, сохранения и передачи информации, относящиеся к содержанию лингвокультурной картины мира и играющие ведущую роль в формировании мировоззрения носителя языка на базе ценностей и моделей поведения, которые «господствуют» в обществе;

– *актуализация*. Это реализация потенциальных свойств языковых единиц в речи, адаптация их к требованиям определенной ситуации; воспроизведение в речи языковых единиц в необходимом виде для их естественного функционирования; перевод единиц языка в единицы речи, включение языковых единиц в контекст;

– *национально-культурная специфика*. Не у всех языковых единиц специфика семантики слов и выражений обусловлена отражением в ней культуры народа. Такие единицы, несомненно, представляют существенный пласт словарного состава. Однако не это является наиважнейшим критерием отбора слов, словосочетаний, фразеологических единиц, прецедентных текстов при оценке овладения лингвокультурной компетенцией. Они могут просто отражать не явления культуры, которые являются особенными, индивидуальными для каждой нации, а общие для многих, универсальные предметы и явления материальной и духовной культуры;

– *прагматичность*. Языковые единицы понимаются и воспринимаются не только в своем основном значении, но и влияют на собеседника своей коннотацией, оценочной функцией, благодаря чему воспринимающий информацию подвергается и эмоциональному воздействию при восприятии и оценке того или иного факта действительности;

– *реалистичность*. Данный критерий выбран нами исходя из того, что языковые единицы должны соответствовать действительности, активно использоваться в определенный период времени, быть обращенными к реалиям действительности, иметь косвенное или опосредованное отношение к происходящему;

– *стержневое значение с элементарным смыслом*. Соотнесённость языковой единицы с соответствующими предметами или явлениями, отражающими объективную реальность должна быть основной, актуальной для современности и не перегруженной сложным объяснением смысла;

– *лингвокультурная значимость*. И. А. Стернин пишет, что о «лингвокультурной значимости семантики слова можно говорить, если то или иное значение отражает безэквивалентное национальное явление или имеет культурно обусловленные семы, т. е. семы, отражающие культурные особенности народа, а также лексема «участвует» в формировании национальной паремиологии»¹³.

Е. А. Маклакова рассматривает лингвокультурную значимость языковой единицы или лексической группировки как наличие у нее национально-культурной специфики, т. е. эксплицитно объясняемого культурными причинами национального своеобразия¹⁴.

Мы же подразумеваем под этим критерием важность единиц языка для языковой культу-

ры общества и отдельного человека, отмечаем роль языковых единиц в формировании мировоззрения носителей языка с позиции отражения в нем духовно-нравственных, этнических, гендерных, социальных, исторических, экономических, политических, научных и т. п. особенностей. Поэтому под *лингвокультурной значимостью* мы понимаем важность соединения человека с окружающим миром через сложную и многообразную знаковую систему, с помощью которой происходит накопление, поддержание и организация опыта, адаптация и социализация человека в обществе. Это не только безэквивалентная или отражающая национально-культурные особенности общества лексика, а лингвокультурный материал, имеющий первостепенное значение для носителя языка и для изучающего язык. Он нужен для того, чтобы быть понятым, чтобы осуществить межкультурное взаимодействие и достичь необходимых результатов.

Учитывая каждый из перечисленных аспектов, можно говорить о необходимости определения места в лингвокультурной картине мира, которое занимает та или иная языковая единица. При выполнении исследования, посвященного активизации процесса межкультурного взаимодействия, во главу угла должны быть поставлены адекватные методы и подходы выбора и анализа лингвокультурного материала.

Примечания

¹ См.: Залевская, А. А. Актуальные проблемы лексической семантики // Теоретические проблемы языкознания : сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филол. ф-та Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2004. С. 388–389.

² Декарт, Р. Избранные произведения / пер. с фр. и лат.; ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М., 1950. С. 89.

³ Хроленко, А. Т. Теория языка : учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. М., 2006. С. 432–433.

⁴ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

⁵ См.: Хроленко, А. Т. Указ. соч. С. 443.

⁶ См.: Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник. Изд. 2-е. М., 2004. С. 111.

⁷ Ахманова, О. С. Основы компонентного анализа / О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, М. М. Глушко и др.; под ред. Э. М. Медниковой. М., 1969. С. 34.

- ⁸ Головин, Б. Н. Язык и статистика. М., 1971. С. 21.
- ⁹ Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. С. 170.
- ¹⁰ Виноградов, С. Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры : материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород, 2007. С. 94.
- ¹¹ Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 2012. С. 165.
- ¹² Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 252.
- ¹³ Стернин, И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 15–16.
- ¹⁴ См.: Маклакова, Е. А. О понятии лингвокультурологической специфики значения слова // Текст. Дискурс. Картина мира. Вып. 7. Воронеж, 2011. С. 6.

К ПРИМЕНЕНИЮ ТЕОРИИ П. Г. БОГАТЫРЕВА О ТРАДИЦИИ И ИМПРОВИЗАЦИИ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

(на материале текста волшебной сказки в современной записи)

Статья подготовлена и публикуется при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту «Поэтика и стиль башкирских волшебных сказок» (№ 14-14-02006)

На конкретном тексте башкирской сказки в современной записи рассматриваются вопросы традиции и импровизации. С опорой на теорию П. Г. Богатырева выявляются и анализируются примеры подготовленной и неподготовленной, принудительной и преднамеренной импровизаций. Обосновывается универсальность методики П. Г. Богатырева и возможность ее применения при изучении фольклора, в частности сказок, любого народа.

Ключевые слова: фольклористика, П. Г. Богатырев, теория, традиция, импровизация, башкирские сказки.

Применение теорий и конкретных методик классиков российской гуманитарной науки осуществляется нами не впервые. В свое время при изучении стиля и сюжетосложения башкирской волшебной сказки мы опирались на методику известного исследователя начала XX в. Р. Г. Волкова [3], а при исследовании сохранности сказки во времени опирались на методику синоптического сопоставления текстов, разработанную В. М. Гацаком для эпоса [2. С. 37]. В этот раз для рассмотрения проблем традиции и импровизации в башкирской сказке мы обращаемся к теории известного ученого П. Г. Богатырева.

Экспедиционный опыт показывает, что в отличие от других традиционных жанров башкирского фольклора сказки у информантов в письменной форме не встречаются. Если знает, информант только по памяти воспроизводит услышанную в детстве сказку (очень редко информант признается, что рассказывал сказку внукам). И, как верно отмечает П. Г. Богатырев, «подобное исполнение по памяти влечет бессознательное или сознательное изменение», и, хотя исполнитель «придерживается рамок традиции» [1. С. 395], «обязательно наличествует импровизация» [1. С. 396].

Рассмотрим это на конкретном примере записи сказки, осуществленной в наши дни. Так, в 2010 г. в Курганской области 78-летний информант на мой вопрос «Знаете ли сказки?» ответила: «В детстве девочки вместе собирались и рассказывали друг другу сказки. Вот по телевизору показывают же сказку «Морозко». По-нашему не так. У них совсем по-другому».

Рассказала она очень распространенную в народе сказку «Клубок» на сюжет о мачехе и

падчерице и схематично передала ее содержание: были старик и старуха. Старуха отправила дочь старика за клубочком. Девушка по дороге встретила двух пастухов. Второй пастух посоветовал пойти в дом одинокой старухи. Девушка пришла, старуха поставила условие, мол, искупаешь меня в бане, получишь свой клубок. Информант подробно рассказывала, как девушка раздевала, купала, одевала старуху. Сама спрашивала, как это делать, но делала не так, как велела старуха, а по-своему, т. е. хорошо. Это понравилось старухе, и она отблагодарила девушку, подарив сундук золота и серебра. Когда девушка возвращается, мачеха отправляет за клубком свою дочь. Та все делает так, как велит старуха, и привозит шкатулку с черными воронами.

Отметим также еще один момент: исполнитель не забыла и две стихотворные вставки, характерные для этой сказки, произносимые: первая – в диалоге с пастухами, вторая – собачкой после возвращения девочек домой. Интересно, что информанты иногда не помнят содержания сказки, а стихотворные вставки из сказок передают в точности. Больше всего это характерно для сказок о мачехе и падчерице.

В данной сказке информант привела свой вариант вставок. В опубликованных текстах первая вставка звучит так:

Йоморо-йоморо йомғағым
Тәгәрәп китте. Күрмәнәңме, ағасай?
Круглый-круглый мой клубок
Покатился. Не видел ты его, дядя?

В нашем варианте она звучит по-другому:

Йомдор-йомдор йомғағым
Тәгәрәне юл белән.

Круглый-круглый мой клубочек
Покатился по дороге.

Содержание по сути одинаковое, но словесное звучание немного отличается. В нашем варианте стихотворная вставка кажется ритмичнее. Что касается второй вставки, то это действительно находка, потому что в опубликованных текстах данной сказки она состоит из двух строк и звучит следующим образом:

1) Үлергэ киткэн апайым
Байып кайтып килэ-лэү.
Сестричка, отправленная умереть,
С богатством возвращается.
2) Байырға киткэн апайым
Үлеп кайтып килэ-лэү.
Сестричка, поехавшая за богатством,
Смерть с собой везет.

А в нашем варианте вставки состоят из трех и четырех строк. И, на наш взгляд, эти две строки на своем месте. Видимо, так и должно было быть, но они были забыты, и вот именно сейчас этот исполнитель их выдал.

Встречая дочь старика, собака лает:
Ак капканы асығыз,
Ак кейеззе йәйегез.
Апайым килэ һунарзан.
Белые ворота открывайте,
Белый войлок постелите.
Сестра моя с охоты возвращается.

Аналогично, встречая родную дочь старухи, собака лает:

Кара капканы асығыз,
Кара кейез йәйегез.
Байығырға киткэн апайым
Байығып килэ-лэү.
Черные ворота открывайте,
Черный войлок постелите.
Сестра, поехавшая за богатством,
«Богатая» возвращается.

Здесь, во-первых, налицо национальная специфика. Так поступали в особых случаях: во время больших праздников, свадьбы в жилище стелили белый войлок, а в будние дни – черный, практично было. Возвращение дочери старика с богатством – особый торжественный случай, а возвращение дочери старухи не стало радостным событием.

Во-вторых, имеет место и цветовая символика. Белый войлок – для положительного персонажа, падчерицы, а черный войлок – для отрицательного, дочери старухи.

Остановимся на других импровизационных моментах сказки. Как верно утверждает

П. Г. Богатырев, «при исполнении фольклорных словесных произведений, подчиненных строгим нормам традиции, обязательно наличествует импровизация» [1. С. 396].

Исследователь различает два вида импровизации: подготовленную и неподготовленную [1. С. 399]. При этом примером подготовленной импровизации он считает такую, когда «сказочник может вставить в традиционную сказку свое пояснение, а также придуманный им или заимствованный из другой сказки мотив; он же может создать контаминацию из двух или нескольких сказок. В дальнейшем, каждый раз при передаче этой сказки сказочник повторяет ее со своими импровизированными изменениями и дополнениями» [1. С. 399].

Мы имеем только одну запись сказки. Знаем, что информант слышала и исполняла ее в детстве. Значит, импровизированные места данной сказки не могут быть подготовленными. По Богатыреву, в нашей сказке имеют место примеры подготовленной импровизации. Информант вставила свои пояснения: 1) «Бер карттың үзенең кызы булған, эйәрсән баяғы карсығына, э карсығы менән икәүһенең кызы булған, тағы ла, ике кызы булған» (дочь старухи – родная сестра падчерицы по отцу), тогда как в традиционной сказке, вернее в известных опубликованных вариантах, у старика была дочь, и он женился на старухе с дочерью, т. е. девочки не родные; 2) «Үсегеп бырғай үгәй инәй, яратмай» (мачеха кидает клубок с ненавистью, потому что не любит падчерицу); 3) «...кыз ат белән килеп туктай. Кыңғыраулы аттар, кошовка белән килеп туктай. Кыңғыраузың тауыштарына был карсыктар йүгереп килеп сығалар» (падчерица возвращается на кошовке (карете) со звоном колокольчиков), «...был (әбейзең үз кызы) килеп етә суска егеп. Былар шалтыр-шолтор килгәнгә йүгереп сыкһа, карт менән карсык» (а родная дочь мачехи подбегает с грохотом на запряженной свинье); 4) по традиции в текстах сказок на данный сюжет о мачехе и падчерице мачеха обижает не только падчерицу, но и ее отца. В нашем варианте об этом прямо не говорится, но и слушатель этого ожидает, и исполнитель подразумевает, поэтому он вводит в текст следующий импровизированный эпизод: «Анау карсык әйтә: “Больше не буду обижать тебя! Больше не буду обижать”, - ти» (Старуха говорит ему: «Больше не буду обижать тебя»). Это происходит после позорного возвращения домой родной дочери мачехи; 5) есть еще один, последний, импро-

визированный эпизод, добавленный в текст информантом: «Анау кызыккайға, үзенен кызына (бабайзың), жених та табылды, туй за эштәп ебәрзеләр. Ә мынауға жених та юк, туй за юк, нәмә лә юк. Ауызына селәй тутырып шунда утырып калды» (Нашелся жених для дочери старика, свадьбу справили. А для дочери старухи ни жениха нет, ни свадьбы не было, ничего нет. Так и осталась ни с чем).

Можно допустить, что наш информант раньше слышала сказку и воспроизвела ее так, как запомнила. Тогда это действительно пример подготовленной импровизации. Чтобы убедиться в этом, необходимо сделать повторную запись. К сожалению, мы такой возможности не имеем. С другой стороны, П. Г. Богатырев пишет: «При каждом исполнении традиционной, известной слушателям сказки ... исполнителю необходимо вносить импровизацию» [1. С. 400]. Если при каждом исполнении вносится импровизация, то, на наш взгляд, она не может быть подготовленной.

По П. Г. Богатыреву, импровизация также может быть принудительной и преднамеренной. Принудительная импровизация, по его мнению, возникает при следующих обстоятельствах: «... когда певец вынужден вводить в песню новые слова, фразы или даже создавать новые тексты» [1. С. 398].

В анализируемой сказке пример принудительной импровизации, на наш взгляд, имеет место в завершении сказки. Традиционно сказка заканчивается возвращением родной дочери мачехи домой. В нашем случае кажется, что исполнитель забыла, как заканчивается сказка, и вынуждена была придумать конец сказки сама, т. е. сымпровизировать следующие моменты: 1) «...когда старик увидел, что из шкатулки вылетели вороны, лицо его посветлело»; 2) «Старуха говорит ему: “Больше не буду обижать тебя”»; 3) «Нашелся жених для дочери старика, свадьбу справили. А дочери старухи ни жениха нет, ни свадьбы не было, ничего нет. Так и осталась ни с чем». Принудительной импровизацией кажется и то, что

старуха подарила шкатулку. Информант запуталась и вместо слова «сундук» использовала слово «шкатулка». На наш взгляд, это и есть примеры принудительной импровизации (в данном случае неподготовленная импровизация совпала с принудительной), тогда как остальные моменты (девочки – родные сестры; приезд кошовки под звон колокольчиков или приезд на запряженной свинье под грохот) – преднамеренная импровизация, т. к., по Богатыреву, «преднамеренная импровизация всецело или главным образом зависит от намерения исполнителя» [1. С. 398], что и произошло в нашей сказке. Захотела информант придать торжественность возвращению падчерицы и придумала «на кошовке под звон колокольчиков»; захотела показать позорное возвращение дочери мачехи, нашла выход: «с грохотом на свинье, с черными воронами в шкатулке». Значит, прав П. Г. Богатырев: «Иногда исполнители осознают необходимость, обязательность импровизации» [1. С. 398] и используют ее в своем тексте.

Что касается высказывания ученого, что «трудно найти резкую границу между принудительной и преднамеренной импровизацией» [1. С. 398] (он имеет в виду творчество певца и музыканта), на наш взгляд, в сказках их можно отличить, как мы это сделали на нашем примере.

Список литературы

1. Богатырев, П. Г. Традиция и импровизация в народном искусстве // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 393–401.
2. Хусаинова, Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М., 2000. 247 с.
3. Хусаинова, Г. Р. Применение сравнительной методики Р. М. Волкова к изучению стиля и сюжетосложения башкирских сказок о мачехе и падчерице // Питання літературознавства : науковий збірник. Вып. 1. Львів, 1993. С. 168–175.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНОЙ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Анализируется придаточная изъяснительная часть сложноподчиненного предложения осетинского языка с точки зрения структурно-семантического подхода. Рассматриваются значения не только союзов, союзных и соотносительных слов, являющихся грамматическим средством связи придаточной и главной частей предложения и придающих различные смысловые оттенки предложению в целом, но и опорных слов, обозначающих восприятие, сообщение с эмоциональным оттенком, волевое или эмоциональное состояние, мыслительную деятельность и т. д. Анализируется позиционное расположение придаточной части по отношению к главной.

Ключевые слова: осетинский язык, синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточная изъяснительная часть, союз, союзное слово, соотносительное слово, опорное слово, позиция придаточной части.

Сложноподчиненные предложения с придаточной изъяснительной частью в осетинском языке представляют собой структуры с присловной зависимостью, отличительным признаком которых является структурная и смысловая недостаточность главной части, требующей восполнения своего содержания. Это проявляется в использовании в нем слова, предопределяющего наличие объектного распространителя (чаще со значением речи, мысли, состояния, чувства, восприятия, внутренне-го побуждения).

Придаточные изъяснительные осетинского языка присоединяются к главной части при помощи союзов *æмæ* «что», «чтобы», *цæмæй* «чтобы», *цыма* «словно», «будто», «будто бы», «как будто», *куы* «чтобы», *куыд* «чтобы», «как», *кæй* «что», а также союзных слов *чи* «кто», *цы* «что» (во всех падежных формах), *кæм* «где», *кæдæм*, *кæцырдаæм* «куда», *кæцæй*, *кæцырдыгæй* «откуда», *кæдмæ* «до каких пор», *кæдæй* «с каких пор», *кæд* «когда», *куыд* «как», *цас* «сколько», «насколько», *цал* «сколько», «насколько», *цæйбæрц* «сколько», «насколько», *цæмæн* «отчего», «зачем», «почему», *цæуылнаæ* «почему не», *кæцы* «который», «какой», *цавар*, *цыхуызæн* «какой», «каков», *кæй* «чей».

В анализируемом языке в качестве опорных слов используются: а) глаголы, обозначающие восприятие (*банкъарын* – почувствовать, *ощутить*, *фехъусын* – услышать, *фенын* – увидеть и др.), мыслительную деятельность (*æмбарын* – понимать, *хъуыды кæнын*, *сагъæс кæнын* – думать, *æмбарын*, *æнкъарын* – со-

знавать, *бæлвырд базонын* – убеждаться и др.), сообщение с эмоциональным оттенком (*хъаст кæнын* – жаловаться, *сомы кæнын*, *ард хæрын* – клясться, *зæрдæйы æфтауын*, *уырнын кæнын* – внушать, *æртхъирæн кæнын*, *тæрсын кæнын* – грозить, угрожать, *фидар (æй) лæууын*, *хи дзырдыл лæууын* – настаивать), волевое или эмоциональное состояние (*алыг кæнын*, *аскъуыддзаг кæнын* – решить, *тæригъæд кæнын* – жалеть, *тæрсын* – бояться, *цин кæнын*, *райын* – радоваться и др.), сообщение (*дзурын* – рассказывать, говорить, *хъæр кæнын*, *цъæхахст кæнын* – кричать, *хъусын кæнын* – сообщать, *æмбарын кæнын* – объяснять и др.): *Æз æнкъæл ден, æмæ ды раст нæ бакодтай Аслæмбег* (Епхиты Т. *Æфсир нæрсы*). – Я думаю, что ты неправильно поступил, Асламбек; б) местоимение *уый* «то, тот, из-за того», которое часто может быть опущено: *Дзерассæ йе 'мбæлттимæ бадт се 'мдæрæны æмæ мæсты кодта, Агуындæ афтæ æрæгмæ кæй цыди, ууыл* (Дзаттиаты Т. *Царды фæндагыл*). – Дзерасса со своими подругами сидела в общежитии и злилась из-за того, что Агунды не было так долго.

В осетинском языке не встречаются сложноподчиненные предложения с изъяснительной частью, где опорные слова выражены краткими прилагательными. На русский язык такие слова переводятся либо при помощи полных прилагательных, либо при помощи глаголов, употребляющихся в значении кратких прилагательных и безлично-предикативных слов: *ныфсджын* – уверен, *разы у* – согласен, *раст у* – прав, *æхсызгон мын у* – рад, *æнæгуырысхо*

у, зоны – убежден; *тæригъæд* у – жаль, зын у – больно, зыны – видно, хъуысы – слышно, хъæуы – нужно, *æнæмæнз хъæуы* – необходимо и др.:

Ныфсджын дæн, зын уавæры мæ иунæгæй *кæй* нæ ныуаддзынæ. – **Я уверен, что** в трудную минуту (ты) не оставишь меня одного.

Æнæмæнз хъæуы, цæмæй дæ хæс абон бафидай. – **Необходимо, чтобы** (ты) свой долг заплатил сегодня.

В осетинском изъянительные придаточные могут относиться к устойчивым сочетаниям, по значению соответствующим глаголам: *дзырд раттын* – дать слово, *хъуыдыйы уæвын* – иметь в виду, *зæрдыл нæ лæууын* – упустить из виду, *хатдзæгмæ цæуын* – прийти к заключению (выводу) и к словам-предложениям: *бузныг* – спасибо, *табу Хуыцауæн*, *Хуыцауæй бузныг* – слава Богу:

Чермены зæрдыл нал æрлæууыд, *хистæртæм ма кæй* хъуыдис банхæлмæ кæсын. – Чермен упустил из виду, что нужно было еще подождать старших.

Хуыцауæй бузныг, нæ кæстæртæн сабыр æмæ рæсугъд цард *кæй* ис. – **Слава Богу, что** у наших детей спокойная и красивая жизнь.

Бузныг, зæронд лæджы *кæй* нæ рох кæнут. – **Спасибо, что** не забываете про старика.

По средству связи придаточной изъянительной части с главной в описываемом языке можно выделить две разновидности: а) СПП (сложноподчиненные предложения) с союзным подчинением с придаточными, передающими различные сообщения, косвенные побуждения, а также объект сообщения; б) СПП с относительным подчинением, придаточные которых передают не само сообщение, а лишь его тему.

1. В осетинском языке изъянительные придаточные с союзным подчинением присоединяются союзами *æмæ* «что», «чтобы», *кæй* «что», *цæмæй* «чтобы», *цыма* «словно», «будто», «будто бы», «как будто», *кæй* «что», *куы*, *куыд* «чтобы», *куыд* «как», *куы* «если бы».

Содержание придаточных с союзами *æмæ*, *кæй* «что» представляется как реальное:

Хæрз дзæгъæл кæй зайын, *уый* базыдтон... (*Хетæгкаты Къ. Чи дæ?*). – Я понял, **что** остаюсь совсем одиноким...

Союз *куыд* «как» используется после слов, имеющих значение восприятия или обозначающих мыслительную деятельность:

Лади бадтис суадоны былыл æмæ хъуыста, *адæм хъæдрæбынты мыды бындзытау*

куыд дыв-дыв кодтой, *уымæ* (*Мамсыраты Д. Мастисджытæ*). – Лади сидел на берегу речушки и слушал, **как** люди, подобно жужжащей пчел, гудят на опушке леса.

Мишаæ нæ хъуыды кодта, *уæрмы куыд* фестадис. – Миша не помнил, **как** он очутился в погребке (*Б. Н. Полевой*).

С помощью союза *цыма* «будто», «будто бы», «как будто», «словно», «как бы», а также вводного слова *зæгъгæ* («мол»), выступающего в нехарактерной роли подчинительного союза, придаточная часть приобретает оттенок неуверенности в сообщаемом факте, некой предположительности:

Мæ фыны фæдтон, *цыма* дæ моймæ лæвардтой (*Мамсыраты Д. Хъæбатыры кадæг*). – Мне приснилось, **будто** тебя выдавали замуж.

Адæммæ афтæ кæсы, *цыма* уæлæуыл *цыдæриддæр цæуы*, *уый цæуы мæрдты бæсты дæр*. – Людям кажется, **как будто** то, что происходит на земле, то происходит и в загробной жизни.

Иу радзырдта, *зæгъгæ*, дзы *Мырзæг*, *æртхъирæнтæгæнгæйæ*, *хаст уæрыкк байста* (*Коцойты А. Мырзæджы карьерæ*). – Один рассказал, **что** у него *Мырзаг*, угрожая, отобрал откормленного ягненка.

Значение ирреальности с оттенком желательности или нежелательности в придаточных изъянительных передается союзом *цæмæй* «чтобы» и союзами *куы*, *куыд*, *æмæ* в том же значении:

Мах тынг фæнды, *иунæгæй куы* нæ ацæуис, *уый* (*Цæгæраты М. Хурзæрин*). – Нам очень этого хочется, **чтобы** (ты) один не уходил.

Оттенок условия в осетинском языке содержат СПП с подчинительным союзом *куы* «если»:

Æвзæр нæ уыдаид, *раджы куы* 'рбацыдаид. – Не плохо было бы, **если бы** он вернулся рано.

2. Относительные местоимения *чи* «кто», *цы* «что», *кæцы* «который», «какой», *цæвæр*, *цыхуызæн* «какой», «каков», *кæй* «чей» и местоименные наречия *кæм* «где», *кæдæм*, *кæцырдæм* «куда», *кæцæй*, *кæцырдыгæй* «откуда», *кæд* «когда», *кæдмæ* «до каких пор», *кæдæй* «с каких пор», *куыд* «как», *цас*, *цал*, *уыйбæрц* «столько», «настолько», *цæмæн* «отчего», «зачем», «почему», *цæуылнæ* «почему не».

В осетинском языке придаточные изъянительные с союзными словами могут быть осложнены добавочными оттенками значений.

При сосредоточении внимания на субъекте или объекте действия используются союзные слова *чи* «кто», *цы* «что»:

Ацы фæдтам гæсгæ æнцон бамбарæн уыдис, æхсæвыгон нæм чи æрбабырста. – По этим следам легко можно было понять, **кто** напал на нас ночью.

В главной части СПП в основном используются соотносительные слова, в роли которых выступают указательные местоимения:

Джерихан та баззадис цунæгæй æмæ хъуыды кодта, дарддæр цы кæна, ууыл (Мамсыраты Д. Джерихан). – Джерихан опять остался один и думал **о том, что** ему дальше делать.

Æнусон кад æмæ намыс, сæрибары сæраппонд йæ цард чи радта, уыдонæн! (Санаты У. Партизантæ). – Вечная слава и почет **тем, кто** отдал свою жизнь за свободу!

Кроме того, относительные местоимения *чи*, *цы* «кто», «что» в осетинском языке имеют форму множественного числа (*читæ*, *цытæ* «кто», «что»):

Æмбырды читæ уыдис, уый нæ хъуыды кæнын (Мамсыраты Д. Уæззау операци). – **Кто** был на собрании, это (я) не помню.

Ды мæ цытæ агурис, уыдон ссарын дын мæ бон нæу (Гæдиаты Ц. Фыдæлтæ намыс). – **Что** ты от меня требуешь, все это (я) не могу тебе найти.

Союзные слова *кæцы* «который», «какой», *цавар*, *цыхуызæн* «какой», «каков» в осетинском языке содержат указание как на качество, разновидность предметов, так и на порядок их выбора:

Асæхы фæндыди зонин, цыхуызæн хъуамæ уа депутат, адæмы 'хсæн ын цы бынат хъуамæ уа (Гафез. Асæхы сагъæстæ). – Асаху хотелось узнать, **каким** должен быть депутат, **какое** место ему должно быть в народе.

Кæцы дзы дæ зæрдæмæ цæуы, уый æз кæцæй зонин! (Мамсыраты Д. Хъæбатыры кадæг). – **Какая** из них тебе нравится, это я откуда знаю!

Указание на принадлежность предмета в придаточных изъяснительных осуществляется при использовании относительного местоимения *кæй* – «чей»:

Зæронд лæг фыццаг дзæбæх нæ хатыдта, кæй номæй хъæр чындæуы, уый (Бесаты Т. Царын æй фæнды). – Старик вначале не понимал ясно **то, от чьего** имени кричат.

Оттенок пространственного значения в анализируемых придаточных вносится союзными

словами *кæм* «где», *кæдæм*, *кæцырдæм* «куда», *кæцæй*, *кæцырдыгæй* «откуда»:

Нæ бафарста Фари Ладийы, кæдæм цæуы, уымæй (Мамсыраты Д. Мастисджытæ). – Не спросила Фари у Лади о том, **куда** идет.

В анализируемом языке союзное слово *кæд* «когда» имеет дополнительный оттенок временного значения:

Халæттæ æрбадтысты æмæ æнхъæлмæ кæсынц, кæд сын фæуыдзæн фадат хæрынмæ бавналынмæ. – Вороны присели и стали ждать, **когда** у них появится возможность поест.

Союзные слова *куыд*, *куыдæй* «как» содержат указание на способ совершения действия, на его характер:

Мæй кæуылты атахти, Саламы фæллад уадзыны рæстæг куыд тагъд фæци, уый нæ бафиппайдтой нæдæр Салам, нæдæр Нинæ (Бекъойты Е. Чи фæрæдыд). – **Как** пролетел месяц, **как** быстро кончилось время отдыха Салама, этого не заметили ни Салам, ни Нина.

В осетинском языке местоимениями *цал*, *цас*, *цæйбæрц* «сколько», «насколько» подчеркивают меру или степень в придаточных изъяснительных:

Æмæ йæ æнцу дæхæдæг нæ зонис, цал хатты нæ фæсайдта, уый (Цæгæраты М. Хурзæрин). – А разве ты сам не знаешь, **сколько** раз он нас подводил.

Михал бамбæрста, йæ кусджытæ цæйбæрц мæсты сты, уый (Мамсыраты Д. Хъæбатыры кадæг). – Михал понял, **насколько** обозлены его рабочие.

Союзным словам *цæмæн*, совмещающим в себе (в зависимости от контекстуального окружения) значения «отчего», «почему» и *цæуылнæ* «почему не», вносится причинный оттенок в значение придаточной части:

Ныр та æххæстæй бамбæрста (Бадаг), цæмæн æм атигъ кодта йæхи Хъуыдинæ (Коцойты А. Рæдыд). – Теперь же определено понял (Бадаг), **почему** отвернулась от него Кудина.

Союзное слово *цæмæн* «зачем» содержит целевой оттенок значения:

Ацы хатт Верæ ферох кодта, цæмæн æрбацыди ардæм. – На этот раз Вера забыла, **зачем** (она) пришла сюда.

В придаточной изъяснительной части одно- временно может употребляться не одно, а несколько разных союзных слов:

Æз бафæлвæрдтон равзарын, чи, куыд æмæ цæуыл бады. – Я попытался разглядеть, **кто, как** и на **чем** сидит.

В осетинском языке придаточные изъяснительные чаще всего находятся в препозиционном положении либо в середине главного предложения, причем часто поясняемое соотносительное слово главной части выносится к концу предложения. Придаточное предложение оказывается в интерпозиции:

Мысост радзырдта, колхоз ацы аз йæ заххытæй кæм цы бакæнынмæ хъавыд, уый тыххæй (Богазты У. Уалдæджы улафт). – *Мысост рассказал о том, где что намеревается посеять колхоз в этом году на своих землях.*

Придаточное изъяснительное может быть и в постпозиции в том случае, если поясняемое им соотносительное слово является носителем логического ударения:

Гаппо æмæ Сослан та тындæр ууыл цин кодтой, хъазæг æмбал сын кæй фæци (Коцойты А. Хъусой). – *А Гаппо и Сослан больше радовались тому, что появился дружок, с кем они будут забавляться.*

Изъяснительная придаточная часть ставится после главной части и в том случае, когда выносимое в конец поясняемое соотносительное слово опускается:

Ды нæ хъусыс, уад куйд ниуы тард мæллæг зæронд куйдзау (Нигер. Дау цы домь). – *Ты не слышишь, как воет ветер, подобно выгнанному тощему старому псу.*

Постпозитивное положение занимает всегда придаточное изъяснительное предложение, присоединяемое к главной части при помощи союза *æмæ* «что»:

Иннаетæ та ууыл ныллæууыдысты, æмæ коммунаемæ бацæуынæн нырма раджы у нæ хъæуæн (Гæдиаты Ц. Фыдæлты намыс). – *Другие же стояли на том, что пока еще рано для нашего села вступить в коммуны.*

Список литературы

1. Абаев, В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
2. Багаев, Н. К. Современный осетинский язык : в 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. Орджоникидзе, 1982.
3. Гагкаев, К. Е. Осетинско-русские грамматические параллели. Лексика, фонетика и морфология. Дзауджикау, 1953.
4. Гагкаев, К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952.
5. Гагкаев, К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе, 1956.
6. Грамматика осетинского языка : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1969.
7. Джусойты, К. Г. Нырыккон ирон æвзаг: Ахуыргæнæн чиныг уæлдæр скъолаты студенттæн / К. Г. Джусойты, З. Б. Дзодзыккаты, Р. Г. Цопанты. Дзæуджыхъæу, 2005.
8. Каражаев, Ю. Д. Заметки по осетинской филологии // Проблемы осетинского языкознания. Вып. 1. Орджоникидзе, 1984. С. 85–106.
9. Кулаев, Н. Х. Союзы в современном осетинском языке. Орджоникидзе, 1959.

САМОПОРТРЕТ СТУДЕНТА В ИНТЕРНЕТЕ (на примере мема «Веселый студент»)

Анализируется мем «Веселый студент» в аспекте коммуникативных интенций пользователей социальных сетей. Рассматривается сущность мема как социолингвистического явления, выявляются его значимые признаки.

Ключевые слова: социальные сети, мем, интернет-коммуникация, автопрезентация.

В настоящее время в среде пользователей Интернета активно обсуждается вопрос о первичной функции мировой паутины [4]: что важнее: быстрая передача данных или коммуникативная функция виртуального взаимодействия индивидов? Ответ на этот вопрос мы можем получить, анализируя разнообразные материалы социальных сетей, интенсивно развивающихся в последние годы.

Социальная сеть представляет собой интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Сайт выполняет роль автоматизированной социальной среды, позволяющей взаимодействовать группам пользователей, объединенных общим интересом [1].

В последние годы все большее количество людей стремится выразить свою социальную позицию при помощи Интернета: одни заводят блоги или активно участвуют в дискуссиях на форумах, другие снимают видеоролики и выкладывают их на всеобщее обозрение, кто-то разными способами привлекает на свой сайт, страничку или интернет-ресурс новых пользователей, рассчитывая получить прибыль от рекламных баннеров и т. д. При всем многообразии способов самопрезентации, пользователи не стремятся раскрывать свое инкогнито, оставаясь анонимами. В этих условиях все большую популярность получает такой социолингвистический феномен, как мем [3]. Мем выступает единицей культурной информации, распространяемой от одного человека к другому в пространстве интернет-коммуникации.

Как способ передачи информации мем интересен тем, что авторы с его помощью выражают свою точку зрения на ту или иную проблему, касающуюся определенной сферы жизни (политика, экономика, образование, медицина и др.), и при этом стремятся облечь информацию в краткую юмористическую форму.

В зависимости от того, какой информационный код (собственно вербальный, вербальный

в сочетании с визуальным и проч.) используется в меме и каков основной характер подачи информации (статический или динамический), возможно разграничить несколько видов мемов:

- текстовые мемы;
- мемы-картинки;
- видеомемы;
- составные мемы.

Рассмотрим каждый из названных видов более подробно.

1. Текстовые мемы. Данный тип, как показал проведенный нами анализ, является доминирующим в интернет-коммуникации. Обычно первая публикация мема происходит на каком-либо форуме. Фраза «Йа креведко» появилась и прочно вошла в обиход именно таким способом: опубликованный на одном из сайтов, этот мем быстро завоевал популярность в Интернете и породил множество производных.

2. Мемы-картинки. Базовую информацию в этом случае передает изображение, но присутствует и вербальный компонент. Один из самых популярных мемов – Медвед, громогласно кричащий «Превед» на лесной полянке. Картинка впервые появилась в США, откуда проникла в Рунет. Став одним из самых популярных мемов, Медвед вышел далеко за рамки сети: сегодня он известен людям, не причисляющим себя к активным пользователям Интернета.

3. Видеомемы. Как правило, это короткие ролики, которые выкладывают либо сами авторы, либо кто-то из участников видеосъемки. Такие киноновинки регулярно порождают новые мемы. Один из последних – мужчина средних лет, который бурно радуется небольшому пойманному язю. Благодаря этому ролику слово «ЙАААААЗЬ!!!» стало популярным, обозначающим высшую степень радости и восторга. В Челябинске один из оптик-центров сделал своим девизом не менее известную в интернет-коммуникации фразу китайского продавца «Очки н-н-надо?».

4. Составные мемы. Подобная разновидность мемов живет своей особенной жизнью на основе постоянного смешения, скрещивания и создания модифицированных вариантов. В этом они очень похожи на вирусы. Часто два различных мема соединяются, в результате чего появляется новый. Например, популярные «Превед Медвед» и «Йа криведко» объединились на одной из картинок, породив фразу «Превед кривед». И хотя этот мем по популярности не превзошел своих «прародителей», тем не менее он довольно известен в сети.

Таким образом, под мемами подразумеваются и вербальные, и креолизованные тексты. Иначе говоря, это любые визуальные сегменты электронной коммуникации: высказывание, картинка с вербальным компонентом, видео или звукоряд, распространенные в сети Интернет и несущие какую-либо информацию.

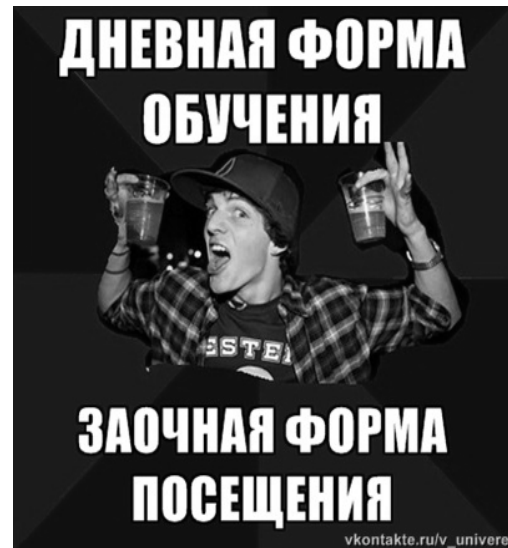
Обратимся к характеристике мема «Веселый студент», который, на наш взгляд, отражает типичное отношение студентов к учебе, университету и студенческой жизни в целом. Сама картинка, которая является неотъемлемой частью мема, способствует формированию в сознании пользователей образа студента.

Нами обнаружено следующее описание данного мема в Интернете: «Веселый студент (он же типичный студент) – очередной мем, возникший на просторах интернета. Появился он, как ни странно, в рашке (России – Н. Ч.), где студентов так много, что их нечем кормить, поэтому они употребляют в огромных количествах то, чем их подкармливают: пиво, доширак и сигареты. Веселый студент является форсед мемом, который возник на волне популярности таких мемов, как собака-советчица и других идентичных» [6].

В целом, вербальная экспонента рассматриваемого мема позволяет вычлнить ряд тем, значимых для студенческой среды (см. об этом: [2]):

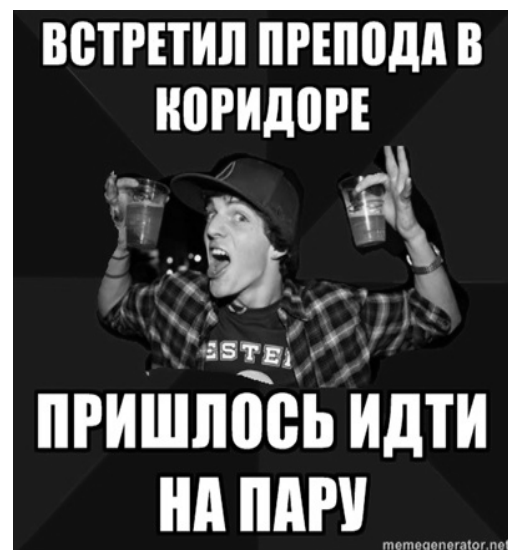
- **посещаемость**, например (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохраняется – Н. Ч.):

«Дневная форма обучения – заочная форма посещения»; «Отсидел 2 пары – выполнил план на неделю»; «Сходил в универ потому что дома скучно»; «Не ходил на пары полгода сказал что болел»; «Прогулял пары сказал что был в военкомате».

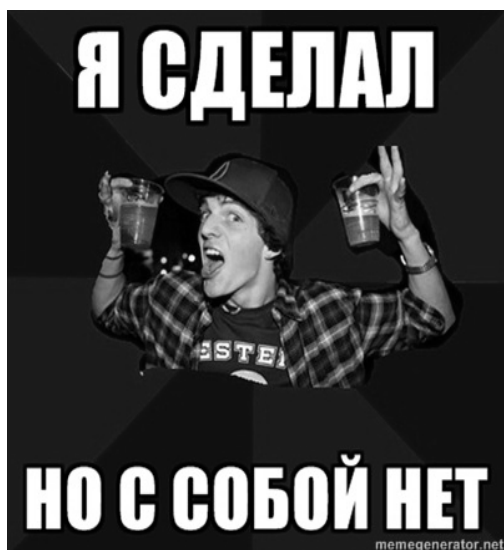
- **отношение к преподавателям**, например:

«Встретил препода в коридоре – пришлось идти на пару»; «Попросил препода повторить – чтобы он думал что я пишу»; «Препода что написал, срисовал потом пойму»; «Можете это не записывать – я и не сабирался»; «Препода задерживается на 10 минут – жду ещё 5 и до-мой!».

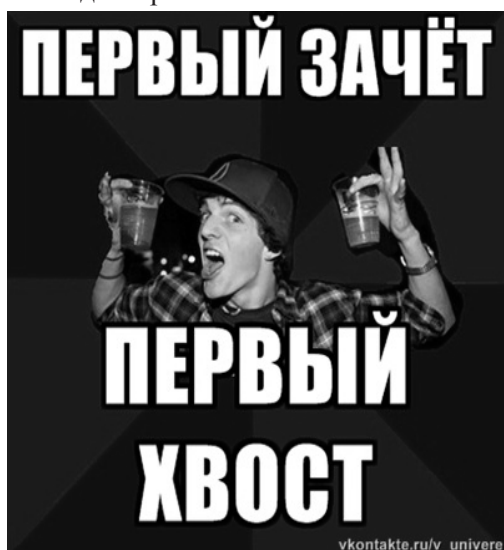
- **отношение к учебе**, например:

«Я сделал – но с собой нет»; «Учил до 4 ночи, начал в 3.55»; «Сидел на паре – прошел игру на телефоне»; «Купил тетрадь на философию – исписал одну страницу»; «С декабря начинаю учиться, *атвичаю посоны*»; «Получил 2 и чо?»; «Учусь по принципу ЗСЗ – заучил, сдал, забыл».

- *сессия*, например:

«Первый зачет – первый хвост»; «Есть вопросы по экзамену? – А когда пересдача?»; «Сломался комп – сдал сессию»; «Сяду выучу – сел зашел в контакт»; «А когда еще можно сдать?»; «Сессия а нам все весело»; «Закрыл сессию в декабре ... ЛЕТНЮЮ».

Для подобного типа коммуникации характерно использование ненормативной лексики, большое количество грамматических и лексических ошибок. В какой-то степени подтверждается мнение О. Николаевой о том, что «эпидемией XXI в. становится возможность безнаказанного общения и негативного влияния в интернет-пространстве» [5].

На наш взгляд, в основе создания мемов лежит принцип речевого воздействия на читателя, который осуществляется «в виде набора речевых актов, объединяющихся в ряд типов: социальное воздействие, воздействие с помощью художественных образов, информирова-

ние, доказывание, аргументация, симулирующий диалог, уговаривание, призыв, повеление, принуждение, оценка, эмоциональное воздействие, психическое программирование» [7].

Анализируя приведенные примеры, можно сделать вывод, что посредством мем-общения студенты стремятся выразить в интернет-пространстве свое отношение к учебному процессу, преподавателям, вузу и т. д. Через мемы репрезентируется своеобразная картина мира студенчества, понятная как большинству представителей этой социальной группы, так и представителям более старшего поколения.

В целом через различные модификации мема «Веселый студент» формируется образ бедного, голодного, ленивого, но при этом веселого и социально активного студента. С одной стороны, знание и понимание субкультурного кода является показателем включенности в круг студенчества, служит реализации потребности в идентификации. С другой стороны, актуальная для данной темы экспонента визуальности в сочетании с остроумным вербальным решением соответствует мировым трендам в современном информационном мире.

Список литературы

1. Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмурт. ун-та. 2012. № 1. С. 48–51.
2. Голованова, Е. И. Студенческий жаргон – студенческий фольклор: идеи и концепты // Четвертые Лазаревские чтения. Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2008. С. 335–341.
3. Докинс, Р. Эгоистичный ген. М., 1993. 318 с.
4. Ижанов, М. Интернет-общение как часть кибер-культуры [Электронный ресурс] // Computer Club Magazine. 2005. № 97. URL: www.izhanov.ru/publications/article2/
5. Николаева, О. Эпидемия XXI века: телевидение, Интернет и компьютерные игры. Ростов н/Д., 2008. 253 с.
6. Трендология рунета. «Веселый студент» [Электронный ресурс]. URL: <http://trendology.ru/veselyj-student/>
7. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. Челябинск, 2008. 232 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

А. Ж. Бальжурова

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ЖИВОПИСИ БУРЯТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Анализируется влияние буддийских традиционных мотивов на творчество бурятских художников второй половины XX в. Выявлены разные уровни применения буддийских мотивов в картинах мастеров-самоучек и профессиональных художников: внешние символы, такие как буддийские орнаменты, стилизация облаков, гор и водоемов; философские – обращение к буддийской мифологии; психологические – введение образов буддийских божеств с целью передачи более глубокого смысла картины.

Ключевые слова: буддийское искусство, художник, наследие, духовная культура, миф, символика.

Целью данной статьи является исследование буддийских традиционных мотивов в бурятской живописи второй половины XX в. Данный период характеризуется значительными переменами в жизни страны и сознании людей. Начинается возрождение сакральных и духовных основ бурятской культуры, в том числе происходит переоценка художественного наследия бурятского народа – буддийского искусства, которое было утрачено за годы социалистического реализма. Художники второй половины XX в., как профессиональные (А. Н. Сахаровская, А. О. Цыбикова и др.), так и самоучки (Л. Д. Доржиев, Ц-О. Очиров), начинают по-новому осмысливать свою сопричастность к буддийскому наследию и по-своему отражать это в своих работах¹.

Буддийское искусство с его дацанами, иконами, скульптурами на протяжении веков тесно сплетаясь с местными традициями и обычаями, несомненно, повлияло на самобытность и уникальность бурятской культуры. Но с 20–30 гг. XX в. в искусстве основным направлением становится «соцреализм», согласно которому необходимо было отражать советскую действительность без каких-либо «религиозных примесей». Тем не менее глубокие национальные корни и территориальная удаленность позволили бурятским художникам сохранить своеобразие духовного мировосприятия, которое после небольшого перерыва, в конце 50 гг. XX в., начинает вновь появляться, отражая мотивы ушедшей культуры.

Одним из первых, кто обратился к буддийским традиционным мотивам, был художник-самоучка Л. Д. Доржиев. Его художественная

манера «буряад зураг» во многом близка одному из развитых направлений современной монгольской живописи «монгол зураг»². Для этого он использует богатейший язык буддийской иконописи как прием построения композиции: характерная плоскостность; контрастное цветовое решение; преобладание графического начала; активное использование буддийской орнаментики, характеризующейся криволинейностью, яркой полихромией, пышным, витиеватым узором, использованием буддийских благожелательных символов³. Так, например, в композициях «Домог» и «Луу» горы, реки, озера, облака и листья на деревьях выполнены в традициях буддийской орнаментики.

Сюжеты картин также взяты из буддийской мифологии. В работе «Луу» изображено мифическое существо Дракон – один из «Четырех Могущественных» (Дракон, Гаруда, Лев и Тигр), которые являются самыми важными буддийскими животными и олицетворяют продолжительность жизни, добродетель, ум и тело. В буддизме Дракон выступает как символ мира, добра, счастья, изобилия и процветания⁴. Его изображения широко использовались в буддийском искусстве. Образ Дракона встречается в сюжетных иконах, скульптурных композициях, в интерьере дацана, в украшениях *цамских* костюмов и одеяний религиозных деятелей. Посох Белого Старца увенчивается головкой дракона.

В произведении «Домог» Л. Доржиев обратился к легенде о Зеленом коне, который пожертвовал собой ради спасения табуна от стаи волков. По буддийской мифологии Зеленый конь (*Морин эрдэни*) обладает большими Премудростями, является символом солнца,

жизни, возникающей из драгоценного сосуда, и особо почитается в дни празднования *Майдари хурал*, в честь Будды грядущего периода *Майтрейи*.

Уникальной самобытностью отличаются работы мастера-самоучки Ц.Н. О. Очирова: «Побег», «Фронтовик показывает извлеченную из тела пулю», «Партизан Патий указывает маршрут. 1919 г. Забайкалье», «Сэргэ» и т. д. В картинах Ц.Н. Очирова перед зрителем предстает, с одной стороны, бесхитростное и вместе с тем глубоко содержательное описание будней бурят-скотоводов, традиционный образ мира старой бурятской культуры. С другой, для его творений характерна глубокая и неразрывная связь с буддийской графикой. Графическая манера Очирова необычайно индивидуальна, разнообразна и выразительна. Он словно всякий раз заново открывает для себя неисчерпаемые ресурсы техники рисунка тушью (пером или кистью). Очертание фигур, контуры изображений создаются особой вихрящейся линией. Его работы соответствуют китайскому понятию «шань-шуй» – горы-воды, то есть буддийский «мир земной», чье изображение присутствует во многих тибетских и бурятских иконах, где мирское и сакральное начала находятся в единстве⁵. Облака и деревья, озера и камни предстают в рисунках Очирова полноправными действующими лицами, взаимодействуя с людьми и между собой. Впечатлению единства мира, связи с небом способствовал оригинальный прием изображения облаков, выходящих из отверстия юрта, и горящего очага, выполненные в традициях буддийской орнаментики.

Творчество художников-самоучек Ц.Н. О. Очирова и Л. Доржиева являет собой замечательный культурный феномен и пример взаимовлияния фольклорных и буддийских традиций.

Эти тенденции в своем творчестве отражали и профессиональные художники 1960–1990 гг.: А. Н. Сахаровская, Д. Г. Пурбуев, А. О. Цыбикова и др.

А. Н. Сахаровская, иллюстрируя эпос «Гэсэр», обратилась к буддийским традиционным мотивам. Элементы буддийской иконописи особенно явно видны в листах «Бабушка Манзан-Гурмэ, прародительница добрых небожителей», «Гэсэр просит у бабушки Манзан-Гурмэ совета, как победить в бою дьявола Шэрэм-Мината». Здесь художница изображает бабушку восседающей на троне. На таких тронах в буддийских иконах восседают глав-

ные буддийские персонажи (Будда Грядущего периода *Майтрейя*, Белый Старец (*Сагаан Убэгэн*), ученики Будды, *Чже Цзонхавы*, религиозные учителя и т. д.). Кроме того, бабушка изображена сидящей в «скрытой позе». По буддийскому канону так изображаются великие духовные учителя (*Богдо-гэгэны*, *Панчен-ламы* и т. д.). В левой руке она держит чашу, в правой руке – посох – атрибуты, взятые из буддизма. Чаша – это патра для сбора подаяний Будды Шакьямуни. Посох подобен посоху *Сагаан Убэгэна*, который является символом единения неба и земли, дающего живительный дождь, а также соединения мужского и женского начал, порождающего жизнь.

Своеобразная манера письма и стиль, напоминающий старо-бурятскую живопись, выделяют творчество Д. Г. Пурбуева. Его гравюры отличает тонкое философское осмысление каждого цикла, каждой работы, филигранная техника глубокой печати. Черный цвет достигает подчас такой глубины, что становится одухотворенным, а неяркое светлое пятно приобретает эффект ослепительного свечения. Его работы из циклов «Сталинизм: 1937. Уничтожение. Аресты, ссылки лам», «Памяти погибших лам», «Цаннид-Хамбо *Агван Доржиев*» наполнены глубоким драматизмом. Здесь нет певучих плавных линий, штрихи короткие, резкие, как бы пронизывают все изображения. На картинах цикла «Сталинизм: 1937. Уничтожение. Аресты, ссылки лам» силуэты буддийских божеств, лам, *хувараков* (учеников) высвечены на фоне темных расстрелянных людей или связанных перед расстрелом лам именно тем неярким цветом, который характерен для художника. Этот эффект дает понимание всей глубины трагедии 30-х гг. XX в. Цикл иллюстраций к книге «Цаннид-Хамбо *Агван Доржиев*» выполнен в форме буддийской книги, обрамлен темно-синим шелком, что уже несет художественную и смысловую нагрузку и говорит о приверженности автора к буддийской философии⁶.

А. О. Цыбикова в своем творчестве по-иному обратилась к буддийским традиционным мотивам. Она вводит их в виде второстепенных деталей: натюрмортного соседства, фона, стаффажа. В ранней работе «Большой натюрморт» рядом с детской фигуркой показана большая бронзовая позолоченная скульптура лани. Согласно буддийской мифологии лани были среди первых слушателей проповедей Будды. Целый набор буддийских аксессуаров включен в портрет «Пускание мыльных

пузырей»: два живописных свитка; большая белая раковина; темная бронзовая статуэтка; сосуд для священной воды с воткнутым павлиньим пером. В портрете «Дарима» единственным буддийским элементом является бронзовая чашечка-лампадка *суксэ* в руке у будущей матери. В многофигурной композиции «Лица» имеется изображение иконки. Картина «Обращение к *Белой Таре*» скомпонована из двух равновеликих фигур на фоне степного пейзажа: матери с ребенком и буддийской богини *Белой Тары* – дарительницы долгой жизни, семейного благополучия и чадоподательницы. Подчеркнуто ориентален фон портрета «Шепот времени»: деревья, скалы, водные потоки, облака. Следует отметить, что орнаментализованные облака часто появляются в пейзажных фонах разных произведений А. О. Цыбиковой. На многих картинах художницы показана белая морская раковина («Голос раковины», «Раковины», «Я помню»). Раковина, именуемая в Бурятии «*дуун буреэ*», – это музыкальный инструмент и приношение богам, а также в буддийской благопожелательной символике символ пробуждения мира, знак готовности людей к постижению истины.

Вводимые как бы случайно, в качестве дополнения буддийские традиционные мотивы придают картинам художницы глубокий, совершенно иной философский смысл, отражающий все искания творцов в период очередного перелома в искусстве Бурятии.

Таким образом, мы видим, что буддийские традиционные мотивы в культуре Бурятии после небольшого перерыва (1930 – начало 1950 гг.), начали возрождаться во второй половине XX в. И каждый самобытный художник в своем творчестве обращался к религиозным буддийским мотивам на разном уровне, используя философские, психологические идеи или внешние символы. Творчески переосмыслив национальное художественно-культурное наследие, они создали собственные самобытные реконструкции и интерпретации буддийских тем, которые сделали возможным сохранение, продолжение и преемственность, с одной стороны, традиций, а с другой – уникальной национальной культуры.

Примечания

¹ См.: Бороноева, Т. А. Графика Бурятии. Улан-Удэ, 1997. С. 65.

² Художники Бурятии : каталог 80–90 гг. Улан-Удэ, 2000. С. 8.

³ См.: Баторова, Е. А. Буддийские мотивы в бурятском орнаменте // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997. С. 116–125.

⁴ См.: Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008. С. 492–497.

⁵ См.: Иофан, М. Художник из Могсохона / М. Иофан, С. Цыбыктарова // Знание сила. 1990. № 21. С. 95–99.

⁶ См.: Художники Бурятии. С. 64.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

РОССИЯ БЕЗ СТЕРЕОТИПОВ

Рецензия на журнал «Конспект» (*Konspekt / Uniwersytet pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej*. 2014. № 1 (50). 76 s.)

Настоящий номер «Конспекта» – журнала Краковского педагогического университета – посвящен культуре России. Большинство его авторов – преподаватели и студенты русской филологии, которые ставят перед собой непростую цель: понять Россию.

Замечателен сам факт интереса польских специалистов к русскому языку и культуре. Статья «Давайте узнаем Россию» пронизана побудительной модальностью от самого названия. Известно, что германисты всего мира получают поддержку Института Гёте, романисты – Института французского языка, а русисты за границами России до недавнего времени не имели такой помощи. В беседе с Еленой Плес открывается история развития Центра русского языка и культуры в Кракове, выступившего инициатором создания фонда «Русский мир» – организации, которая с 2007 г. объединяет людей, интересующихся русским языком и культурой в разных странах мира. Именно здесь на территории Польши можно сдать государственный экзамен по русскому языку как иностранному.

Степень интереса к русскому языку в Польше – величина переменная, но он был всегда. Сегодня интерес к филологии вообще формирует рынок труда. Автор статьи «Литературоцентричность Востока» д-р Аурелия Коткевич убеждена, что современный филолог в Польше должен быть востребован в сфере бизнеса, туризма, торговли, а для этого он должен владеть информационными технологиями и двумя иностранными языками – романским и русским: «Это филолог, который хорошо знает русский язык, много знает о России и ее культуре, свободен от стереотипов на ее счет и способен применять свои способности на рынке труда».

Этот портрет соответствует действительности. Научный кружок русистов с 2001 г. издает свой журнал, которому Марек Глогер дает обзор в статье «You-godivuj, или 14 лет с одержимыми». Один из его выпусков, о чем свидетельствует «Слово от редакции», посвящен «строительству мостов между Польшей и Россией». С точки зрения редакции рецензиру-

емого номера «Конспекта», эта задача приобретает сейчас особую актуальность: «За короткий период в европейской политике произошли значительные изменения, которые повлияли на межгосударственные, международные, а главное – на межличностные отношения... В исследованиях этого номера поэтому звучат такие темы, которые объединяют людей во всем мире, а именно: стремление к творчеству, красота познания и бессмертная сила художественного слова».

Для успешной коммуникации нужно изучать чужую культуру, признавая ее право быть отличной от других, – такая идея пронизывает статью Дороты Девановской «Значение невербальной коммуникации с точки зрения компетентностного подхода в процессе обучения иностранному языку». Авторы статей настоящего номера помогают узнать и понять Россию в беседе с Галиной Кузьма, свидетелем истории блокадного Ленинграда; через знакомство с творчеством Андрея Рублёва и Теофана Грека (Б. Вахулец «Влияние паломизма на иконографию северо-восточной Руси»); через разгадку феномена фильма «Броненосец Потёмкин» Сергея Эйзенштейна (К. Катугла «Если революция привела меня к искусству, то искусство – к революции»); через понимание трагизма творческой судьбы Дмитрия Шостаковича (М. Вархолек «Утереть нос властям»).

Значительное место отведено современной российской культуре. Ева Мария Казмерчак в статье «Притча о смерти и счастье», посвященной творчеству режиссера Алексея Балабанова, отмечает усиление образа церкви в духовном поиске современного русского героя. В то же время в упомянутой выше статье Аурелия Коткевич ключом к пониманию русской культуры называет ее литературоцентричность: «Литература заменяла русским социологию, религию, политику. Главный элемент русской культуры – культ слова и великих писателей». Автор отмечает значимость работы переводчиков в диалоге польской и русской культур. Благодаря Юлиану Тувиму, Ежи Поляновскому, Анджею Дравичу, Ежи Чеху, Виктору и Наталье Ворошильским,

Евгении Семашкевич, Марии Лесневской и др. русская литература известна и любима в Польше. Большие надежды возлагает автор статьи на сотрудничество Института книги в Кракове и Института переводов в Москве, результатом которого должно стать издание серий «Российская библиотека» на польском языке и «Польская библиотека» – на русском.

Еще один мост между польской и русской культурами возводят «двуязычные» художники слова, например поэт, бард, переводчик Владимир Штокман и драматург Иван Вырыпаев (Н. Гура «Ваня в Народной Польше, или Несколько слов о Иване Вырыпаеве и его спектаклях на польской театральной сцене»). Действительно, нитей, пронизывающих неразрывно русскую и польскую культуры, очень много, причем некоторые настолько привычны, что становятся незаметны. Авторы ряда статей напоминают о них: о значении российских гимназий в Варшаве в формировании взглядов, мировоззрения, личности российских либералов пишет А. В. Лубков; о вкладе поляка Марьяна Ярошевского в развитие ипотерапии в России говорит М. Блажеевска; дань уважения незаслуженно забытому педагогу В. М. Фишеру и его вкладу в развитие методики преподавания литературы отдает В. Ф. Чертов; о потомках сосланных поляков – жителях сибирского села, не понимающих польские надписи на сельском

кладбище, с горечью повествует М. Волос; пионерам российской космонавтики с польскими корнями Константину Циолковскому и Ари Штернфельду посвящена статья Я. Крука.

Многосторонность тематики статей – музыка, живопись, литература, история, педагогика, космонавтика и др. – и в то же время глубина рассмотрения вопросов дают сложную, далекую от упрощения, картину истории России и ее современной культуры. Именно такой подход специалистов разных отраслей научного знания помогает разрушить стену непонимания, возведенную стереотипами, и установить мост межкультурного диалога и плодотворного сотрудничества между Россией и Польшей.

Надежда Александровна Ведякова
(Nadieżda Wiedziakowa),
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Челябинского
государственного университета,
заместитель председателя
Челябинской региональной
общественной организации
«Польское культурное общество
“Солярис”»

**Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски
/ О. Б. Сиротинина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.**

Монография профессора Ольги Борисовны Сиротининой, вышедшая в издательстве Саратовского университета, представляет собой во многом уникальное явление. Во-первых, она написана ученым, научный авторитет которого не вызывает сомнения, но мысли автора изложены так доступно, что вызывают впечатление беседы умудренного опытом и неравнодушного профессионала с близкими по духу людьми. Во-вторых, книга – итог многолетних личных наблюдений автора за состоянием родного языка, отразившихся в собранной им и, судя по приводимым примерам, огромной картотеке. В-третьих, это плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»: впервые, на мой взгляд, в монографии сочетаются боль за плачевное состояние современного русского языка и прогноз вероятного и возможного в его дальнейших изменениях. Как написано в Предисловии, «одна из особенностей работы автора представленного исследования заключается в симбиозе взгляда лингвиста на процессы, происходящие в русской речи, и взгляда на них прожившего 90 лет рядового носителя русского языка, сохранившего в своей памяти узуальные факты с конца 20-х гг. XX в. до наших дней» (с. 4).

Содержание книги кратко передается в аннотации: в монографии «рассматриваются «болевые участки» системы русского языка, вызывающие изменения в узусе, приводящие к изменениям в системе; процессы, характерные для XXI в., их причины и следствия; дается прогноз дальнейших изменений русского языка». Указывается, что «книга адресована лингвистам, может быть полезна и студентам-филологам». Хотелось бы расширить круг возможных читателей и добавить, как обычно пишут о популярных изданиях: «книга может быть полезна всем, кто любит родной язык и переживает за его судьбу».

В первой главе «Система русского языка и представление о ней в языковом сознании населения» утверждается, что система языка огромна и никем не осознается во всей своей сложности и противоречивости, а научные знания лингвистов и представление о ней в языковом сознании говорящего на нем народа далеко не всегда совпадают. Язык творят его рядовые носители, у которых знания о языко-

вой системе не только неполные, но подчас и ошибочные. Роль специалистов – предотвратить искажение языка, препятствовать распространению ошибочных употреблений путем создания нормативных словарей, учебных пособий и популярных изданий. По степени языковой компетенции и умения ею пользоваться О. Б. Сиротинина классифицирует речевые культуры в зоне литературного языка на следующие типы: «полнофункциональный тип (компетентность в функционально-стилевой дифференциации языка, привычка во всем себя проверять), неполнофункциональный тип (владение не всеми функциональными стилями), среднелитературный (владение только разговорным и профессионально необходимым стилем, системные ошибки в речи, «самоуверенная неграмотность») и характерный для не очень образованного большинства населения (иногда и с высшим образованием) обиходный тип (владение только разговорной речью, стилевая монотонность)» (с. 9).

Во второй главе «Узус и риски, вызываемые им» анализируются следствия «свободы» русской речи в современном узусе СМИ, характеризуются типы речевой культуры (от полнофункционального до обиходного), особое внимание уделяется «болевым участкам» системы как катализатору, а иногда и причине изменений в узусе, указываются факторы, влияющие на функционирование современного русского языка. Так, на смену периода господства «советского новояза», нередко обеднявшего и искажавшего систему богатейшего языка русской культуры, пришли два десятилетия «свободы» русской речи, в течение которых проявились две противоположные тенденции: к точности обозначений и к экономии усилий. Первая тенденция привела к логическим обобщениям в родовые понятия и к видовой конкретизации называемых предметов, их признаков, явлений, процессов окружающего нас мира. Вторая вызвала к жизни предельно обобщенные наименования, обозначаемые диффузными знаками, которые освобождают носителей языка от поиска точного слова, обедняют лексикон и создают «болевые участки» русской лексической системы. «Следствием длительной «свободы» речи стало ее огрубление, стилистическое снижение в

целом, усиление штампованности, ослабление самоконтроля за речью, сдвиги в ориентирах языковых ценностей (эталонов речи), в соотношении типов речевой культуры» (с. 31). В завершении главы Ольга Борисовна пишет о культурно-речевых тенденциях к очищению речи от всего наносного, нелогичного, называя пока еще не познанный лингвистами фактор – «самоочищение системы», который, несомненно, заслуживает самого пристального внимания специалистов.

Третья глава посвящена рискам, создаваемым узусом и системой языка в повседневном и профессиональном общении. В повседневной речи это риск элементарного непонимания и обиды в том случае, если собеседник назойливо проверяет понимание или проявляет излишнюю резкость, грубость, категоричность. Как считает автор, рискогенность обыденной жизни сравнительно легко преодолевается элементарной внимательностью к адресату, учетом ситуации и статусно-ролевых отношений. Сложнее обстоит дело с профессиональными рисками, возникающими при общении профессионала с непрофессионалом (незнание терминов, устройства прибора, его возможностей, особенностей работы механизма и под.), или с другим профессионалом из-за встречающейся омонимии, синонимии и многозначности терминов. Неадекватность понимания в ряде случаев возникает также по причине информационной неполноты сказанного или написанного. В разделах данной главы рассматриваются возможные рискогенные зоны системы русского языка и реального современного узуса с его рискогенными проявлениями. О. Б. Сиротина обращает внимание на то, что риск потери имиджа культурного человека сейчас снижен, хотя каждая речевая ошибка выдает или создает впечатление о недостаточном уровне общей культуры и снижает эффективность общения, риск непонимания приводит к конфликтам, а риск невозврата к гармонизирующему общению приводит к снижению уровня культуры поведения. «Только соблюдение языковых и конвенциональных норм преодолевает, а чаще и предупреждает рискогенность нашего и повседневного, и профессионального общения» (с. 64), – справедливо считает автор.

В четвертой главе, анализируя современный узус, автор озабоченно говорит о том, что самое опасное в современном состоянии русской речи – признаки обеднения возможностей русского языка из-за ошибочного отождествле-

ния значений слов и расширения диффузности этих значений в ущерб точности передаваемой информации, что может привести к их последующей кодификации. Если в силу каких-то изменений возможности языка уменьшаются, он деградирует и не способен точно передать информацию об окружающем нас мире. На это влияют два основных фактора: фактор разрешенной «свободы» русской речи и фактор влияния речи в СМИ, но, кроме них, можно говорить и о факторах образования, семьи, окружения, профессии человека и – главное – его личностных качеств. Однако отмечены и позитивные явления: «Наряду с фактами обеднения языка заметны факты его явного обогащения: пополнение лексикона за счет новых заимствований, развития новых коннотаций, увеличения состава синонимических рядов и углубления различий среди них» (с. 66).

На вопрос: «Что происходит с русским языком?» О. Б. Сиротина отвечает, что он изменяется; это заметно даже в пределах одного поколения, и не только специалистам. Особенно это проявляется в многочисленных и не всегда оправданных заимствованиях. Плачевное состояние русской речи, низкий уровень речевой культуры, опасные тенденции в развитии могут привести к сущностному изменению системы русского языка. Автор напоминает об ответственности правящей элиты и СМИ за судьбу родного языка, однако не снимает ее и с рядовых граждан: в конечном счете, судьба русского языка зависит от каждого из нас.

Завершает монографию рассуждение о вероятном и возможном в дальнейших изменениях русского языка, основанием для которого послужили фиксированные факты личной картотеки автора, в том числе результатов мониторинга СМИ, наблюдений ученых Саратовской лингвистической школы, записи звонков в саратовскую интерактивную радиопередачу «Служба русского языка», данные эксперимента. Вывод из всего исследования все же оптимистичен: «Литературный русский язык в качестве государственного языка РФ сохранится как один из богатейших языков мира, способный выполнять самые разные функции общения: от точных обозначений фактов окружающего нас мира и чувств человека до манипулирования собеседником и обществом в целом, а также художественного моделирования всего этого» (с. 105). Однако вслед за этим следует предупреждение: «Для того чтобы негативное возможное не превратилось в реаль-

ную судьбу языка, необходимо, прежде всего, внимание к нему» (с. 108).

Хотелось бы, чтобы глубокие мысли и страстное слово известного ученого затронули как можно больше тех, кто обучается культуре русской речи и кто ей обучает, для чего необ-

ходимо издание монографии Ольги Борисовны Сиротининой «Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски» большим тиражом в одном из центральных издательств.

Л. А. Шкатова